

ВСЕ ПЕРРИ МЕЙСОН

ЭРЛ СТЕНЛИ ГАРДНЕР

ДЕЛО
ЛЮБОПЫТНОЙ
НОВОБРАЧНОЙ

ВЕСЬ ПЕРРИ МЕЙСОН
ERLE STANLEY GARDNER

**THE CASE
OF THE BAITED HOOK**

**THE CASE
OF THE CARELESS KITTEN**

**THE CASE
OF THE CURIOUS BRIDE**

ВЕСЬ ПЕРРИ МЕЙСОН
ЭРЛ СТЕНЛИ ГАРДНЕР

**ДЕЛО ЛЮБОПЫТНОЙ
НОВОБРАЧНОЙ**

Романы

ММУК "Центральная
библиотека им.С.Есенина"
Люберецкого муниципального
района

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2002

УДК 820(73)
ББК 84(7Сое)
Г20

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Весь Перри Мейсон»
выпускается с 2002 года

Выпуск 3

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Гарднер Эрл Стенли
Г20 Дело любопытной новобрачной: Детективные
романы / Пер. с англ. — М.: ЗАО Центрполиграф,
2002. — 494 с. — (Весь Перри Мейсон).

ISBN 5-9524-0150-3 (Вып. 3)
ISBN 5-9524-0106-6

Если знаменитый адвокат Перри Мейсон берется за дело, значит, оно не такое простое, каким кажется на первый взгляд юной девушке, лишившейся наследства («Дело о наживке»), полиции, не придавшей значения смерти котенка («Дело о беззаботном котенке»), молодой женщиной, желающей получить страховку за пропавшего мужа («Дело любопытной новобрачной»).

УДК 820(73)
ББК 84(7Сое)

ISBN 5-9524-0150-3 (Вып. 3)
ISBN 5-9524-0106-6

© Состав, перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2002
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2002

**ДЕЛО ЛЮБОПЫТНОЙ
НОВОБРАЧНОЙ**

THE CASE OF THE CURIOUS BRIDE

Глава 1

Женщина нервничала. Ее глаза на секунду остановились на лице адвоката, потом скользнули по стеллажам, заполненным самыми разными книгами и занимающим все стены. Она чем-то напоминала дикое животное, запертое в клетку и с опаской осматривающее ее прутья.

— Садитесь, — пригласил Перри Мейсон.

Он разглядывал ее с откровенной настойчивостью, выработанной многими годами изучения тайников человеческих душ.

— Я пришла к вам по поручению своей подруги, — начала она.

— Да? — бесцветным голосом спросил адвокат.

— У моей приятельницы исчез муж. Насколько я знаю, существует такой термин, как «юридическая смерть», который предусматривает подобные случаи, не так ли?

Перри Мейсон не дал прямого ответа.

— Вас зовут Элин Крокер?

— Да.

— Возраст?

Она с минуту колебалась.

— Двадцать семь.

— Моя секретарша предполагает, что вы новобрачная.

Она обеспокоенно заерзала в большом кожаном кресле.

— Пожалуйста, не будем говорить обо мне. В конце концов, ни мое имя, ни мой возраст погоды не делают. Я уже говорила, что пришла по просьбе приятельницы. Вам совершенно не обязательно знать, кто я такая. Посредница, только и всего. Гонорар за консультацию вы получите наличными.

— Моя секретарша обычно не ошибается. Она совершенно уверена, что вы недавно вышли замуж.

— Откуда у нее такие сведения? Не понимаю.

— Вы все время ощупываете свое обручальное кольцо, словно не успели к нему привыкнуть.

Она заговорила невероятно быстро, как если бы декламировала заученное наизусть стихотворение:

— Муж моей приятельницы летел самолетом. Это случилось много лет назад. Я не помню названия места, просто где-то над озером. Стоял густой туман. По-видимому, пилот пытался прижаться поближе к воде, но не рассчитал и врезался. Один рыбак слышал гул самолета, хотя в таком тумане не смог его разглядеть. Ему показалось, что он летел над самой водой.

— Вы новобрачная? — спросил Мейсон.

— Нет! — возмущенно крикнула женщина.

— Вы уверены, что самолет погиб?

— Да. Были обнаружены обломки. И тело одного из пассажира. Но ни пилота, ни трех остальных пассажиров так и не нашли.

— Давно вы замужем?

— Пожалуйста, оставьте меня в покое... Ведь я уже объяснила вам, мистер Мейсон, что просто пытаюсь кое-что выяснить для своей приятельницы.

— По всей вероятности, его жизнь была застрахована, а теперь страховая компания отказывается платить, пока не будет найдено тело?

— Да.

— И вы хотите, чтобы я добился этой страховки?

— Отчасти.

— Что еще?

— Ее интересует, имеет ли она право снова выйти замуж?

— Сколько времени прошло после исчезновения мужа?

— Около семи лет. Чуть больше.

— За эти годы о нем ничего не было слышно?

— Нет, он умер... Что вы скажете о разводе?

— О каком разводе?

Она нервно рассмеялась.

— Боюсь, у меня все получается шиворот-навыворот... Подруге сказали, что, раз тело мужа не нашли, она должна возбудить дело о разводе. Мне это представляется глупым. Как же требовать развода у покойника? Скажите, могла бы она вторично выйти замуж, не подавая на развод?

— Так вы говорите, прошло более семи лет после его исчезновения?

— Да.

— Вы в этом уверены?

— Да. Теперь уже больше семи, но было меньше, когда... Она не договорила.

— Когда что?

— Когда она впервые встретила человека, с которым сейчас дружит.

Выпустив в воздух синий дымок от сигареты, адвокат, сам того не сознавая, продолжал все так же внимательно разглядывать свою посетительницу.

Элин Крокер не была красавицей. Имела желтовато-бледный цвет лица, как у не слишком здорового человека, излишне крупный рот с полноватыми губами, но зато приятно округлые формы тела и огонек в глазах. Так что в общем и целом на нее было приятно смотреть.

Она довольно стойко перенесла взгляд адвоката.

— Скажите, а больше вашу подругу ничего не интересовало?

— Как же, она хотела выяснить, то есть ей было просто любопытно услышать...

— Да?

— Какую вещь юристы называют «корпус дэликти»?

Перри Мейсон моментально насторожился. В его голосе звучали стальные нотки, когда он спросил:

— Что именно она хочет об этом знать?

— Правда ли, что, какими бы доказательствами ни располагало следствие, нельзя предъявить человеку обвинение в убийстве, пока не будет найдено тело?

— И это ее интересует из чистого любопытства? Итак, ваша приятельница хочет представить труп своего первого супруга, дабы получить страховку и иметь право вторично выйти замуж, но одновременно собирается скрыть этот труп чтобы избежать обвинения в убийстве? Так ли я понял?

Элен подпрыгнула в кресле, как будто ее ударило током.

— Нет, нет! Конечно, не так. Ничего подобного. Я ж объяснила, что последний вопрос она задала только из любопытности. Просто читала книгу, натолкнулась на...

В глазах Перри Мейсона появилось откровенно насмешливое выражение. Он стал чем-то походить на громадного пса, который решил позабавиться с неразумным щенком, а потом, устав от бесцельной возни, ушел в свой угол и демонстративно отвернулся, показывая, что тот может убраться восвояси.

Адвокат отодвинул ногой стул, на котором сидел, и поднялся, поглядывая на посетительницу с прежней усмешкой.

— Очень хорошо. Скажите своей приятельнице, что, если она хочет узнать ответы на свои вопросы, пусть официально договорится через моего секретаря о встрече со мной. Я буду рад с ней побеседовать.

— Но я же ее близкая подруга. Вы можете не сомневаться: я ничего не перепутаю, все передам в точности. Она лично не может к вам приехать.

— Нет, в юридическом мире так поступать не принято. Ей надо прийти самой, тогда и поговорим.

Элин Крокер хотела что-то сказать, но сдержалась.

Адвокат подошел к двери, ведущей в коридор, и распахнул ее.

— Вам будет лучше уйти отсюда.

Элин вздернула подбородок, поджала губы, сказала «прекрасно» и быстро проскользнула мимо него в коридор.

Перри Мейсон стоял на пороге, ожидая, что она непременно передумает. Но ее шаги, отдаваясь под сводами здания, звучали все тише и тише. Вот раздался грохот пришедшего на вызов лифта.

Она так и не вернулась.

Дверца захлопнулась. Кабина ушла вниз.

Глава 2

Делла Стрит вопросительно посмотрела на шефа, когда тот вошел в свой «личный» кабинет. Совершенно машинально она схватила карандаш и потянулась за блокнотом, готовая застенографировать все, что продиктует Перри Мейсон. Тут же лежала регистрационная книга, куда вписывались имена тех, кто приходил к адвокату, их адреса, затраченное время и плата за консультацию.

Глаза секретарши задавали молчаливый вопрос. Они представляли основную особенность ее лица, его квинтэссенцию. Чистые, серьезные и смелые глаза, как бы проникающие в душу человека. Адвокат привык к ним, научился понимать их выражение.

Он пояснил:

— Я дал ей возможность откровенно высказаться, но она не пожелала.

— А в чем же была проблема?

— Она попыталась выкинуть со мной старый трюк. Заговорила о таинственной приятельнице, которой требуется кое-какая информация. Задала несколько вопросов. Если бы

я ответил на них, она бы ушла и стала пытаться прибегнуть к помощи закона, чтобы выкрутиться из того положения, которое ее ужасает. И ничего хорошего бы не получилось.

— Она была так перепугана?

— Да.

Между Деллой Стрит и Перри Мейсоном существовала та особая связь, что возникает между людьми противоположных полов, на протяжении многих лет занимающихся вместе интересной работой, зависящей только от полной координации усилий. Все личные симпатии подчиняются желанию достичь намеченной цели. В итоге постепенно вырастает такая дружба, которую не может породить никакая влюбленность.

— Ну так что?

Карандаш Деллы по-прежнему был нацелен на бумагу.

— Я прекратил игру и сказал, чтобы она посоветовала своей приятельнице договориться со мной о свидании. Думал, она сдастся и выложит правду. Как правило, этим все и кончается. Но эта поступила иначе. Задрала нос, вышла из кабинета, даже не оглянувшись. Одним словом, надула меня.

Делла Стрит начертила в верхнем углу листа какие-то непонятные значки.

— Она вам рассказала, что недавно вышла замуж?

— Нет, даже не пожелала признать этого.

Делла кивнула головой, как бы в подтверждение собственных мыслей.

— Она новобрачная, тут не может быть сомнения.

Мейсон присел на краешек ее стола, достал портсигар из кармана, взял одну сигарету и произнес, как бы думая вслух:

— Мне не следовало этого делать.

— Чего «этого»?

— Того, что сделал, — пробормотал он, — какое право я имел сидеть с таким видом, будто святее самого Папы Римского? И ожидать, что перед совершенно незнакомым человеком раскроют душу нараспашку? Она была испугана и встревожена. Пришла ко мне за советом, поверила, что я смогу ей помочь в трудную минуту. Бедная дурочка, разве можно ее ругать за такой невинный обман? Как страус, который прячет голову себе под крыло. Мне бы следовало проявить сочувствие и растопить лед, завоевать доверие, узнать ее невзгоды и облегчить бремя. Но я потерял с ней терпение и попытался форсировать события. И вот она ушла. Все дело в том, что я нанес удар по ее самолюбию. Она поняла,

что я разгадал эту попытку прикрыть истину спасительной ложью. Разрешил себе даже посмеяться над ней. Она же излишне горда, у нее большая сила воли. Чувство самоуважения не позволило ей после этого пуститься на откровенность. Она пришла ко мне за помощью. Отказав в ней, я предал свое назначение. Это было неблагородно, Делла!

— Челуха на постном масле! — фыркнула девушка и потянулась за сигаретой.

Совершенно машинально адвокат дал ей прикурить.

— Она просто обратится к другому адвокату, шеф, — успокоительно сказала Делла.

Перри Мейсон медленно покачал головой.

— Нет, она потеряла веру в себя. Ведь ей наверняка пришлось долго репетировать и обдумывать свой рассказ о приятельнице. Одному Богу известно, сколько. Возможно, вчера ночью она почти не спала. Сотни раз в уме прокручивала это интервью. И все ей казалось таким умным и хитрым. Ты бы видела, как ненатурально-безразлично она держалась, как «не могла припомнить» подробности, названия, даты, потому что выступала не от себя, а от подруги. Да, да, она была в восторге от собственной изобретательности. И вдруг я так легко и быстро раскрыл обман... Нет, она не могла не потерять веру в свои силы. Бедняжка! Пришла ко мне, а я не захотел ничего сделать.

— Видимо, всю сумму, выданную за услуги адвоката, придется поставить в счет сегодняшней консультации?

Делла сделала кое-какие пометки в журнале.

— Подожди, какая сумма? Она мне ничего не платила.

Делла покачала головой. Глаза у нее были встревожены.

— Очень сожалею, шеф, но она внесла предварительный гонорар. Я спросила у нее имя, адрес и характер дела. Она сказала, что ей нужен только совет. Тогда я предупредила, что за это надо платить. Она рассердилась, открыла сумочку, вытащила пятидесятидолларовую бумажку и попросила считать ее авансом.

Теперь Мейсон уже окончательно не мог найти себе места от огорчения.

— Бедняжка! И я позволил ей уйти.

Делла Стрит сочувственно похлопала его по руке. Ее пальцы, сильные от повседневной работы на машинке, на минуту понимающе сжали его ладонь.

Сквозь матовое стекло внешней двери высветилась чья-то тень, звякнул звонок. Это мог быть клиент, пришедший по важному делу. Ему не полагалось видеть, какие у адвока-

та панибратские отношения с секретаршей. Делла Стрит знала, что Перри Мейсон плюет на подобные вещи и ведет себя так, как считает нужным. Вот и сейчас он продолжал по-прежнему сидеть на краю ее стола, пуская в воздух дым колечками. Она же поспешно отдернула свою руку.

Дверь распахнулась. На пороге возникла долговязая фигура Пола Дрейка. Он посмотрел на них своими слегка выпуклыми блестящими глазами, в которых будто навсегда застыло немного насмешливое выражение. Но это было всего лишь привычной маской, искусно скрывающей наблюдательность и ум, которыми природа щедро наградила главу частного Детективного агентства Дрейка.

— Привет, друзья. Как насчет работенки?

Перри Мейсон подмигнул.

— Ага, мы становимся жадными. Черт побери, все твое агентство вкалывало на меня одного на протяжении нескольких месяцев. Ты стонал, что валишься с ног от усталости, а теперь просишь новое задание?

Детектив отошел от двери и толкнул ее ногой так, что шелкнул замок.

— Скажи, Перри, минут семь назад не из твоей конторы выскочила невысокая девушка в коричневом, с такими живыми глазами?

Перри Мейсон прыгнул со стола и повернулся лицом к детективу. Ноги его крепко уперлись в пол, плечи распрямились.

— Выкладывай! — скомандовал он.

— Так выходила?

— Да.

Детектив кивнул.

— Вот «Служба» с большой буквы «С». Вот что знач находится в дружеских отношениях с сыскным бюро, которое расположено в одном здании с конторой адвоката!

— Хватит валять дурака, меня интересуют факты.

Пол Дрейк заговорил хрипловатым монотонным голосом: Так говорят дикторы радио, когда объявляют изменение курса акций на фондовой бирже: все понятно, но безумно скучно. Диктору нет никакого дела до того, что его слова одним несут финансовую независимость и прибыль, а другим — нищету и разорение.

— Выхожу я из своей конторы, которая, как известно, находится этажом ниже, и слышу, что по лестнице кто-то сбегает вот отсюда. Человек страшно торопился, пока не домчался до моей площадки. А тут от его спешки не осталось и следа. Он

тихонько доплелся до лифта и закурил сигарету, но сам не спускал глаз с него. Когда на указателе высочила цифра, показывающая, что тот остановился на твоём этаже, он нажал кнопку вызова. Естественно, за ним пришла та же самая кабинка. В ней был единственный пассажир: женщина лет двадцати шести — двадцати семи, одетая в коричневый костюм. С пышной фигурой, пухлым ротиком и живыми темными глазами. Вот цвет лица у нее явно подкачал, а в остальном ничего. Она нервничала, слегка раздувая ноздри, как норовистая лошадь. Я бы еще сказал, она была чем-то напугана.

— Можно подумать, что ты был вооружен полевым биноклем и рентгеновской установкой, — прервал его Мейсон.

— Не воображай, судя то я все это заметил с первого взгляда, — все так же лениво продолжал детектив, — просто, услышав, как тот парень скакал по лестнице, а потом так беспечно устроился закурить возле лифта, я решил, что было бы недурно спуститься вместе с ним до первого этажа. Понимаешь, не исключалось, что я сам себе могу подготовить дельце.

Мейсон смотрел на него без улыбки.

— Продолжай, Пол.

— Я решил, что этот парень был у кого-то на хвосте. Он проследил красотку до твоей конторы и дожидался в коридоре, пока она выйдет. Возможно, притаился за каким-нибудь выступом неподалеку от лестницы. Когда же дамочка действительно вышла, он галопом помчался вниз, чтобы успеть попасть вместе с нею в кабину.

Мейсон сделал нетерпеливый жест.

— Слушай, не объясняй мне азбучные истины. Выкладывай факты.

— Я вовсе не был уверен, что она идет от тебя, Перри. Если бы не сомневался в этом, обыграл бы ситуацию более тщательно. Но все-таки я вышел следом за ними на улицу и проверил правильность своих предположений. Парень действительно следил за ней. Почему-то он мне показался непрофессионалом. Прежде всего, слишком нервничал. Ты ведь знаешь, опытный «хвост» приучает себя никогда не выказывать удивления. Что бы ни случилось, он всегда остается невозмутимым и не пытается укрыться. Так вот, примерно в половине квартала, я имею в виду от этого здания, женщина внезапно обернулась. Ее преследователь невероятно перепугался и нырнул в парадное. Я же продолжал идти по направлению к ней.

— Так ты считаешь, что одного из вас она заприметила? — спросил Мейсон, судя по голосу которого его интерес к делу все увеличивался.

— Она даже не догадалась о нашем существовании. Либо задумалась о том, что забыла у тебя спросить, и решила вернуться, либо вообще у нее переменялись планы. На меня она не соизволила взглянуть, когда мы поравнялись. Просто так внезапно повернулась и пошла мне навстречу. И никакого внимания не обратила на своего преследователя, который забился в угол парадного подъезда, стараясь придать своей физиономии безразличное выражение. Можешь поверить на слово, у него был настолько дурацкий вид, что за мило было ясно: тут дело нечисто.

— Так, и потом?

— Она прошла шагов пятнадцать — двадцать и остановилась. Как я понимаю, она действовала чисто импульсивно, повернув тогда назад. А пройдя несколько метров, принялась рассуждать. Мне показалось, она чего-то опасается. Ей вроде бы и хотелось возвратиться, но она не смела. Возможно, гордость мешала. Не знаю, что произошло, но...

— Тут все в порядке, — прервал его адвокат, — я знаю. Я уверен был, что она вернется ко мне до того, как доберется до лифта. Но вот не захотела. Думаю, это было выше ее сил. Дрейк кивнул.

— Итак, с минуту она постояла в нерешительности, потом снова развернулась и с сердитым видом зашагала в прежнем направлении. Плечи у нее были опущены. Будто только что потеряла единственного друга. Она еще раз прошла мимо меня, не замечая никого и ничего. Я остановился, чтобы закурить. Не заметила она и парня, который прирос к своему парадному. Очевидно, не предполагала, что за ней могут следить.

— И что она стала делать?

— Пошла себе дальше.

— А он?

— Подождал, пока расстояние между ними увеличилось шагов на двадцать, и пустился следом.

— Ну а ты?

— Мне не хотелось, чтобы это походило на траурное шествие... Я подумал, что, если она действительно приходила именно сюда, тебе будет интересно узнать о ее преследователе. Но главное, не имел никакой уверенности, что это твоя клиентка. А без дальнейших инструкций вообще было неразумно ходить за ней хвостом.

Мейсон сощурил глаза.

— Ты ведь узнаешь этого парня, если снова его увидишь? То, что следил за ней?

— Конечно. Это довольно смазливый тип лет этак тридцати двух — тридцати трех. Светлые волосы, карие глаза. Модный одет. Судя по тому, как он держится, я бы сказал, что он из дамских угодников. Руки в идеальном порядке, сделан маникюр. Лак сверкает вовсю! Брился он в парикмахерской, да и массаж не забыл. Лицо было слегка припудрено. Если ты брешься дома, пудру не употребляешь. А если вдруг вздумается напудриться, сделаешь это руками. Парикмахер же использует пуховку и пудру не втирает.

Перри Мейсон хмурил лоб, о чем-то думая.

— Отчасти, Пол, она действительно моя клиентка. Пришла ко мне проконсультироваться, потом перетрусилась и поспешила удрать. Благодарю за информацию. Если дело получит дальнейшее развитие, я тебе сообщу.

Детектив двинулся к дверям. А на пороге заявил, плутовато подмигнув:

— Я бы посоветовал вам перестать держаться за руки и принимать невинный вид, когда кто-нибудь открывает двери в контору. Ведь так можно нарваться и на клиента. Какого черта вы не используете для этого личный кабинет, а, Перри?

Глава 3

Перри Мейсон, усмехнувшись, посмотрел в глаза страшно покрасневшей Деллы.

— Откуда он узнал, что я держала вашу руку? — сказала она. — Ведь я отошла раньше, чем он успел войти.

— Выстрел вслепую, — безмятежным голосом пояснил адвокат, нисколько не взволнованный шуточками Дрейка. — Наверное, заметил что-то особенное в выражении твоего лица... Знаешь, Делла, я собираюсь помочь этой особе. Поддержать ее. Уж коли мы приняли плату за услуги, то обязаны ее отработать.

— Но ведь мы не можем этого сделать! Вы даже не знаете, чего она от вас хотела.

Перри Мейсон кивнул и угрюмо сказал:

— Так-то оно так. Но она хотела получить мой совет по поводу какой-то личной крупной неприятности. Придется с ней связаться, выяснить подробности и либо возвратить деньги, либо помочь. Где она живет?

Делла Стрит взяла со стола желтенькую регистрационную карточку из плотного картона.

— Ее зовут Элин Крокер. Живет в доме 496 по Ист-Пелтон-авеню. Телефон — Дрентон 6-89-42.

Не ожидая указаний Мейсона, она потянулась к аппарату и быстро набрала только что названный номер подстанции.

Послышалось гудение. Делла нахмурилась.

Наконец связистка ответила.

— 6-89-42, пожалуйста.

В трубке снова загудело. После короткого ожидания Делла Стрит опять заговорила:

— Мне нужен телефон абонента Крокер. Инициалов не знаю. Старый номер был: Дрентон 6-89-42. Он сейчас отключен.

Выслушав ответ, Делла Стрит добавила:

— Ист-Пелтон-авеню, 496. Какие телефоны по этому адресу?.. Большое спасибо. Возможно, я ошибаюсь в номере дома.

Повесив трубку, она объяснила адвокату:

— Дрентон 6-89-42 был зарегистрирован на имя Такера. Он отключен более месяца назад. По Ист-Пелтон дома 496 вообще не существует. Вся Пелтон-авеню длиной в два квартала. Самый большой номер на ней 298.

Распахнув дверь в свой кабинет, Перри Мейсон бросил через плечо:

— Так или иначе, она с нами свяжется. Она в спешке забыла про деньги. Так вот, когда бы она ни объявилась, тотчас же дай мне знать.

Войдя в кабинет, он недовольно посмотрел на большое кожаное кресло, в котором сидела недавно молодая женщина. Солнечный луч, струящийся через раскрытое окно, отражался на нем от какой-то металлической детали. На стене лихо отплясывал солнечный зайчик.

Перри Мейсон подошел к креслу и обнаружил, что за подушку завалилась коричневая дамская сумочка. Снаружи виднелся только хромированный замок с модными в этом сезоне украшениями. Перри Мейсон достал сумочку и подбросил на ладони, удивляясь ее порядочному весу.

Подойдя к двери, он громко позвал:

— Иди-ка сюда, Делла. Принеси свой блокнот. Наша посетительница оставила свою сумочку. Я хочу ее открыть. Тебе придется сделать инвентаризационную опись...

Перри Мейсон принялся диктовать:

— Один белый носовой платочек, обшитый кружевами. Один автоматический пистолет 32-го калибра системы «Кольт», номер 3894-621.

Карандаш Деллы Стрит без заминок мелькал над листком бумаги, но она все же подняла на адвоката удивленные глаза.

Перри Мейсон продолжал так же монотонно:

— Обойма с патронами. Пистолет заряжен. Запаха пороха не чувствуется. Ствол как будто чистый... Кошелек, в котором находится: 152 доллара бумажками и 65 центов мелочью. Пузырек с таблетками ипрола. Пара коричневых перчаток, помада, пудреница, телеграмма на имя Р. Монтейн по Ист-Пелтон-авеню, 128. Содержание телеграммы следующее: «Жду вашего окончательного ответа пять часов сегодня крайний срок». Подписано: «Грегори». Пачка сигарет «Спек», коробка спичек, на которой напечатано рекламное объявление: «Кафе «Золотой орел», 43-я Западная улица, 25».

Перри Мейсон умолк. Он перевернул сумочку и постучал по дну.

— Пожалуй, это все.

— Великий Боже! — воскликнула Делла. — На что этой особе понадобился пистолет?

— Зачем людям вообще нужен пистолет?

Он взял носовой платок, тщательно протер им черный лак оружия и снова уложил в сумочку, потом, так же аккуратно вытирая вещи, на которых могли остаться отпечатки пальцев, привел в порядок и остальное.

Несколько раз неторопливо перечитал телеграмму и спрятал ее в карман.

— Делла, — сказал адвокат, — если она вернется, заставь ее подождать. Я ухожу.

— Надолго, шеф?

— Не знаю. Я позвоню тебе, если задержусь дольше часа.

— А вдруг она не захочет ждать?

— Я же сказал: заставь. Заговори ей зубы. Можешь даже объявить, что я очень сожалею о том, как с ней разговаривал. Эта особа попала в беду. И пришла ко мне за помощью. Единственно, я опасаясь, что она больше не вернется.

Выйдя на улицу, он подозвал такси, проверяя одновременно, не торчит ли у него из кармана найденная сумочка.

— Ист-Пелтон-авеню, 128, — сказал он.

Когда машина через двадцать минут доставила его по названному адресу, он велел водителю не уезжать.

Сам же торопливо прошел по дорожке, поднялся по трем ступенькам и нажал на кнопку звонка. За дверью послышались шаги. Мейсон вынул из кармана телеграмму и сложил ее так, чтобы в глаза сразу бросались имя и адрес.

Дверь отворилась. На пороге стояла молодая женщина и смотрела на адвоката каким-то удивительно усталым взглядом.

— Телеграмма на имя Р. Монтейн, — произнес Перри Мейсон, не выпуская листок из рук.

Женщина посмотрела на адрес и кивнула.

— Вы должны расписаться, — сказал Мейсон.

В ее глазах промелькнуло удивление, которое, однако, не переросло в подозрение.

— Вы не постоянный посыльный, — заметила она, посмотрев поверх плеча адвоката на такси, которое ждало возле обочины.

— Я управляющий этого отделения, — нимало не смутившись, соврал Мейсон. — Подумал, что сумею доставить телеграмму быстрее любого посыльного, поскольку должен был ехать по другим делам как раз мимо вашего дома.

Он вытащил из кармана записную книжку, вывинтил карандаш и протянул то и другое хозяйке.

— Распишитесь на верхней строчке.

Она написала «Р. Монтейн» и отдала книжечку назад.

— Одну минуту, — остановил ее Мейсон, — разве вы Р. Монтейн?

Смутившись, она ответила:

— Я получаю для нее корреспонденцию.

Адвокат снова показал на книжечку.

— В таком случае вам придется добавить собственное имя рядом с этой подписью.

— Раньше я так никогда не делала.

— Весьма возможно. Рассыльные экономят время и потому частенько не придерживаются инструкции.

Довольно неохотно женщина подписала строчкой ниже: «Нел Бринлей».

— А теперь, — сказал Перри Мейсон, убирая записную книжку и карандаш, — я хотел бы с вами поговорить.

И до того как быстрые пальцы девушки успели выхватить телеграмму у него из рук, спрятал ее к себе в карман.

Женщина тут же заподозрила что-то недоброе и панически перепугалась.

— Я вхожу, — заявил адвокат.

Женщина была не подкрашена, в простом домашнем платье и шлепанцах.

Перри Мейсон протиснулся мимо нее и первым двинулся по коридору, безошибочно правильно завернул в общую комнату и уселся в кресло, вытянув свои длинные ноги.

Нел Бринлей остановилась в дверях, прислонившись к косяку, как будто не решаясь войти в помещение, где так бесцеремонно расположился этот незванный гость.

— Входите же и присаживайтесь, — обратился к ней Мейсон.

Она еще постояла пару секунд, потом все же решилась приблизиться.

— Кого вы из себя изображаете? — спросила она голосом, который бы должен был звенеть от возмущения, а на деле дрожал от страха.

Зато в голосе Мейсона звучала напористость и уверенность.

— Я интересуюсь деятельностью Р. Монтейн. Расскажите мне все, что о ней известно.

— Я ничего не знаю.

— Но вы же расписались за телеграмму.

— Просто подумала, что имя Монтейн написано там по ошибке. Я сама ждала известий, решила, что это мне, и хотела прочитать. Если бы она оказалась не для меня, я бы ее возвратила.

Мейсон улыбнулся, не скрывая иронии.

— Придумайте что-нибудь более удачное.

— Мне незачем ничего придумывать. Я говорю правду.

— Эта самая телеграмма была сегодня доставлена сюда в девять пятьдесят три утра. Вы за нее расписались и передали Р. Монтейн.

— Ничего подобного!

— Факты доказывают обратное.

— Здесь же стоит подпись Р. Монтейн.

— Да, да, но сделанная вашим почерком. Образец такой подписи у меня имеется в записной книжке. Ниже написано: «Нел Бринлей». Это ваше имя?

— Да.

— Послушайте, я друг Р. Монтейн.

— Вы даже не знаете, женщина это или мужчина!

— Женщина, — сказал он, не спуская с нее глаз.

— Если вы ее друг, почему бы вам не связаться с ней самой? — спросила Нел Бринлей.

— Именно это я и пытаюсь сделать.

— Друг сам должен знать, где ее найти.

— Я намерен разыскать ее через вас.

— Мне про нее ничего не известно.

— Вы отдавали ей эту телеграмму?

— Нет.

— Ах вот как. Я так и знал. Ну что же, я детектив, направленный сюда телеграфной компанией. К нам поступили жалобы, что посторонние люди получают и вскрывают телеграммы. Возможно, вы еще не понимаете, что это мошенничество, предусмотренное в Уголовном кодексе нашего государства. Прошу вас немедленно собраться и пройти со мной в районную прокуратуру для дачи показаний.

Она испуганно задержала дыхание.

— Нет, нет! Это ошибка! Я действую по просьбе Роды. И телеграмму сразу же ей передала.

— А почему Рода не может получать телеграммы на свой адрес?

— Не может...

— Почему?

— Если бы вы знали Роду, то не стали бы спрашивать.

— Вы имеете в виду ее мужа? Но у замужних женщин не должно быть тайн от их супругов, особенно у молодоженов.

— Значит, вам об этом известно?

— О чем «этом»?

— Что она новобрачная.

— Разумеется, — рассмеялся Мейсон.

Нел Бринлей опустила глаза, задумавшись. Мейсон молчал, не желая форсировать события.

— Вы ведь не детектив из телеграфной компании, правда? — спросила она.

— Нет, я друг Роды, хотя она этого не знает.

— Хорошо, я скажу вам правду, — решила женщина.

— Это всегда помогает, — сухо заметил адвокат.

— Я медсестра. Очень дружна с Родой. Мы с ней знакомы много лет. Рода хотела получать на этот адрес какие-то письма и телеграммы. До замужества она жила тут, со мной. Я ей сказала, что мне это ничего не стоит.

— Где она сейчас живет?

Нел Бринлей покачала головой и сказала:

— Она не дала мне адреса.

Мейсон иронически рассмеялся.

— Честное слово, я говорю правду. Рода удивительно скрытная особа. Ведь мы с ней прожили вместе больше года, хозяйничали вдвоем в нашем маленьком домике, а теперь я даже не знаю человека, за которого она вышла замуж, не знаю, куда переехала. Мне известно, что его фамилия Монтейн. Больше ничего.

— Ну а имя его вы знаете?

— Нет.

- Откуда же узнали фамилию?
- Но ведь на это имя Роде сюда присылают телеграммы.
- Как ее звали в девичестве?
- Рода Лортон.
- Сколько времени она замужем?
- Меньше недели.
- Каким образом вы передали ей эту телеграмму?
- Она позвонила узнать, нет ли для нее чего-нибудь, Я сказала — есть. Тогда она за ней приехала.
- Какой у вас номер телефона?
- Дрентон 9-42-68.
- Вы медсестра?
- Да.
- Аттестованная?
- Да.
- Вас вызывают в случае необходимости?
- Да.
- Когда в последний раз?
- Вчера. Я операционная сестра.
- Мейсон поднялся, улыбаясь.
- Как вы считаете, Рода позвонит еще?
- Возможно, но я не уверена. Понимаете, она такая странная. Скрытная. В ее жизни есть такое, что она утаивает ото всех. Не знаю, что именно. Она никогда мне полностью не доверяла.
- Если она позвонит, передайте, что ей нужно вернуться к тому адвокату, у которого она сегодня была. Ему необходимо сказать ей нечто крайне важное. Как вам кажется, вы не забудете об этом?
- Нет. А телеграмма? Она адресована Роде, — сказала Нел, глядя на карман адвоката.
- Это та самая, которую вы передали ей сегодня.
- Знаю, но где вы ее взяли?
- Профессиональная тайна.
- Кто вы такой?
- Человек, который попросил вас передать Роде, чтобы она обязательно зашла к адвокату, у которого была сегодня.
- Он пошел по коридору, не обращая внимания на то, что она все еще продолжала о чем-то его спрашивать.
- Живо! — распорядился он, усевшись рядом с водителем. — Заверните за угол и остановитесь у первого телефона.
- Нел Бринлей вышла на крыльцо и внимательно проследовала, как исчезла за угловым домом машина.

Водитель затормозил перед универсальным магазином, в котором стояла телефонная будка.

Опустив монетку в щель автомата, Мейсон прикрыл рукой рот, чтобы приглушить голос. Вызвал свою контору, а когда услышал в ответ «алло» Деллы Стрит, распорядился:

— Срочно бери карандаш и бумагу, Делла.

— Порядок.

— Примерно через двадцать минут позвони Нел Бринлей в Дрентон 9-42-68. Попроси ее, чтобы она сразу же позвонила тебе, как только придет Рода Монтейн. Назовись чужим именем. Скажи, что тебе надо передать сообщение от Грегори.

— Хорошо, шеф. А что я должна сделать, когда позвонит Рода?

— Скажешь, кто ты такая. Объяснишь, что она оставила у меня в конторе свою сумочку. Ну, и что я хочу ее немедленно видеть. А теперь поручение для тебя. Проверь свидетельства о браках. Узнай, было ли выдано таковое неким Монтейну и Роде Лортон. Пускай Пол Дрейк отправит одного из своих ребят в газовую, электро- и водопроводную компании. Там надо узнать, не приходилось ли им недавно обслуживать Монтейнов. Когда выяснишь имя Монтейна из брачного свидетельства, справься в телефонной книге или в бюро относительно его телефона. Второго человека Дрейк должен послать в адресный стол, чтоб тот раздобыл мне по брачному свидетельству адрес новоиспеченного супруга. Наконец, необходимо попытаться выяснить в фирме «Кольт» историю того пистолета, который мы обнаружили в сумочке. Номер у тебя записан. И пусть Пол работает втихомолку. Я хочу выйти на эту женщину.

— Почему? — спросила она. — Что-нибудь случилось?

— Нет, но может, если я вовремя не вмешаюсь.

— Вы еще позвоните узнать, какие сведения я получила?

— Да.

— Договорились, шеф.

Мейсон повесил трубку и вернулся в такси.

Глава 4

Типография находилась в небольшом помещении, затиснутом между огромными домами, по соседству со второй такой же щелью, где желающим предлагались различные соки. В витрине были выставлены образцы шрифтов. Объявление извещало, что визитные карточки и пригласительные билеты изготавливаются в присутствии заказчика.

Перри Мейсон с нерешительным видом остановился напротив. Сразу было заметно, что его раздражают противоречивые желания: приобрести или нет.

Человек, сидевший за прилавком, моментально оказался подле него.

— Я могу использовать быстросохнущие чернила, которые не отличить от типографской краски, — сказал он голосом заговорщика. — Даже эксперт не заметит разницы.

— Сколько стоит? — спросил Мейсон.

Испачканный чернилами указательный палец мастера ткнул в прейскурант с образцами работ и ценами за десяток.

Мейсон вынул из кармана банкнот и показал на одну из карточек.

— Мне нравится вот эта. Напишите на ней «Р. Монтейн, Ист-Пелтон-авеню, 128». В нижнем левом углу — «Страхование и капиталовложения».

— Всего несколько минут, пока я приготовлю матрицу, — заговорил наборщик, отдавая Мейсону сдачу. — Вы подождете здесь или зайдете чуть позже?

— Зайду еще раз.

Он прошел в ближайшую аптеку, узнал там по телефону у Деллы Стрит, что Рода Монтейн пока не звонила, сел за столик, не спеша выпил довольно вкусное шоколадное молоко, которое следовало бы назвать просто какао, понимая, что «несколько минут» у наборщика равняются доброму получасу. Наконец он снова пересек улицу и получил два десятка свеженьких визитных карточек.

После этого опять вернулся в аптеку и позвонил Делле Стрит.

— Пол Дрейк разобрался в брачных свидетельствах. Жениха зовут Карл У. Монтейн. Адрес: Чикаго, Иллинойс. Газовая и водопроводная компании обслуживали Карла Монтейна в доме 239 по Хаутон-авеню на прошлой неделе. В свидетельстве сказано, что она — вдова, Рода Лортон. Дрейка интересует вопрос расходов. Каковы лимиты?

— Пусть тратит столько, сколько потребуется для дела. Раз клиентка уплатила мне за то, чтобы я представлял ее интересы, то я и намерен их представлять.

— А вам не кажется, шеф, что сделано уже вполне достаточно? В конце концов, вы не виноваты. Вы же не знали про деньги.

— Не знал, а должен был знать. Так или иначе, я доведу это до конца.

— Но ведь ей-то известно, где можно вас отыскать.
— Она не вернется.
— Даже вспомнив о своей сумочке?
— Теперь она уже вспомнила, но не смеет обратиться ко мне из-за оружия.

— Уже пятый час, — напомнила ему Делла, — учреждения скоро закрываются. Дрейк выяснил практически все, что ему могли дать официальные источники.

— А про пистолет?

— Нет еще. Но думает, что до пяти узнает.

— Отлично, Делла. Не уходи. Дождись моего следующего звонка: Задержи эту Роду любым способом, если паче чаяния она объявится. Скажи, что нам известно ее настоящее имя и адрес. Это приводит в чувство.

— Кстати, шеф, есть еще одна деталь, которую, мне кажется, вам интересно будет узнать.

— Что такое?

— В том фальшивом телефоне Рода Монтейн просто переставила вперед две последние цифры номера Нел Бринлей. По-видимому, она его хорошо знает. Вот я и думаю, уж не жила ли она вместе с этой Нел?

Перри Мейсон засмеялся.

— Ты у меня умница, Делла.

Повесив трубку, Перри Мейсон двинулся в главное управление телеграфной компании.

Войдя в зал, он подошел к одному из окошек и обратился к служащей, миловидной блондинке средних лет:

— Не могли бы вы мне помочь?

Показав ей телеграмму Роды и карточку на имя Р. Монтейн, он объяснил, что это страшно важное для него послание, на которое необходимо дать ответ, но поскольку он потерял адрес отправителя, то хочет узнать, не написан ли последний на бланке телеграммы. Может быть, по ее номеру отыщется подлинник.

— Я попробую, мистер Монтейн, — сказала девушка, забрала у него телеграмму с визиткой и ушла с ними куда-то в самый конец зала.

Перри Мейсон взял чистый телеграфный бланк, сверху написал одно слово «Грегори», оставив место для адреса. А ниже нацарапал следующий текст:

«Важные события заставляют отложить неопределенное время визит лично объясню встрече.

Р. Монтейн».

Женщина возвратилась минут через пять с именем и адресом, которые были написаны самим корреспондентом в нижней половине бланка.

Мейсон взглянул на них, удовлетворенно кивнул головой и дополнил свое послание: «Грегори Моксли, апартаменты «Коллемонт», Норвалк-авеню, 316».

— Огромное вам спасибо. Пожалуйста, отправьте эту телеграмму.

— А теперь, — улыбнулась телеграфистка, — мне придется попросить вас указать свой адрес.

— Разумеется! — спохватился Перри Мейсон, изображая крайнюю степень смущения, и написал: «Р. Монтейн, Ист-Пелтон-авеню, 128».

Потом расплатился, вышел с телеграфа и подозвал такси.

— Норвалк-авеню, 316, — сказал он.

Апартаменты «Коллемонт» оказались огромным двухэтажным зданием, которое когда-то было частным особняком. Поскольку спрос на такие большие помещения упал, владельцы поделили его на четыре просторных квартиры. Перри Мейсон обратил внимание на то, что три из них пустовали. Удивляться тут было нечему: по обе стороны улицы возвышались и более современные, и более удобные строения. Можно было не сомневаться, что в ближайшем будущем особняк снесут и на его месте выстроят дом посolidнее.

Мейсон позвонил в квартиру В; на пластмассовой дощечке, прикрепленной над кнопкой, было написано: «Грегори Моксли».

Послышалось жужжание механизма, который открывал дверь на расстоянии. Адвокат нажал на ручку и вошел в прихожую; почти у самого порога начиналась длинная лестница. Он стал подниматься на второй этаж. В это время на площадку вышел какой-то человек. На вид ему казалось лет тридцать шесть. У него были живые настороженные глаза, заготовленная улыбка, обходительные манеры. Несмотря на то что день выдался на редкость теплым, он был одет в костюм, застегнутый на все пуговицы и придававший ему весьма респектабельный и даже важный вид. От него так и веяло благополучием и полнейшим довольством.

— Добрый день, — сказал он, — боюсь, мы с вами незнакомы. Я ждал другого человека, с которым договорился о встрече!

— Вы имеете в виду Роду? — спросил Перри Мейсон.

На какое-то мгновение тот замер, как бы приготовившись к удару. Но почти тут же снова расплылся в благодушной улыбке.

— Ага, значит, в конце концов, я оказался прав. Поднимайтесь же и садитесь. Как вас зовут?

— Мейсон.

— Рад с вами познакомиться, мистер Мейсон.

Он схватил правую руку Перри Мейсона и крепко пожал ее.

— Вы — Моксли? — спросил адвокат.

— Да, Грегори Моксли. Давайте пройдем в помещение. Сегодня очень жарко, правда?

Он провел Мейсона в библиотеку и жестом показал на кресло.

Комната была обставлена довольно уютно, хотя вся мебель выглядела старомодной. Окна были распахнуты. В пятнадцати футах возвышалась стена соседнего современного жилого дома.

Мейсон уселся, скрестив по привычке ноги, и совершенно машинально потянулся за портсигаром.

— Это здание загораживает вам свет и мешает свободно доступу воздуха, — заметил он.

Моксли сердито посмотрел туда.

— Из-за этого проклятого ублюдка у человека нет ни покоя, ни вентиляции. В такие дни, как сегодня, моя квартира превращается в пекло.

Моксли добродушно подмигнул с видом человека, научившегося с философским спокойствием принимать превратности судьбы.

— Вы, если не ошибаюсь, единственный жилец в этом бывшем особняке?

Моксли рассмеялся с некоторым вызовом.

— Вы сюда пришли порассуждать о моем жилище?

Мейсон в свою очередь улыбнулся.

— Едва ли.

— Тогда зачем?

Мейсон взглянул прямо во встревоженные глаза Моксли.

— Я пришел как друг Роды.

Моксли кивнул.

— Да, я это понял. Не думаю, чтобы вы...

Его слова были прерваны прерывистым дребезжанием звонка, которое вспугнуло душную дрему жаркого дня.

Моксли нахмурился и посмотрел на Перри Мейсона.

— Вы здесь с кем-то назначили свидание?

Мейсон покачал головой.

Моксли как будто не знал, что делать. Сладкая улыбка исчезла с его физиономии. Перед адвокатом больше не было светского кавалера. Стоял угрюмый, настороженный тип,

злобно сжимающий кулаки. Не соизволив извиниться, он какими-то крадущимися шажками пошел к дверям и остановился на площадке так, чтобы видеть и коридор, и Перри Мейсона.

Снова затрещал звонок.

Моксли нажал на кнопку автомата и в этой напряженной позе стал ждать, пока отойдет в сторону щеколда.

— Кто там?

Этот хриплый окрик ничем не напоминал недавнее бархатистое урчание «добродушного сибарита».

— Телеграмма, — ответил мужской голос. На лестнице раздались шаги, зашуршала бумажка, хлопнула входная дверь.

Моксли возвратился в комнату, надрывая конверт. Потом расправил листок, прочитал и бросил подозрительный взгляд на Мейсона.

— Это от Роды, — сказал он.

— Угу, — без всякого интереса буркнул адвокат.

— Про вас она ничего не сообщает.

— Она и не могла бы сообщить.

— Почему?

— Потому что не знала о моем приезде.

— Продолжайте, расскажите все до конца.

— Я ее друг, — повторил Мейсон.

— Вы уже об этом говорили.

— Я приехал сюда как друг.

— И в этом для меня нет ничего нового.

— Я адвокат.

— Вот теперь кое-что сказали.

— Именно поэтому я и повторил несколько раз, что приехал как ее друг.

— Не понимаю.

— Как друг, а не как адвокат. Теперь понятно? Рода меня сюда не посылала. И не знала, что я здесь окажусь.

— Тогда для чего вы заявили?

— Просто ради собственного удовольствия.

— Что вы хотите?

— Узнать, что вам нужно от Роды.

— Для друга, — сказал Моксли, помещая ладонь на ручку ящика стола, — вы слишком много говорите.

— Теперь я с большим удовольствием стану слушать.

Моксли издевательски расхохотался.

6 — То, что вы хотите, и то, что будете делать, — вещи разные.

В Моксли больше не чувствовалось ни радушного хозяина, ни рубахи-парня. Все это заменили озлобленность и недоверие.

— Может быть, вам рассказать, что меня сюда привело?

— Расскажите.

— Я адвокат. Случилось нечто, заставившее меня заинтересоваться Родой. Думаю, детали не имеют значения. К сожалению, я не могу связаться с ней, но мне известно, что вы иногда видите. Вот я и решил приехать к вам, чтобы узнать, где можно ее найти.

— Для того чтобы помочь?

— Чтобы я мог ей помочь.

— Вы говорите не как адвокат, а как самый настоящий болван.

— Очень может быть.

Помолчав с минуту, Моксли спросил:

— Значит, Рода излила вам свои горести?

— Я говорю чистую правду.

— Вы не отвечаете на мой вопрос.

— Я не обязан этого делать. Но если вы ничего не намерены рассказывать, тогда я скажу.

— Валяйте!

— Рода Монтейн — симпатичное существо.

— Не вам об этом судить!

— И я намерен ей помочь.

— Вы уже много раз это повторяли.

— Около недели назад Рода вышла замуж за Карла Монтейна.

— Это не новость.

— До замужества Рода была Лортон.

— Продолжайте.

— В брачном свидетельстве указано, что она вдова. А ее первого супруга звали Грегори.

— Продолжайте.

— Вот мне и пришло в голову, — совершенно бесстрастно проговорил адвокат, — уж не ошиблась ли Рода?

— В чем?

— В то, что она вдова. Если, например, тот человек, за которым она была замужем, в действительности не умер, а всего лишь исчез на семь лет, что создало презумпцию его смерти, но сейчас появился, он по-прежнему остается ее мужем.

Теперь в глазах Моксли сверкали такие злобные огоньки, что становилось страшно.

— Для простого друга вы хорошо осведомлены, — сказал он.

— С каждой минутой мои сведения пополняются, — сказал адвокат, не спуская глаз с физиономии Моксли.

— Вам еще многое предстоит узнать!

— Например?

— Например, то, что бывает с человеком, сующим нос в дела, которые его не касаются!

Пронзительно и нудно зазвонил телефон. Его треск казался особенно громким и раздражающим в эту напряженную минуту.

Моксли облизал пересохшие губы, потом, поколебавшись, обошел вокруг адвоката и левой рукой потянулся к аппарату.

— В чем дело? — спросил он неприятным голосом.

В трубке что-то забормотали.

— Не сейчас, — рявкнул Моксли, — у меня посетители. Вы должны догадываться, кто именно. Я говорю, должны! Не хочу называть никаких имен, но вам-то можно пораскинуть мозгами. Это адвокат... Да, Мейсон.

Перри Мейсон вскочил.

— Если это Рода, я хочу с ней поговорить.

Он двинулся к телефону.

Моксли переключился от ярости, он сжал правую руку в кулак и рявкнул:

— Назад!

Мейсон продолжал спокойно идти. Моксли торопливо бросил трубку на рычаг.

И все же раньше Мейсон успел громко крикнуть:

— Рода! Позвоните ко мне в контору!

— Черт бы вас побрал! Какого дьявола вы вмешиваетесь в наши дела?

Моксли не помнил себя от злости.

Мейсон пожал плечами.

— Поскольку я уже сказал все, что хотел, разрешите откланяться.

Он взял шляпу и начал неторопливо спускаться по бесконечным ступенькам длинной лестницы. Все это время он чувствовал на своем затылке ненавидящий взгляд Моксли, но ни разу не обернулся.

Первым делом он доехал до ближайшей аптеки и позвонил оттуда Делле Стрит.

— Что нового?

— Проверили данные о Роде. Она была Родой Лортон, женой Грегори Лортон, а тот умер в феврале 1929 года от

воспаления легких. Лечил его доктор Клод Милсоп. Им подписано и свидетельство о смерти.

— Где он живет?

— Апартаменты «Терезита», Вичвуд-стрит, 19/28.

— Так. Что еще?

— Мы выяснили историю пистолета, который находился у нее в сумочке.

— Говори.

— Он был продан Клоду Милсопу, проживающему по адресу Вичвуд-стрит, 19/28.

Перри Мейсон присвистнул.

— Что еще?

— Пока все. Дрейк интересуется, какую работу вы ему поручаете?

— Ему можно параллельно заниматься и другими делами, но мне необходимо, чтобы он выяснил всю подноготную человека по имени Грегори Моксли, который живет в апартаментах «Коллемонт» на Норвалк-авеню, 316.

— Установить слежку?

— Нет, не нужно. Это было бы даже неразумно, потому что у Моксли звериный нрав, а я пока не знаю, какова его роль в этом деле.

По голосу Деллы Стрит было ясно, что она сильно встревожилась:

— Послушайте, шеф, уж не зарываетесь ли вы?

Перри Мейсон снова заговорил добродушно-легкомысленным тоном:

— Ты бы знала, Делла, как мне сейчас интересно жить на свете! Я зарабатываю или «отрабатываю» свой аванс.

— Пятьдесят долларов не такая большая сумма, чтобы за нее класть голову на плаху.

Глава 5

Отойдя от телефона, Перри Мейсон подошел к прилавку.

— Что такое ипрот? — спросил он.

Аптекарь внимательно посмотрел на него.

— Гипнотическое.

— Что значит «гипнотическое»?

— Особое успокоительное средство. Вызывает самый нормальный сон, после которого человек чувствует себя отдохнувшим. При правильной дозировке не дает никаких побочных эффектов.

— От него нельзя одуреть?

— Нет, если не превышать дозы. Повторяю, оно вызывает нормальный, здоровый сон. Сколько вам?..

Но Мейсон покачал головой, сказал «спасибо» и вышел из аптеки, насвистывая какой-то веселый мотивчик. Шофер распахнул перед ним дверцу машины.

— Куда теперь?

Перри Мейсон нахмурился с озабоченным видом, как бы мысленно взвешивая план операции.

Через три квартала при повороте на Норвалк-авеню они чуть не столкнулись с другим автомобилем. Адвоката сильно тряхнуло на сиденье.

Глаза Перри Мейсона устремились на эту машину. Шофер проследил за направлением его взгляда.

— Смелый водитель, лихо заворачивает! — сказал он. — Женщина за рулем.

— Остановите-ка машину, приятель!

Мейсон выскочил из такси как раз в ту минуту, когда «шевроле»-нарушитель, жалобно заскрипев тормозами, тоже замер у обочины в паре метров от них. Красное от натуги лицо Роды Монтейн выглянуло из окошка. «Шевроле» последний раз вздрогнул и затих.

Первые слова адвоката прозвучали так буднично, словно он ожидал встретить ее как раз на этом месте:

— У меня ваша сумочка.

— Я знаю, — ответила она, — спохватилась почти сразу, как вышла из вашей конторы. Пошла было назад, но потом передумала. Решила, что вы ее наверняка открыли и зададите теперь массу вопросов. А мне не хотелось на них отвечать. Что вы делали у Грегори?

Перри Мейсон повернулся к своему водителю.

— Это все, приятель.

Он протянул ему деньги, которые тот взял, с большим интересом рассматривая женщину в «шевроле».

Мейсон открыл дверцу, уселся рядом с Родой и подмигнул ей.

Ее глаза блестели от возмущения.

— Вы называете «помощью» врываться к Грегори?

Он кивнул.

— Вы же разбудили дьявола. Как только я узнала, что вы у него, тут же вскочила в машину и погнала туда изо всей мочи. Прямо скажем, с этим делом вы сели в лужу.

— Почему вы не пришли туда в пять, как было договорено?

— Потому что еще ничего не решила. Я позвонила тогда, чтобы отложить нашу встречу.

— На какой срок?

— Не знаю. Чем дольше, тем лучше.

— Чего он хочет?

— Это вас не касается.

— Как я понимаю, это была одна из тех вещей, о которых вы хотели мне рассказать в конторе. Так почему же сейчас скрываете?

— Я ничего не собиралась рассказывать.

— Рассказали бы, не задень я вашу гордость.

— Что ж, вам это удалось!

Мейсон рассмеялся.

— Послушайте, давайте прекратим перепалку. Весь день я пытался вас найти.

— Наверное, вы проверили содержимое моей сумочки?

— До последней складки. Более того, я воспользовался вашей телеграммой, отправился к Нел Бринлей и поручил детективам выяснить все возможное.

— Ну и что же вы узнали?

— Много. Кто такой доктор Милсон?

Она онемела.

— Друг, — последовал неопределенный ответ.

— Ваш муж с ним знаком?

— Нет.

Мейсон красноречиво пожал плечами.

Через минуту она спросила:

— Откуда вам о нем известно?

— Я же говорил: мне пришлось много поработать, чтобы связаться с вами и получить возможность помочь.

— Вы не сможете мне помочь ничем. Скажите только одно, а потом оставьте меня в покое.

— Что именно?

— Можно считать человека после семилетней отлучки мертвым или нет?

— При известных условиях, да. В одних случаях после семи, в других — после пяти.

По ее лицу было видно, что она почувствовала огромное облегчение.

— И тогда следующий брак будет законным?

Перри Мейсон ответил с искренним сочувствием:

— Мне очень жаль, миссис Монтейн, но ведь это всего лишь предположение. Если Грегори Моксли в действительности является Грегори Лортоном, вашим первым мужем,

который в настоящее время жив и здоров, то ваш брак с Карлом Монтейном — незаконный.

Глаза у нее приобрели жалобное выражение. Сразу же стало ясно, как она страдает. Потом она бессильно заплакала. Губы ее задрожали.

— Я так его люблю, — прошептала она.

Перри Мейсон успокоительно потрепал ее по плечу. Это был характерный жест сильного мужчины, оберегающего и защищающего слабую женщину.

— Расскажите мне о нем.

— Вам не понять, — вздохнула Рода, — ни один мужчина не в состоянии понять такое. Да я бы и сама не поняла, случись это с другой женщиной. Я ухаживала за ним во время болезни. Он пристрастился к наркотикам, его родные умерли бы, узнай об этом. Я медицинская сестра. Вернее, была ею.

— Продолжайте. Говорите все.

— Я не могу рассказать вам о своем браке с Грегори... Это был какой-то кошмар. Выскочила я за него девчонкой, глупой, наивной, легко поддающейся чужому влиянию. Он был очень привлекательным, умел ухаживать. На девять лет старше меня. Люди предупреждали, уговаривали не делать такой глупости, но я воображала, будто все это продиктовано их завистью и ревностью. В нем была такая самоуверенность и высокомерное пренебрежение к окружающим, которые импонируют молодым дурачкам.

— Понятно. Продолжайте.

— У меня были кое-какие сбережения. Он их забрал — и исчез.

Мейсон прищурил глаза.

— Вы ему сами вручили деньги или он украл?

— Украл. Вернее, выманил. Я отдала их приобрести какие-то акции. Он мне наговорил всяких сказок про друга, попавшего в тяжелое финансовое положение и потому желавшего расстаться с некими необыкновенно выгодными ценными бумагами. Наобещал мне золотые горы. Я собрала все, что у меня было. Он уехал «за акциями» и больше не вернулся. Мне до конца дней своих не позабыть, как он меня поцеловал, прежде чем улизнуть с моими деньгами.

— Вы заявляли в полицию?

Она покачала головой.

— Про деньги — нет. Подумала, с ним что-то произошло. Обращалась только с просьбой разузнать про все несчастные случаи, обзванивала больницы и даже морги. Прошло

много времени, прежде чем я поняла, что он меня просто обманул. Наверное, не первую.

— Почему бы вам его не засадить в тюрьму?

— Я не смею.

— Почему?

— Не могу сказать вам этого.

— Отчего?

— Такое никому нельзя рассказать... Поверите ли, из-за этого я чуть было не решилась наложить на себя руки.

— Потому у вас в сумочке и лежит пистолет?

— Нет.

— Вы хотели застрелить Моксли?

Она молчала.

— Отсюда ваш интерес к положению о «корпусе деликти»?

Опять молчание.

Мейсон нажал рукой на плечо.

— Послушайте, — заговорил он напористо, — у вас многое на душе. Вам необходим человек, которому можно полностью довериться. Я сумею вам помочь. Знали бы вы, какие запутанные дела мне удавалось приводить в порядок. Расскажите-ка всю правду без утайки.

— Я не могу. Не смею. Это слишком ужасно.

— Ваш муж об этом знает?

— Великий Боже, нет! Если бы вы понимали обстановку, то не спрашивали бы про такие вещи! У Карла своеобразная семья.

— В каком смысле?

— Вам не доводилось слышать о сэре Филиппе Монтейне, эсквайре из Чикаго?

— Нет. Чем он знаменит?

— Это очень богатый человек, к тому же из тех чудачков, которые кичатся своим родом, начатым еще до Революции, и все такое... Карл его сын. Я в высшей степени не нравлюсь сэру Монтейну. Вообще-то он меня даже не видел. Но мысль о том, что его сын может жениться на медсестре, шокирует старого сноба.

— Вы познакомились со старым Монтейном после замужества?

— Нет. Но читала его письма Карлу.

— Знал ли он о намерении Карла жениться на вас?

— Нет. Мы удрали и обвенчались тайком.

— Карл во всем слушается отца?

Она закивала.

— Если бы вы видели Карла, то поняли бы это. Он все еще слабенький, в физическом и нравственном отношениях, из-за пристрастия к наркотикам. У него полностью отсутствует сила воли. Со временем это пройдет. Вы ведь знаете, что наркотики делают с людьми. Но пока он нервный, неуравновешенный, безвольный.

— Вы ясно видите эти недостатки и все же любите его? — удивился Мейсон.

— Я люблю его больше жизни. Я дала себе слово сделать из него человека. Для этого нужно только время и кто-то сильный, чтобы поддержать его. Вам необходимо понять, сколько мне пришлось вынести, чтобы представить, как я его люблю и почему люблю. Многие годы после первого замужества я жила в настоящем аду. Мне страстно хотелось покончить с собой, и однако же не хватило силы воли. Первый брак что-то убил во мне. Я бы никогда не смогла полюбить ни одного человека той любовью, которую испытывала к Грегори. Наверное, в моем нынешнем чувстве есть много материнского. Первая моя любовь была иллюзорной. Я мечтала о человеке, которого можно боготворить, молиться на него... Вы понимаете, что я имею в виду?

— А новый муж ценит ваше чувство?

— Будет ценить. Он привык во всем подчиняться своему отцу. С самого детства ему внушили, что главное — это родовое имя и положение в обществе. Ему хочется пройти сквозь жизнь, опираясь на плечи давно умерших предков. Он считает, что семья — это все. Такая идея стала своего рода манией.

— Вот теперь мы начали говорить о важных вещах, — одобрительно кивнул головой Мейсон. — Вы рассказываете мне о том, что камнем лежит у вас на душе, и получаете облегчение.

Она спокойно покачала головой, выражая свое несогласие.

— Нет. Всего я не могу рассказать, каким бы сочувствующим и понимающим человеком вы ни были. В конце концов, мне только хотелось выяснить законность моего замужества. Я вынесу все, что угодно, если Карл будет моим мужем. Но если он бросит меня, если отец его отнимет, тогда мне незачем жить.

— А коли он из тех людей, которые могут под чьим-то нажимом пойти на подлость, покинуть любимую женщину, то не расходуется ли вы на него понапрасну?

— Именно это я и хотела выяснить. Понимаете, я и люблю-то его главным образом потому, что он во мне нужда-

ется. Он слабый. Выходит, за это я его и полюбила. Мне встречались достаточно сильные, напористые, обладающие магнетическим обаянием мужчины, которые сбивали меня с ног, если можно так выразиться. Я этого не хочу. Возможно, вы заговорите о материнском комплексе, о необходимости за кем-то ухаживать. Не знаю, мне самой трудно понять, почему так случилось. Ведь чувства не объясняются. Они только испытываются.

— Что вы от меня скрываете?

— Нечто ужасное.

— И не намерены мне рассказывать?

— Нет.

— Неужели вы бы и утром не рассказали, прояви я больше чуткости?

— Нет, никогда! Поверьте, я не собиралась рассказывать вам даже и об этом. Была уверена, что вы примете мои объяснения, касающиеся приятельницы, которой нужны кое-какие юридические сведения. Когда же вы так просто разгадали мой секрет, я перепугалась и прошла чуть не полквартала, пока сообразила, что забыла в вашей конторе сумочку. Это был ужасный удар. Прежде всего я побоялась за ней вернуться. Не могла даже подумать о том, что снова придется увидеться с вами. Решила все предоставить случаю. Обождаю...

— Чего?

— Пока не найду возможность выпутаться из неразберихи.

Мейсон с искренней симпатией сказал:

— Я бы очень хотел, чтобы вы на меня смотрели иными глазами. И потом, в вашем положении нет ничего особенно трагического. Первый муж вас бросил. Вы вышли за другого, будучи в полной уверенности, что тот умер. Никто вас за это не станет винить. Так что можете смело подавать на развод. Это дело бесспорное.

Она смахнула слезы с ресниц и печально покачала головой.

— Вы не понимаете Карла. Если наш теперешний брак незаконный, мне нужно ставить крест на возможности быть его женой.

— Даже если получить развод с Моксли?

— Даже тогда.

На минуту они оба замолчали.

— Неужели вы так и не решитесь мне довериться? — спросил адвокат.

Она покачала головой.

— Тогда обещайте мне одну вещь.
— Какую?
— Завтра с самого утра придете ко мне в контору. Переспите ночь, и, возможно, потом все будет казаться менее мрачным.

— Вы не понимаете... Ничего не понимаете!
Внезапно ее глаза хитровато блеснули. Губы плотно сжались.

— Хорошо, — сказала она, — это я вам обещаю.
— А теперь, — сказал Мейсон, — можете подвезти меня.
— Нет. Я должна вернуться к мужу. Он будет ждать. Мне пора.

Мейсон кивнул.

Водитель его такси, который по долгому опыту знал, что только из факта начавшихся переговоров мужчины с женщиной в ее машине не следует делать поспешных выводов и торопиться уезжать, терпеливо дожидался, чем закончится это свидание. Перри Мейсон выпрыгнул из «шевроле».

— Завтра в девять утра, — повторил он.

— В половине десятого, — уточнила она.

Мейсон согласно кивнул и подбадривающе ей улыбнулся.

— Вот посмотрите. Завтра вы поймете, что все страхи прошли и со мной можно решительно всем поделиться. Утро вечера мудренее. Удивительно умная поговорка.

Рода с неясной надеждой посмотрела на него, потом ее глаза снова потухли.

— В половине десятого, — повторила она и как-то истерично рассмеялась.

Мейсон захлопнул дверцу. «Шевроле» сразу тронулся с места. Адвокат же махнул своему терпеливому шоферу.

— Ну что же, приятель, в конце концов вам придется доставить меня назад.

Парню пришлось из вежливости отвернуться, чтобы скрыть торжествующую усмешку.

— Отлично, шеф!

Ровно застучал мотор.

Глава 6

Выйдя из гаража, в который ставил свою машину, Перри Мейсон неторопливо пошел к себе в контору. На углу мальчишка, державший под мышкой стопку утренних газет, громко объявлял на всю улицу:

— Читайте, читайте! Она ударила его, и он умер! Все читайте об этом происшествии!

Мейсон купил газету, развернул ее на ходу и увидел заголовки, напечатанные крупным шрифтом:

«ПОЛУНОЧНЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ УБИВАЕТ МОШЕННИКА».

— «ВОЗМОЖНО, ЖЕНЩИНА УБИЛА АВАНТЮРИСТА,
ПОЛУЧАВШЕГО ДЕНЬГИ ОБМАННЫМ ПУТЕМ».

Мейсон сунул газету в карман и влился в поток пешеходов, запрудивших тротуары перед входом в многоэтажное здание. Когда он втиснулся в до отказа забитый лифт, кто-то тронул его за локоть.

— С добрым утром, адвокат. Вы уже читали?

Это был один из служащих соседней конторы.

Перри Мейсон покачал головой.

— Я редко читаю уголовную хронику. С меня достаточно и тех дел, которыми приходится заниматься.

— Знаете, адвокат, я был восхищен тем умным ходом, который вы сделали на последнем процессе.

Мейсон механически поблагодарил. Человек, ухитрившийся так ловко завязать разговор, по всем признакам принадлежал к той опасной категории болтунов, которые, начав беседу, уже не могут остановиться. Их соблазняет не столько само общение, сколько возможность потом хвастать им в кругу друзей.

— Я спешу, — пробормотал адвокат, как только лифт остановился на его этаже.

Первое, что он заметил, войдя в свой кабинет, был сочувствующий и участливый взгляд Деллы Стрит.

— Вы уже видели, шеф?

Он приподнял брови.

Она ткнула пальцем в газету, торчащую у него из кармана.

— Просмотрел заголовки. Прикончили какого-то мошенника. Речь идет об известном нам человеке?

Лицо Деллы было красноречивее всяких слов.

Перри Мейсон сел за стол, расправил перед собой газету и прочитал отчет о ночных событиях...

...Пока обитатели апартаментов «Беллер» лихорадочно звывали по телефону полицию на самом рассвете, Грегори Мсли, тридцати шести лет от роду, умирал от ранений головы

нанесенных неизвестным преступником, которым могла быть и женщина.

Полиция получила известие в 2 часа 27 минут. Сообщение было передано по радио, и машина 62, в которой находились офицеры Гарри Экстер и Боб Милтон, быстро добралась до апартаментов «Коллемонт». Они взломали дверь квартиры В на верхнем этаже и застали Грегори Моксли живым, но без сознания. Тот был полностью одет, хотя постель его была смята: в ней спали. Он лежал на полу лицом вниз, вцепившись руками в ковер. Валявшийся поблизости тяжелый топор, запачканный кровью, несомненно, послужил тем орудием, которым был нанесен столь ужасный удар. Он раздробил Моксли череп.

Полицейские спешно вызвали санитарную машину, но Моксли скончался по дороге в больницу, так и не приходя в сознание.

В управлении полиция установила личность убитого: Грегори Карей, он же Грегори Лортон, известный сутенер и мошенник, деятельность которого не проходила незамеченной для властей. Его методы были предельно простыми: он добивался любви у привлекательной, но отнюдь не слишком красивой молодой женщины из среднего сословия, имевшей кое-какие сбережения. Каждый раз при этом Моксли придумывал себе новую фамилию. Его светские манеры, личное обаяние, хорошо сшитое платье и умение красиво говорить быстро заставляли очередную жертву терять голову. Конец всегда был одним и тем же: доверчивая дуручка отдавала ему все свои деньги, после чего получала страстный поцелуй и он исчезал из ее жизни.

В случае необходимости мошенник спокойно женился. Это не влияло на дальнейший ход событий. Полиция считала, что располагает далеко не полным списком жен и возлюбленных Грегори, ибо не все женщины обращались в нее из-за чувства ложного стыда.

Предположение о том, что его убийцей оказалась женщина, основывалось на показаниях некоего Бенджамена Крендолла, владельца бюро добрых услуг, проживающего вместе с супругой в номере 269 апартаментов «Беллер». От его квартиры до квартиры убитого по прямой было не более двадцати футов. Поскольку ночь стояла очень теплая, окна в обеих были раскрыты настежь.

Посреди ночи Крендолла и его жену разбудил настойчивый телефонный звонок. Они услышали голос Моксли, который кого-то просил дать ему «еще немного времени».

Ни Крендолл, ни его супруга не смогли точно назвать время этого разговора, но были уверены, что он состоялся уже после полуночи, ибо сами легли спать только в половине двенадцатого. Как они полагают, время приближалось к двум, так как Моксли объяснял своему собеседнику на другом конце провода, что договорился о свидании с «Родой» на два часа ночи и что она непременно доставит ему сумму, вполне достаточную для расчета по своим обязательствам.

И Крендолл, и его жена хорошо расслышали имя — Рода. Крендоллу казалось, что сосед упоминал также и фамилию дамы. По его мнению, она была иностранной и оканчивалась не то на «ийн», не то на «ейн». Моксли произнес фамилию невнятно, ее было трудно разобрать.

После того как супруги Крендолл были так неожиданно разбужены, они даже подумали закрыть окна, но не захотели подниматься. Как объясняет сам мистер Крендолл, «я начал уже засыпать, находился в полудреме, когда услышал разговор в комнате Моксли. Вскоре стал выделяться раздраженный мужской голос. Послышался звук удара и падения тяжелого предмета.

Во время этого разговора и удара внизу звенел звонок, как если бы кто-то хотел попасть в квартиру Моксли. И только я сумел уснуть, как меня разбудила жена, которая настаивала на том, чтобы вызвать полицию. Я подошел к окну и попытался рассмотреть, что творится напротив у Моксли. Там горел свет. В большом зеркале, висевшем напротив окна, отражались ноги лежащего на полу человека. Я вызвал по телефону полицию. Тогда уже было примерно половина третьего. Чуть розовела полоска на востоке».

Миссис Крендолл показала, что так и не смогла заснуть после того, как ее разбудил телефонный звонок в квартире Моксли. Она тоже слышала разговор относительно какой-то Роды. Потом долго лежала, пытаясь отключиться. Вскоре раздались чьи-то приглушенные голоса. Затем к ним присоединился женский. Моксли начал сердито покрикивать. Потом, как она полагает, был нанесен удар и что-то глухо свалилось на пол. Наступила тишина. Перед самым ударом внизу действительно начал надрываться звонок. Похоже, кто-то надавил пальцем на кнопку и не отпускал ее. Трезвон продолжался еще несколько минут после удара. Она считает, что звонившего в дом пустили, ибо слышала чей-то торопливый шепот, после которого как будто осторожно прикрыли дверь, а уж потом наступила мертвая тишина. Она полежала минут

пятнадцать — двадцать, пытаюсь заснуть, но события у соседа так ее разволновали, что, посчитав необходимым вызвать полицию, женщина растолкала мужа и попросила позвонить по телефону.

У полиции имеется весьма существенная улика, которая поможет ей установить личность женщины, присутствовавшей при том, как был нанесен удар Моксли, или же лично ударившей его. Эта особа уронила кольцо с ключами от висячего замка, по всей вероятности к частному гаражу, и от двух машин. По форме ключей полиция определила, что одна из машин марки «шевроле», а вторая — «плимут». Таким образом, розыск ведется в этом направлении. Фотографии всех ключей были помещены на третьей странице.

Так как на орудии убийства отпечатков пальцев не было обнаружено, полиция предполагает, что удар нанесла женщина в перчатках. Несколько озадачивал тот факт, что никаких следов не нашлось на дверной ручке. Однако в данном деле имелись куда более важные улики, чем следы пальцев.

«Полицейское досье на Моксли доказывает, что его подлинное имя — Грегори Карей, который пятнадцатого сентября 1929 года был осужден на четыре года тюремного заключения в Сан-Квентине (см. продолжение на стр. 2, колонка 1)...»

...Перри Мейсон дочитал как раз до этих слов, когда послышался осторожный стук в приемную Деллы Стрит и сама она скользнула в кабинет, тщательно прикрыв за собой дверь.

Перри Мейсон хмуро посмотрел на нее.

— Ее муж пришел, — сказала секретарша.

— Монтейн?

Делла кивнула.

— Он не сказал, чего хочет?

— Нет. Ему необходимо с вами поговорить. Вопрос идет о жизни и смерти.

— Он не пытался выяснить, приходила ли сюда вчера его жена?

— Нет.

— Какое он произвел на тебя впечатление?

— Неврастеник. Бледный как призрак. Под глазами темные круги. Утром не брился, имеет несвежий воротничок, будто от пота.

— Ну а наружность?

— Невысокий, мелкая кость. Дорогая одежда, но на нем не смотрится. Слабовольный рот. Мне думается, года на два

моложе ее. Один из тех, кто может дерзить и держаться вызывающе, если перед ним не дрожат от страха. Он пока мало пожил на свете, чтобы быть уверенным в себе или еще в ком-то.

Перри Мейсон улыбнулся.

— Знаешь, Делла, я обязательно попрошу тебя сесть рядом, когда стану подбирать присяжных. До сих пор тебе всегда удавалось попадать в самую точку... Послушай, не могла бы ты его задержать, пока я дочитаю газету?

— Знаете, шеф, он ужасно беспокойный. Я не удивлюсь, что он уйдет, если ему придется ждать.

Мейсон неохотно сложил газету и сунул ее в ящик стола.

— Приглашай его.

Делла Стрит распахнула дверь.

— Мистер Мейсон примет вас, мистер Монтейн.

Человек немного ниже среднего роста нервной походкой подошел к столу адвоката, дождался, пока Делла Стрит закроет за собой дверь, и только после этого заговорил. Слова у него полились почти без пауз, как у ребенка, декламирующего длинное стихотворение.

— Меня зовут Карл Монтейн. Я — сын Филиппа Монтейна, мультимиллионера из Чикаго. Вероятно, вы о нем слышали.

Адвокат покачал головой.

— Вы видели утренние газеты? — спросил Монтейн.

— Заголовки просматривал, но прочитать как следует не имел возможности. Садитесь.

Монтейн пристроился на самом краешке кожаного кресла. На лоб ему все время падала прядь волос, и он ее нетерпеливо отбрасывал назад.

— Вы читали про убийство?

Перри Мейсон насупил брови, как бы пытаясь собраться с мыслями.

— Верно. В газетах что-то такое было. А в чем дело?

Монтейн так низко наклонился к адвокату, что у Перри Мейсона появилось опасение, как бы его посетитель не свалился с кресла.

— Мою жену собираются обвинить в убийстве, — сказал он.

— Она действительно его убила?

— Нет.

Мейсон молча разглядывал молодого человека.

— Она *не могла* этого сделать, — с силой сказал Монтейн. — Неспособна на такое. Но тем не менее каким-то образом причастна к этому. Ей известно, кто здесь замешан.

Если и не точно, то по подозрению. Но мне-то думается, что точно. Только ей приходится покрывать кого-то. Она так долго была его послушным орудием. Ее необходимо спасти. Ведь если мы этого не сделаем, тот человек доведет ее до того, что уже ничему нельзя будет помочь. Пока она служит ему прикрытием. Он просто прячется за ее юбкой. Она станет лгать, лишь бы выгородить его, не сознавая того, что сама будет увязать все глубже и глубже. Вы обязаны ее выручить.

— Убийство было совершено около двух часов утра. Разве вашей жены в то время не было дома?

— Нет.

— Откуда вы знаете?

— Это долгая история. Надо рассказывать с самого начала.

— Ну что ж, приступайте. Откиньтесь на спинку кресла и отдохните. Опишите мне все как можно подробнее.

Монтейн послушно сел глубже, вытер ладонью вспотевший лоб и уставился на адвоката. Глаза у него были странного красновато-коричневого цвета, как у дога.

— Начинайте, — скомандовал Мейсон.

— Меня зовут Карл Монтейн. Я сын Филиппа Монтейна, чикагского мультимиллионера.

— Вы уже об этом говорили.

— Отец пожелал, чтобы после колледжа я занялся делами, а мне захотелось посмотреть белый свет. Я путешествовал целый год. Потом приехал сюда. Весь издерганный. У меня случился приступ аппендицита. Нужна была немедленная операция. Отец в то время занимался каким-то сложным финансовым вопросом, на карту были поставлены многие тысячи долларов. Он не мог приехать. Меня положили в больницу «Саннисайд» и предоставили самое лучшее медицинское обслуживание, какое можно получить за деньги. Об этом позаботился отец. Днем и ночью возле меня дежурили специальные сестры. Ночную дежурную звали Родой, Родой Лортон.

Монтейн остановился на высокой ноте, по-видимому ожидая, что это покажется Перри Мейсону важным.

— Продолжайте, — сказал тот как ни в чем не бывало.

— Я женился на ней, — выпалил он так, будто сознавался в тяжком преступлении.

— Понятно.

По виду Мейсона, наоборот, можно было подумать, что жениться на медсестрах — самое обычное дело для всех сыновей мультимиллионеров.

— Вы можете себе представить, как это должно было выглядеть в глазах отца! Ведь я его единственный сын. Последний представитель рода Монтейнов... И вдруг женился на медсестре!

— А что в этом плохого? — удивился Мейсон.

— Ничего. Вы не понимаете. Просто я пытаюсь рассуждать с позиций моего отца.

— Зачем же волноваться о них?

— Затем, что это важно.

— Ну ладно, продолжайте.

— Неизвестно, кто прислал отцу телеграмму о женитьбе его сына на Роде Лортон, медсестре, которая ухаживала за ним.

— Вы его не предупреждали о своих намерениях?

— Да нет. Я как-то об этом не думал. Все получилось по наитию, что ли. Импульсивно.

— Почему вы не объявили о помолвке и не известили отца?

— Он бы стал возражать. Чинил бы нам всяческие препятствия. А мне больше всего на свете хотелось жениться на ней. Я понимал, что стоит мне намекнуть о своих планах, и их уже никогда не придется осуществить. Он откажется выдавать мне деньги, прикажет возвращаться домой, сделает все, что ему вздумается.

— Продолжайте.

— Так вот, я на ней женился. И позвонил отцу. Тот отнесся к известию вполне спокойно. Он все еще работал над вопросом, о котором я уже говорил, и не мог выехать из Чикаго. Но пожелал, чтобы мы туда приехали. А Роде не хотелось сразу. Она просила немного обождать.

— Значит, вы не поехали?

— Не поехали.

— Но вашему отцу новость не понравилась?

— Было бы странно, если бы случилось наоборот.

— Вы хотели рассказать мне про убийство.

— У вас есть утренние газеты?

Перри Мейсон достал из ящика «Морнинг пост».

— Раскройте ее на третьей странице, — попросил Монтейн.

Адвокат расправил газету. Посередине листа была помещена фотография ключа в натуральную величину. Внизу красовалась надпись:

«Не убийца ли обронил этот ключ?»

Монтейн вытащил из кармана кожаный футляр, отстегнул один ключик и протянул его Мейсону.

— Сравните, — сказал он.

Мейсон сразу увидел, что ключи одинаковые.

— Как это случилось? — спросил он. — Почему этот ключ оказался у вас? Как я понял, он находится в руках полиции.

— Не этот. Перед вами мой. А на снимке ключ моей жены. У нас имеется по комплекту ключей от гаража и машин. Свой она обронила, когда... — Он не договорил.

— Вы разговаривали с женой перед тем, как отправиться ко мне?

— Нет.

— Почему?

— Не знаю, как объяснить, чтобы вы меня правильно поняли.

— Но ведь если вы вообще не станете объяснять, я совсем ничего не пойму.

— Она пыталась дать мне снотворное.

— Что?

— Собиралась одурманить меня, если хотите.

— Послушайте, где она сейчас?

— Дома.

— Она догадывается, что вы об этом знаете?

Монтейн покачал головой.

— Все началось, когда я вернулся домой из больницы. Вернее, еще раньше. Как я говорил, у меня совершенно расшатались нервы. Я стал принимать какое-то успокоительное, снотворное, не подумав, что организм к нему привыкает; но так получилось. Рода сказала, что мне нужно с этим покончить. И взамен принесла ипрол, уверяя, что он меня излечит.

— Что такое ипрол?

— Гипнотическое. Так они его называют.

— Это тоже наркотик, вызывающий привыкание?

— Нет. Он излечивает нервность и бессонницу. Приймаешь две таблетки, засыпаешь и просыпаешься утром в прекрасном настроении.

— Вы его постоянно пьете?

— Нет, конечно нет. Только когда не могу уснуть.

— Вы сказали, что жена пыталась вас одурманить?

— Да. Вчера вечером Рода спросила, не хочу ли я горячего шоколада перед сном. Добавила, что мне это будет полезно. Я согласился. А потом раздевался в туалетной комнате.

Перед большим зеркалом. Дверь была приоткрыта, и в зеркале отражалось, как жена готовит мне напиток. Вот тут-то я и заметил, что она подсыпала туда не две, а гораздо больше таблеток ипрола.

— Вы следили за ней?

— Да.

— Ну и что же было потом?

— Она принесла мне шоколад.

— И вы сказали, что видели ее манипуляции?

— Нет.

— Почему?

— Не знаю. Я хотел понять, зачем она это делает.

— Как же вы поступили?

— Выскользнул в ванную и вылил шоколад. Потом вымыл чашку, налил в нее воды, принес в спальню, сел на край кровати и все выпил на глазах у Роды.

— Она не заметила, что вы пьете воду вместо шоколада?

— Нет. Я так уселся, чтобы ей меня было плохо видно.

— Ну, а потом?

— Я притворился очень сонным. Лежал не двигаясь и ждал дальнейших событий.

— Что же произошло?

Монтейн многозначительно понизил голос.

— В половине второго жена тихонько встала с кровати и оделась в темноте.

— Затем?

— Вышла из дома.

— После этого?

— Я слышал, как она открыла гараж и вывела машину.

Потом закрыла дверь.

— Какая там дверь?

— Скользящая.

— Гараж двойной?

— Да.

— Значит, она сделала так, чтобы никто не заметил, когда одной машины в гараже не будет?

— Совершенно верно.

— Есть ли у вас основания предполагать, что кто-то наблюдал за гаражом?

— Да нет. Мне об этом неизвестно.

— Но ваша жена, очевидно, опасалась, что в гараж могут заглянуть. Скажем, ночной сторож.

— Нет. Скорее боялась, что я выгляну из окна и замечу открытую дверь.

— Но она ведь полагала, что вы беспробудно спите под действием наркотика!

— Да-а, наверное.

— В таком случае дверь была закрыта из других соображений.

— Очевидно. Я над этим не задумывался.

Мейсон спросил:

— Как скользит дверь?

— Понимаете, она состоит из двух половин, которые свободно ползают по специальным канавкам, заходя одна за другую. Таким образом, поочередно можно вывести обе машины. Створки закрываются на висячий замок.

Перри Мейсон дотронулся до ключа, который все еще лежал перед ним на столе.

— Это и есть ваш ключ от висячего замка?

— Да.

— А в газете изображен ключ вашей жены?

— Да.

— Откуда вы знаете?

— Их всего три. Один хранится в моем письменном столе, два других были у меня и у Роды в связке с ключами от машин.

— Вы убеждены, что третий ключ не исчез из стола?

— Да.

— Хорошо. Продолжайте. Что было после того, как ваша жена закрыла дверь гаража? Она заперла ее на ключ?

— Да нет. Мне думается, не запирала. Просто не могла.

— Дело в том, что если бы она заперла ее, а потом обронила ключи, — медленно заговорил адвокат, давая возможность своему посетителю понять значение его слов, — то ей не удалось бы отпереть гараж, вернувшись домой. Как я понял, она сейчас дома.

— Вот я и говорю: не могла она его запереть.

— Что было потом?

— Я начал одеваться, чтобы побежать за ней. Мне хотелось узнать, куда она спешит. И все же не успел. Она исчезла до того, как я надел ботинки.

— Вы не пытались поехать следом?

— Нет.

— Почему?

— Я же понимал, что мне ее не догнать.

— Вы дождались ее возвращения?

— Нет, я снова лег в кровать.

— Когда она вернулась?

— Между половиной третьего и тремя часами.
 — Она отворяла двери гаража?
 — Да. Ставила на место машину.
 — Двери заперла?
 — Пыталась.
 — Но не закрыла?
 — Нет.
 — Почему?
 — Иной раз получается так, что дверь упирается в буфер, если машину недостаточно глубоко загнали. Приходится снова отводить дверь до отказа в противоположную сторону и пропихивать машину вперед.
 — Дверь на этот раз застряла?
 — Да.
 — Почему же она не отвела ее?
 — Для этого требуется мужская сила.
 — Да, понятно. Значит, она оставила двери в гараже открытыми?
 — Да.
 — Откуда вы все это знаете? Ведь вы лежали в постели, не так ли?
 — Мне было слышно, как она возится возле двери. Ну а потом, выйдя сегодня утром, я все разглядел.
 — Ладно. Продолжайте.
 — Я лежал в постели, притворяясь спящим.
 — В то время как она вошла?
 — Да.
 — Почему же вы не постарались выяснить, где она была?
 — Не знаю. Боялся того, что могу от нее услышать.
 — Ну, например?
 — А вдруг бы она сказала мне такое... такое...
 Перри Мейсон неотрывно смотрел в красновато-карие глаза.
 — Ну, заканчивайте.
 Монтейн глубоко вздохнул.
 — Если бы ваша жена уехала из дома среди ночи и... — начал он.
 — Я холостяк. Так что на меня не ссылайтесь. Опирируйтесь одними фактами.
 Монтейн заерзал в кресле, откинул со лба надоедливую прядь волос.
 — Моя жена очень скрытная особа. Она не слишком-то много рассказывает о себе и своих делах. Наверное, это результат того, что ей приходилось самой зарабатывать на

жизнь и ни перед кем не отчитываться. Во всяком случае, если она сама не пожелает что-то поведать, откровенности от нее не дождешься.

— Это мне еще ничего не объясняет.

— Она дружила... дружит с одним хирургом, который работает в больнице «Саннисайд».

— Как его зовут?

— Доктор Милсоп, Клод Милсоп.

— И вы воображали, что она поехала к нему на свидание?

Монтейн сначала кивнул, потом отрицательно покачал головой и снова кивнул.

— И не стали ее расспрашивать, опасаясь, что ваши подозрения подтвердятся?

— Да, тогда испугался.

— Что же произошло потом?

— Утром я сообразил, как в действительности обстояло дело!

— Когда вы это сообразили?

— Увидав газету.

— А конкретнее?

— С час назад.

— Где?

— В маленьком ночном ресторане, где остановился позавтракать.

— До этого вы не ели?

— Нет. Я поднялся сегодня очень рано. Даже не знаю, который был час. Заварил черный кофе и выпил две или три чашки подряд. Потом вышел погулять и забрел в этот ресторанчик на обратном пути. Там уже были газеты.

— Жена знала, что вы ушли?

— Да. Она встала, когда я заваривал кофе.

— И ничего не говорила?

— Спросила, как мне спалось.

— Что вы ответили?

— Сказал, будто спал так крепко, что вообще ничего не слышал. Даже ни разу не повернулся во сне.

— Больше она ничего не сказала?

— Только то, что сама спала очень плохо. Что, наверное, ей тоже надо было выпить шоколаду. Но будто под утро крепко заснула.

— Скажите, она спала хорошо после того, как вернулась?

— Нет. Думаю, даже принимала снотворное. Я слышал, как она ходила в ванную. Ведь она медсестра. Но даже потом ворочалась и вздыхала.

- Как она сегодня выглядит?
- Отвратительно.
- Но сказала, что спала хорошо.
- Да. Под утро.
- И вы не стали проверять ее ложь?
- Нет.
- Промолчали?
- Да.
- Кофе заварили сразу, как только встали?
- Видите ли, мне неприятно признаваться в подобных вещах, но что сделано, то сделано. Поднявшись, я заметил на зеркале сумочку жены. Рода тогда уже успокоилась под действием снотворного. Я открыл ее и заглянул внутрь.
- Зачем?
- Надеялся найти какое-то объяснение...
- Объяснение чего?
- Куда она ездила.
- Но вы же ее не спросили, потому что боялись услышать правду.
- Тогда я находился в ужасном состоянии. Вы не представляете, какие муки я перенес за эти ночные часы. Не забывайте, что мне к тому же приходилось притворяться находящимся под воздействием наркотика. Я опасался повернуться лишний раз или вздохнуть. Лежал неподвижно с открытыми глазами. Это была настоящая пытка. Я слышал бой часов каждый час и...
- Что вы нашли в сумочке?
- Телеграмму на имя Р. Монтейн по Ист-Пелтон-авеню, 128. Она была подписана «Грегори» и гласила: «Жду вашего окончательного ответа пять часов сегодня крайний срок».
- Вы забрали себе послание?
- Нет. Положил обратно. Но я еще не все рассказал.
- Так рассказывайте же. Почему мне приходится буквально все вытягивать из вас по каплям?
- На телеграмме карандашом было написано имя и адрес: «Грегори Моксли, Норвалк-авеню, 316».
- Имя и адрес убитого, — задумчиво произнес Мейсон. Монтейн быстро кивнул.
- Вы не заметили ключей в сумочке?
- Нет, не заметил. Понимаете, тогда я вообще перестал что-либо замечать. Как только нашел телеграмму и прочитал, мне показалось, что теперь причина ее ночной поездки совершенно ясна.
- То есть это не было свиданием с доктором Милсопом?

— Нет, я думаю, что именно с ним. Только не сразу это сообразил.

— Почему же вы не говорите о Милсопе?

— Я доберусь и до этого.

— Ради бога, не тяните.

— После того как жена уехала, я был в агонии. И наконец решил отправиться к доктору Милсопу и объявить, что мне известно об их дружбе. А пока просто позвонить.

— Ну и что бы это дало?

— Не знаю.

— Так или иначе, но вы ему позвонили?

— Да.

— Когда?

— Около двух часов.

— Что произошло?

— Сначала слышались длинные гудки. Через некоторое время заспанным голосом ответил слуга-японец. Я сказал, что мне необходимо немедленно поговорить с доктором Милсопом по поводу острого приступа болезни.

— Вы назвали свое имя?

— Нет.

— Ну и что ответил японец?

— Что доктор уехал по вызову.

— Вы не попросили, чтобы доктор связался с вами по возвращении?

— Нет. Я повесил трубку. Мне не хотелось информировать его о том, кто звонил.

Мейсон покачал головой и тяжело вздохнул.

— Будьте добры, объясните мне, почему вы не пожелали выяснить все у жены? Почему не приперли ее к стенке фактами, когда она возвратилась среди ночи домой? Почему не спросили, какого черта она подсыпала вам снотворное в шоколад?

Молодой человек гордо вскинул голову.

— Потому что я Монтейн. Мне не пристало заниматься такими делами.

— Какими «такими»?

— Монтейны не спорят и не торгуются, как жалкие мещане. Существуют куда более пристойные способы для разрешения конфликтов.

— Ну ладно, — устало произнес адвокат, — утром вы увидели газету. Что же было потом?

— Тогда я понял, что, по всей вероятности, сделала Рода, моя жена...

- Что?
- Она, должно быть, ездила к Моксли. Доктор Милсоп тоже был там. Произошла драка. Доктор убил Моксли. Именно так моя жена причастна к этой истории. Она находилась тогда в квартире. Оставила ключи, по которым полиция ее разыщет. А она будет стараться выгородить доктора Милсопа.
- Почему вы так уверены?
- Не знаю. Но не сомневаюсь.
- Вы ничего не говорили жене о раскрытом гараже?
- Сказал. Гараж виден из дверей кухни. Заваривая кофе, я обратил на это внимание.
- Что она ответила?
- Сначала, будто ничего об этом не знает, а потом «припомнила», что вечером позабыла в машине сумочку и бегала за ней.
- Как же она смогла попасть в гараж, если у нее не было ключей?
- Я задал ей именно этот вопрос. Понимаете, в отношении сумочки она становится удивительно рассеянной. Уже неоднократно оставляла ее в разных местах. Однажды она потеряла так больше сотни долларов. Ключи у нее всегда в сумочке. Вот я и спросил, как же она ухитрилась открыть двери, коли та была замкнута в машине?
- Что она ответила?
- Воспользовалась запасным ключом из ящика письменного стола.
- Было заметно, что она врёт?
- Нет. Она смотрела мне в глаза и говорила весьма убедительно.
- Мейсон принялся кончиками пальцев выстукивать по крышке стола какой-то мотив.
- Чего же вы от меня хотите? — спросил он через пару минут.
- Прошу вас представлять мою жену. Убедить ее не губить себя, выгораживая доктора Милсопа. Это первое. Ну, а второе — вы должны защитить моего отца.
- Отца?
- Да.
- А он-то какое имеет отношение ко всему этому?
- Ему не пережить, если наше имя будет фигурировать на уголовном процессе. Мне бы хотелось, чтобы вы, насколько это возможно, исключили имя Монтейнов из данного дела. Пусть оно, как бы это выразиться, останется на заднем плане.
- Да, трудная задача. Чего еще вы хотите?

— Чтобы вы помогли уличить Милсопа, если выяснится его виновность.

— А если при этом придется привлечь к ответственности и вашу жену?

— В таком случае вам нужно будет позаботиться, чтобы его не тронули.

Мейсон внимательно посмотрел на Карла Монтейна.

— Весьма вероятно, что полиции ничего не известно о принадлежности ключей к гаражу, — медленно заговорил он. — Они, конечно, проверят список владельцев «шевроле» и «плимутов». И если доберутся до вас, то, когда придут осматривать гараж и обнаружат, что на нем нет никакого висячего замка или же врезан совсем другой, они вообще могут отстать.

Монтейн снова обрел гордый вид.

— Полиции будет все известно.

— Откуда такая уверенность?

— Оттуда, что я не намерен ничего скрывать. Рассказать правду — мой долг. Пусть речь идет о моей жене. Монтейны никогда не совершали ничего противозаконного. Я не могу ради нее противиться властям.

— А если она не виновата?

— Я и не сомневаюсь в этом. С того и начал. Виновен мужчина, Милсоп. Судите сами. Она уезжала. Он тоже. Моксли был убит. Она станет его выгораживать. Он продаст ее. Полицию необходимо предупредить и...

— Послушайте, Монтейн, — прервал его адвокат, — это только ревность. Она делает вас близоруким. От всей души советую вам позабыть про Милсопа. Возвращайтесь к жене. Выслушайте ее объяснения. Не говорите ничего полиции до тех пор, пока...

Монтейн поднялся с гордым и решительным видом. Его героический облик несколько портила прядь, упрямо не желавшая лежать вместе с остальными волосами.

— Именно об этом и мечтает Милсоп, — сердито бросил он в лицо адвокату. — Наговорил Роде всяких глупостей. Она станет уговаривать меня ничего не сообщать полиции. Ну, а когда та узнает про ключи, как я буду выглядеть? Нет, адвокат, я уже решил. Я обязан быть твердым, не поддаваться чувству жалости и симпатии. Что касается Милсопа, то я и не скрываю своей враждебности к нему.

— Ради бога, — взорвался адвокат, — расстаньтесь с этой благородной позой и спуститесь с небес на землю. Вы прониклись такой симпатией к самому себе, что даже поглупели, изображая какого-то средневекового рыцаря...

Лицо Монтейна вспыхнуло от возмущения.

— Достаточно!

Наде было слышать этот тон несправедливо обиженного благородства, убежденного в своей правоте!

— Я принял решение, адвокат. И намерен предупредить полицию. Так будет лучше для всех, замешанных в деле. Милсоп командует моей женой, вертит ею, как хочет. С полицией у него это не пройдет.

— Будьте осторожнее с обвинениями против доктора Милсопа, — предупредил Мейсон. — У вас нет никаких фактов.

— Его не было дома во время убийства.

— Он мог выезжать на вызов. Если вы настаиваете на том, чтобы рассказать полиции про свою жену, это ваше право. Но как только начнете топить Милсопа, очутитесь в глупейшем положении, из которого не так-то просто будет выбраться.

— Ну что ж, я обдумую ваши слова. А пока прошу вас представлять интересы моей жены. Можете прислать мне счет за свои услуги. И пожалуйста, не забывайте о моем отце. Оберегайте его всячески.

— Мне не удастся разделить свои обязанности, — угрожающе заявил Мейсон. — Прежде всего, я представляю вашу жену. Если Милсоп действительно имеет какое-то отношение ко всему этому, он будет привлечен вполне естественным путем. Причастность же вашего отца представляется мне сомнительной. Так или иначе, я не терплю, чтобы в работе у меня были связаны руки. Более того, пусть ваш отец раскошеляется. Перспектива «посылки счета за услуги» меня ни капельки не устраивает.

Монтейн медленно произнес:

— Конечно, мне понятна ваша позиция. В первую очередь интересы моей жены. Все остальное — по ходу дела... Для меня это тоже важно.

— Даже важнее, чем отец?

Вопрос адвоката прозвучал довольно насмешливо.

Монтейн опустил глаза и тихо произнес:

— Если дойдет до этого, да.

— До этого не дойдет. Ваш отец не причастен. Но он контролирует финансы. И я намерен заставить его платить за то, что делаю.

— Он не станет платить. Он ненавидит Роду. Я сам где-нибудь раздобуду денег. Ради нее он не даст ни единого цента.

— Когда вы собираетесь заявить в полицию? — спросил Мейсон, резко меняя тему разговора.

- Сейчас.
- По телефону?
- Нет. Поеду лично.

Монтейн направился к дверям, потом, спохватившись, повернулся и подошел к столу Мейсона с протянутой рукой.

— Мой ключ, адвокат. Я про него чуть не забыл.

Перри Мейсон подавил вздох и неохотно отдал ключ его владельцу.

— Мне бы хотелось, — сказал он, — чтобы вы повременили что-то предпринимать, пока...

Но Монтейн круто повернулся на каблуках, всем своим видом показывая бесповоротную решимость и благородное негодование.

Глава 7

Перри Мейсон хмуро посмотрел на свои наручные часы и нетерпеливо нажал на звонок. После третьей безрезультатной попытки он отошел от двери и посмотрел на два соседних дома.

В одном из окон шевельнулась тюлевая занавеска.

Мейсон в последний раз попытался дозвониться, но так и не получив ответа, напрямик направился туда, где подметил проблески интереса за белой шторой.

Не успел он позвонить, как за дверью послышались то-ропливые шаги. Дверь отворила румяная толстуха с блестящими от любопытства глазами.

— Вы ведь не разносчик товаров?

Адвокат решительно покачал головой.

— А если бы вы были одним из тех, кто старается подписать тебя на журналы, то не носили бы шляпу.

Перри Мейсон невольно улыбнулся.

— Ну, так чего же вам надо?

— Я ишу миссис Монтейн.

— Она живет рядом.

Мейсон кивнул, ожидая продолжения.

— Вы им звонили?

— Вам это прекрасно известно. Вы же смотрели на меня из-за занавески.

— Ну и что такого? В своей комнате я имею право смотреть куда хочу! Послушайте, любезный, это мой собственный дом, за который я заплатила...

Перри Мейсон рассмеялся.

— Не надо обижаться. Просто я хочу сэкономить время, только и всего. Вы женщина наблюдательная. Видели, например, как я без толку пытался попасть к Монтейнам. Вот мне и подумалось, может, вы заметили, когда ушла миссис Монтейн.

— А если и заметила?

— Мне необходимо с ней связаться.

— Вы ее приятель?

— Да.

— Разве ее мужа нет дома?

Перри Мейсон покачал головой.

— Хм, значит, сегодня он ушел из дома гораздо раньше обычного. То-то я его еще не видела, решила, что спит, лежебока. У них водятся денежки, поэтому он и живет так, как ему нравится.

— Ну, а миссис Монтейн куда подевалась?

— Она была его медицинской сестрой. Вышла за него ради денег... Уехала на такси с полчаса назад. Может, минут двадцать пять.

— С каким багажом?

— У нее был маленький чемоданчик, но за час до этого приезжал какой-то железнодорожник и увез сундук.

— Вы имеете в виду человека из бюро доставок?

— Нет. Железнодорожник.

— Вы не знаете, когда она вернется?

— Нет. Они со мной не делятся своими планами. Вы бы видели, как он смотрит на меня. Кто я такая? Бедная женщина. Понимаете, этот дом приобрел по дешевке мой сын...

Мейсон поспешил откланяться.

— Огромное вам спасибо. Вы сообщили именно то, что меня интересовало.

— Если она вернется, что ей передать?

— Не вернется, — сказал адвокат.

Женщина прошла за ним до самого порога.

— Думаете, они совсем уехали?

Перри Мейсон ничего не ответил. И пока шагал по дорожке к тротуару, толстуха торопливо кричала ему вслед:

— Они говорили, что его родители не одобряют этот брак. Интересно, что будет делать белоручка-муженек, коли папаша перестанет выдавать ему на прожитие?

Мейсон ускорил шаги, вышел за ворота, с улыбкой приподнял шляпу и быстренько завернул за угол.

На бульваре он поймал такси.

— Муниципальный аэропорт! Поживее. Если будут штрафы, я заплачу.

Шофер подмигнул, мотор взревел, машина рванулась с места, ловко лавируя в потоке автомобилей.

— Если доставишь меня вовремя, приятель, в обиде не будешь.

— Поедем так, чтобы остаться живыми. У меня ведь есть жена, ребятишки, да и работой тоже бросаться не приходится...

В эту минуту только с большим трудом ему удалось избежать столкновения с грузовиком, который выскочил из-за угла.

— Так всегда бывает, когда торопишься. Послушайте, а ведь за нами «хвост» увязался. Открытый «форд». Я его почти сразу заметил, как вы сели в машину. И не отстаёт, бродяга.

Перри Мейсон поднял глаза и попытался разглядеть преследователей в зеркальце.

— Обождите, сейчас помогу, — пообещал водитель.

И так развернул зеркальце, что теперь адвокату отлично стал виден весь следующий за ними поток.

— Вы наблюдайте за тылом, ну а уж впереди я не буду зевать.

Перри Мейсон задумчиво сощурил глаза.

— Слушай, парень, у тебя острый глаз, если ты заметил этот «хвост».

— Ясное дело. Если бы я зевал, жене и ребятишкам помирать с голоду. Теперь человеку мало одной пары глаз. Вторую надо иметь на затылке. Единственное, что я умею, — это водить машину. Но зато делаю это классно.

— Открытый «форд» с вмятиной на правом крыле, — произнес Перри Мейсон. — В нем двое людей. Знаешь, приятель, заверни-ка налево при первой же возможности и опиши восьмерку через пару кварталов. Нам надо удостовериться...

— Если мы это сделаем, они сразу сообразят, что их заметили.

— Ну и пусть себе. Понимаешь, я хочу заставить их раскрыть карты. Если они за нами не повернут, то упустят. А если повернут, мы остановимся и спросим, чего им надо.

— Никому не придет в голову позабавиться перестрелкой? — с опаской спросил водитель.

— Это исключено. Максимум, они могут оказаться частными детективами.

— Неприятности с женой?

— Ты сказал, что прекрасно справляешься только с одним делом: водить машину. Мне показалось, все остальное не для тебя.

Водитель осклабился.

— Ясно, шеф. Я вовсе не собираюсь совать нос в чужие дела. Просто хотел поддержать вежливую беседу... Так, поворачиваем налево.

Машина круто свернула на боковую улицу.

— Держитесь, еще один поворот.

Адвоката отбросило на подушки.

— Притормози, приятель. Они поехали за нами. Посмотрим, завернут ли на следующую улицу. Я следил за ними в зеркальце. Они затормозили на перекрестке. Вроде сначала тоже собрались поворачивать, потом проехали дальше.

Шофер оглянулся, челюсти его равномерно пережевывали резинку.

— Мы понапрасну теряем время, — сказал он через пару минут. — Вы можете опоздать на самолет.

— Я еще не уверен, что куда-то полечу. Мне необходимы кое-какие сведения.

— Ясно... Нет, они не стали сворачивать на боковые улицы.

— Не могли бы мы доехать до параллельного бульвара и по нему добраться до аэропорта?

— Почему нет? Можем. Только прикажите.

— Давайте, — скомандовал Мейсон.

Водитель вернул зеркальце в обычное положение.

— Оно вам больше не понадобится, — пояснил он Перри Мейсону.

Машина устремилась вперед, набирая скорость. Адвокат сидел, откинувшись на подушки. Временами он оглядывался назад.

Преследователи исчезли.

— Вам нужно какое-то определенное место? — спросил водитель, когда они повернули к аэропорту.

— Билетный зал.

Шофер кивнул, потом усмехнулся.

— А вот и ваши приятели.

«Форд» с вмятиной на левом крыле стоял именно там, где специальный знак стоянку запрещал.

— Полиция, э-э! — сказал водитель.

— Ей-богу, не знаю, — пожал плечами Мейсон.

— Это сыщики, можете быть уверены, иначе бы они тут не оставили машину. Мне вас дожидаться?

— Да.

— Я проеду дальше, где можно остановиться.

Перри Мейсон прошел через вращающуюся дверь в билетный зал аэропорта, сделал пару шагов по направлению к кассам и сразу же остановился, заметив женскую фигуру в

коричневом костюме с пушистым воротником. Женщина в толпе прочих пассажиров направлялась к турникету, за которым раскинулось взлетное поле и стоял, подрагивая, готовый к отправке самолет.

Перри Мейсон, расталкивая всех, подобрался к особе, привлекавшей его внимание.

На секунду она онемела, потом медленно обернулась. Ее темные испуганные глаза блеснули из-под черных ресниц. Было слышно, как она перевела дыхание. Потом снова отвернулась.

— Вы? — еле слышно прошептала она.

— Вас разыскивает пара сыщиков, — продолжал Мейсон. — Возможно, у них нет вашей фотографии, одно описание. Сейчас они наблюдают за людьми, поднимающимися на самолет. После его взлета начнут осматривать аэропорт. Идите прямо вон к той телефонной будке, я подойду через минуту.

Она незаметно отделилась от толпы перед турникетом, приблизилась быстрыми шагами к будке, вошла в нее и прикрыла за собой дверь.

Одетый в форму служитель начал проверять билеты. Пассажиры стали подниматься в самолет. Откуда ни возьмись появились двое широкоплечих молодцов, которые внимательно и придирчиво принялись разглядывать каждого, кто подходил к трапу.

Воспользовавшись тем, что они полностью поглощены этим делом, Перри Мейсон тоже быстро двинулся к телефону и распахнул дверку.

— Опуститесь на пол, Рода.

— Я не могу. Тут мало места.

— Ничего, как-нибудь. Повернитесь лицом ко мне. Приклонитесь спиной к стенке, на которой прикреплен аппарат. Вот так, правильно. Теперь согните колени. Садитесь прямо на пол. Замечательно.

Перри Мейсон изловчился закрыть дверь и потянулся к трубке, внимательно наблюдая за всем залом.

— Теперь слушайте и не перебивайте меня. Шпикам либо сообщили, что вы собираетесь лететь этим самолетом, либо олиция просто перекрыла все выходы из города: аэропорты, железнодорожные станции, автобусы и так далее.

Я с ними незнаком, но они меня узнали, когда я выходил из вашего дома и сажился в такси. Сообразили, что я так или иначе разыщу вас, и некоторое время пытались следовать за мной, но мне удалось отвязаться. Тогда они приехали сюда. Увидев меня здесь, они решат, что я хотел дать вам последние

указания перед вылетом. А теперь, когда вы на самолет не попали, названиваю по телефону, пытаюсь установить место вашего нахождения. Немного позже я дам понять, что заметил их и остаюсь в аэропорту так долго затем, чтобы спрятаться. План ясен?

— Да, — ответила она.

— Отлично, они уже принялись осматривать все помещение. Я начинаю звонить.

Он снял трубку, но монету в щель не опустил. Снаружи это выглядело так, будто он разговаривал с кем-то по очень важному вопросу. На самом же деле инструктировал Роду.

— Вы поступили необдуманно, пытаясь скрыться. Побег становится доказательством вины. Если бы они арестовали вас на борту самолета с билетом в любой город, это только бы усугубило ваше положение. Теперь надо нам так повернуть дело, чтобы никто не мог упрекнуть вас в попытке сбежать.

— Как вы узнали, что я здесь?

— Так же, как они. Вы отправились из дома с небольшим саквояжем, а сундук отослали заранее со служителем в форме. Если бы ехали поездом, то сундук имел бы наклейки. Теперь вы должны сдать, но не полиции, а газете, которая получит исключительное право напечатать вашу историю.

— Вы хотите, чтобы я им все рассказала?

— Да нет. Мы убедим их, что вы просто жаждете этого. На деле у вас не будет такой возможности.

— Почему?

— Потому что будете схвачены детективами, как только покажетесь, и рассказать ничего не успеете.

— А потом?

— Потом будете молчать. Никому ничего не говорите. Твердите одно: ни на один вопрос отвечать не станете, если при этом не будет присутствовать ваш поверенный. Понятно?

— Да.

— Прекрасно. Сейчас позвоню в «Кроникл». Эти птицы меня уже засекли, но еще не знают, что замечены. Как только я дозвонюсь до редакции, «увидю» их и повернусь спиной, притворяясь, будто прячусь. Тогда они предположат, будто мы договорились с вами здесь встретиться и теперь я стану дожидаться возможности улизнуть из будки, когда они уйдут прочь. Потом найдут какое-нибудь укромное местечко и будут караулить меня или вас.

Он опустил в аппарат монетку, набрал номер «Кроникл» и попросил соединить с Ботвиджем, городским редактором. В трубке загудел мужской голос, и Мейсон спросил:

— Как вам улыбается возможность напечатать в качестве исключительного права историю Роды Монтейн? Той самой женщины, которая сегодня в два часа ночи назначила свидание Грегори Моксли?.. Мало того, вы сможете проводить ее в тюрьму. Да, она сдастся репортерам «Кроникл». Конечно, это Перри Мейсон. Конечно, я буду ее представлять. Ладно. Короче, жду вас в муниципальном аэропорту. Естественно, я не хочу, чтобы кто-нибудь знал об этом или о том, что миссис Монтейн тоже здесь. Меня найдете в телефонной будке. А уж я позабочусь, как Роде Монтейн отдать себя в руки ваших репортеров. Не гарантирую, что после этого все произойдет наилучшим образом. Во многом это зависит от вас. Но, во всяком случае, газета сможет заявить, что Рода Монтейн сдалась именно ей. Только запомните хорошенько: не пытайтесь изобразить дело таким образом, будто ваши ребята задержали Роду Монтейн при попытке к бегству... Да, да, она сдастся «Кроникл». Вы можете первыми появиться на улице вместе с нею.

Нет, я не могу пригласить ее к телефону и пересказать тоже ничего не могу. Не могу даже обещать, что вы вообще услышите ее историю, особенно если будете так долго торговаться. Честное слово, Ботвидж, у меня серьезные опасения, что детективы ее схватят прежде, чем ваши люди соизволят сюда добраться. Хорошо, готовьте свой специальный выпуск и поторапливайтесь. А я вам кое-что подброшу для передовицы...

Предупреждаю, я не хочу, чтобы мое имя спрягали и склоняли по этому поводу. И только намекаю на такую возможность, ясно? Рода Монтейн вышла замуж за парня по имени Грегори Лортон несколько лет назад. Брачное свидетельство можно найти в статистическом бюро. Этот Грегори Лортон не кто иной, как убитый сегодня Грегори Моксли, он же Грегори Карей.

Около недели назад Рода Монтейн вышла замуж за Карла Монтейна, сына Филиппа Монтейна, эсквайра, миллионера из Чикаго. Семья не только респектабельная, но принадлежит к сливкам общества. В заявлении на получение брачного свидетельства Рода Монтейн назвала себя вдовой. Вот тут-то и появился Грегори Моксли и начал чинить всякие препятствия. Рода жила тогда на Ист-Пелтон-авеню с легкой Нел Бринлей. Моксли послал Роде на этот адрес телеграмму, и не одну, а несколько. Если вам удастся раздобыть копии этих телеграмм в телеграфном агентстве или в делах полиции, можете их использовать. Но только при этом условии Нел Бринлей признает, что получала их... Больше я ничего не могу вам сказать, Ботвидж. Создайте-ка из это-

го материала историю. Дополнительные сведения для своего специального выпуска добывайте по таким направлениям... Да, сдаться в аэропорту, потому что я ей назначил здесь встречу... Нет, это все, что я могу сказать. До свидания.

Когда Перри Мейсон вешал трубку, в ней все еще слышались протестующие крики. Повернувшись с таким видом, будто собирался выйти наружу, он «случайно заметил» одного из детективов, замешкался, отвернулся к стене, опустил голову, расправил плечи. Одним словом, постарался стать «неузнаваемым».

— Теперь они знают, что я их увидел, Рода. И постараются устроить мне ловушку. Спрячутся в каком-нибудь углу.

— А сюда не придут?

— Ну нет. Я-то, вообще говоря, их интересую постольку поскольку. Просто считают, что вас жду. Сначала покрутятся поблизости, потом сделают вид, будто уходят, надеясь таким образом выманить меня из будки.

— Как они узнали обо мне?

— От вашего мужа.

Она затаила дыхание.

— Но мужу ничего не известно! Он спал.

— Нет, Рода. Вы положили ему в шоколад несколько таблеток ипрола, но он оказался хитрее вас и не стал его пить. Притворился спящим и слышал, как вы ушли и как вернулись. А теперь расскажите, что же произошло?

Снизу к нему смутно донесся ее голос:

— В свое время я сделала нечто ужасное, о чем знал Грегори. Из-за этого могла оказаться в тюрьме. Меня волновала не столько эта перспектива, сколько то, как отнесется к ней Карл. Его родители и без того считали, что я ему не пара. Немногим лучше уличной девки. Мне не хотелось давать отцу Карла возможность заявить: «Я же тебя предупреждал!» Но больше всего боялась, что наш брак будет аннулирован.

— Вы мне все еще не доверяете! — сердито бросил адвокат, прижимая к уху телефонную трубку.

— Говорю, как умею... У Грегори были какие-то неприятности. Он вечно попадал в скверные истории. Думаю, даже в тюрьме сидел. Поэтому от него и не было никаких известий. Исчез. Ведь я пыталась его разыскать, но узнала только, что он погиб в авиакатастрофе. И до сих пор не знаю, как остался жив. У него был самый настоящий билет на этот рейс, но он почему-то не полетел. Наверное, просто опасался полиции. Однако в списке пассажиров самолета находился. Я считала его умершим. Ну и вела себя так, как если бы он умер... Грегори

возвратился. Требовал непрерывно раздобыть у Карла деньги. Считал, что тот должен откупиться, лишь бы его имя не трепали на суде. Грозил обвинить Карла в разрушении семьи. Будто бы я все еще была его женой, а Карл встал между нами.

Мейсон иронически засмеялся.

— Несмотря на тот факт, что Грегори украл ваши деньги и исчез на многие годы?

— Вы не понимаете. Тут дело было не в том, что он надеялся выиграть тяжбу, а в том, что имел основания начать ее. Ведь Карлу легче умереть, чем видеть, как имя Монтейна треплют в газетах!

— Переходите к сути. У нас мало времени.

— Я возвратилась к Нел Бринлей. Там меня ждала новая телеграмма от Грегори. Он был в бешенстве. Приказывал мне позвонить. Я позвонила. Он дал мне срок до двух часов ночи. Я сказала, что могу ответить сразу. Нет, твердил он, не надо спешить. Ему хочется поговорить. Если приду лично, то получу отсрочку. Мы условились на два часа ночи, когда, как я думала, Карл будет крепко спать под действием двойной дозы ипрола.

— Что было потом? — спросил Мейсон, немного изменяя позу для удобства наблюдения за вестибюлем.

— В самом начале второго я поднялась, оделась, выбралась из дома, отперла гараж, вывела свой «шевроле», прикрыла дверь, но, очевидно, забыла запереть ее на ключ. И не успела отъехать, как почувствовала, что у меня спустило колесо. Поблизости есть ремонтная мастерская при бензоколонке. Кое-как добралась до нее. Там мне колесо сменили. То есть, если быть точной, сначала поставили запасное, но сразу же обнаружили в нем торчащий гвоздь. Там оставалось порядочно воздуха, поэтому прокол нельзя было сразу заметить. Пришлось менять и эту камеру, вытаскивать гвоздь из покрышки и так далее. Я сказала, что не имею времени дожидаться, пока камеры отремонтируют. И мне дали на них расписки, по которым можно было заехать за ними позднее.

— Вы говорите о покрышке с гвоздем?

— Ну да. В ней нужно было только поменять камеру и надеть снова на запасное колесо. Та, на которой я ехала при спущенной камере, совершенно погибла.

— Что было дальше?

— Я поехала к Грегори.

— В дверь вы звонили?

— Да.

— Во сколько?

— Не знаю. Уже после двух. Я опоздала. Наверное, было минут десять или пятнадцать третьего.

— И как повернулось дело?

— Грегори был в ужасном настроении. Заявил, что я обязана раздобыть денег и положить на его имя в банке самое меньшее две тысячи долларов этим утром, потом выудить у мужа еще десять тысяч. А если не сделаю этого, он подаст в суд на Карла и добьется моего ареста.

— Как же вы поступили?

— Сказала, что не собираюсь ему давать ни единого цента.

— Дальше?

— От стал настаивать. Я решила дозвониться до вас.

— Дальше?

— Побежала к телефону и схватила трубку.

— Минутку. Вы были в перчатках?

— Да.

— Хорошо, продолжайте.

— Тут он вцепился в меня.

— А вы?

— Стала с ним бороться и сумела оттолкнуть. Но он снова двинулся на меня; я испугалась. Возле камина была подставка с топориком, лопаткой и метелкой. Я схватила первый попавшийся предмет — это был топор — и взмахнула им. Мне показалось, удар пришелся Грегори по голове.

— И после этого убежали?

— Нет. Понимаете, погас свет.

— Свет? — воскликнул Мейсон.

— Ну да. Сразу же. Наверное, прекратилась подача электроэнергии.

— Это случилось до того, как вы его ударили или после?

— Именно во время удара. Припоминаю, как размахнулась топором, и сразу же наступила полная тьма.

— Может быть, вы промахнулись, Рода?

— Нет, попала. Он зашатался и, кажется, тут же упал. В помещении находился еще кто-то. Этот человек чиркал спичками.

— Что было дальше?

— Я выбежала из комнаты, очутилась в спальне, в темноте наткнулась на стул и упала на пол.

— Продолжайте.

— Я слышала, как кто-то по-прежнему чиркает спичками. Потом он двинулся следом. Но мне удалось подняться, выскочить в коридор, сбежать по лестнице. И все это время меня преследовали.

- Так с лестницы вы спустились?
- Нет, я затаилась на площадке. Понимаете, внизу над-
рывался звонок.
- Какой звонок?
- От входной двери.
- Кто-то хотел попасть в квартиру?
- Да.
- Когда начали звонить?
- Точно не скажу. Наверное, пока мы с Грегори боролись.
- И долго звонили?
- Порядочно.
- Вы не можете описать характер звука?
- Похоже, как если бы старались разбудить Грегори. По-
нимаете, звонок дребезжал несколько секунд, потом умолкал
и начинал снова. Так повторилось несколько раз.
- Вы не знаете, кто это был?
- Не знаю.
- Но пока звонок не затих, вы вниз не спускались?
- Совершенно верно.
- А когда решились?
- Через пару минут. Я боялась оставаться в доме,
- Вы не знали, умер Грегори или нет?
- Я слышала, как он упал. У меня и в мыслях не было
его убивать. Я ударила не глядя.
- Итак, вскоре после того, как затих звонок, вы спусти-
лись вниз?
- Да.
- Вы никого не видели?
- Никого.
- Где стояла ваша машина?
- За углом, в боковой улочке.
- Вы пошли к ней?
- Да.
- Ладно. Вы обронили свои ключи в комнате Грегори.
Наверное, когда схватили топор?
- По-видимому.
- Вы знали, что они потеряны?
- Тогда — нет.
- А когда обнаружили это?
- Прочитала в прессе.
- Как же вы загнали в гараж автомобиль?
- Дверца машины не была заперта. Ключ от зажигания
оставался на месте. Я въехала в гараж и...

— Минутку. Уезжая, вы закрыли в нем дверь, но не заперли на замок?

— Мне казалось, что заперла. Но оказывается, нет. Замок был открыт.

— А дверь по-прежнему закрыта?

— Да.

— Так, как оставили?

— Да.

— Что же вы сделали?

— Открыла дверь.

— Для этого вам пришлось отвести ее по пазу?

— Да.

— До самого конца?

— Конечно.

— Потом вы поставили машину внутрь, верно?

— Да.

— И бросили гараж незапертым?

— Понимаете, когда я стала отводить назад вторую половину двери, она зацепилась за буфер другой машины. Мне с ней было никак не справиться.

— Потом поднялись к себе и легли в постель?

— Да. Я нервничала и приняла снотворное.

— Утром вы разговаривали с мужем?

— Да. Он уже встал и варил кофе. Мне это показалось странным, потому что после такой дозы гипнотического люда долго спят.

— Вы не попросили у него кофе?

— Попросила.

— Он не расспрашивал вас про отлучку?

— Нет, справился только, как я спала.

— И вы солгали?

— Да.

— Потом он ушел?

— Да.

— А вы?

— Снова легла. Подремала, поднялась, приняла ванну, оделась, открыла дверь, принесла молоко и почту. Я решила, что Карл пошел прогуляться. Раскрыла газету и поняла, в какой капкан попала. Прежде всего в глаза бросился снимок ключа. Ясно было, что Карл узнает его с первого взгляда. Более того, полиция обязательно выследила бы меня рано или поздно.

— Ну и что было потом?

— Я позвонила в транспортное агентство, поручила им переслать мои вещи на вымышленное имя и адрес, уложила свои пожитки, вызвала такси и бросилась в аэропорт.

— Вы знали, что в это время есть самолет?

— Да.

— Скажите, вы не имеете ни малейшего представления, кто ночью звонил Грегори?

— Нет.

— Уходя, вы оставили двери открытыми?

— Какие именно?

— Самой квартиры Грегори и входную у подножия лестницы?

— Не помню. Я страшно волновалась. Дрожала как осиновый лист... А откуда вам известно про дверь гаража?

— Ваш муж рассказал.

— Кажется, вы предупреждали, что он все сообщил полиции.

— Да. Но сначала заходил ко мне.

— И что говорил?

— Что узнал ключи в газете. Ему известно о вашей попытке его «одурманить», о ночном отъезде, — он даже слышал, как вы вернулись и как заело дверь, — знает и о том, что на вопрос, почему она открыта, вы соврали.

— Вот уж не думала, что он такой хитрый... А ложь про дверь гаража меня, наверное, окончательно запутала?

— Во всяком случае, пошла не на пользу, — угрюмо согласился Мейсон.

— И Карл сообщил вам, что собирается донести в полицию?

— Да. Я не мог его переубедить. У него какие-то дикие понятия о долге...

— Вы не должны его за это осуждать. На самом деле он очень славный... Скажите, а он ничего не говорил относительно... относительно кого-нибудь еще?

— Уверял, что вы будете пытаться кое-кого выгородить.

— Кого?

— Доктора Милсопа.

Мейсон услышал, как она тихонько ахнула и воскликнула резковато:

— Что ему известно про доктора Милсопа?

— Не знаю. А вам?

— Это настоящий друг.

— Он тоже был вчера у Моксли?

— Боже упаси, нет!

— Вы уверены?

— Да.

Перри Мейсон опустил еще одну монетку в автомат и набрал номер конторы Пола Дрейка.

— Говорит Перри Мейсон. Слушай, Пол, ты, конечно, читал сегодняшние газеты?.. Хорошо, значит, тебе ясно положение дел. Я представляю Роду Монтейн. Наверное, ты догадываешься, что это та самая особа, которая вчера выходила от меня. Я хочу, чтобы ты начал общее расследование. Полиция наверняка сфотографировала помещение, в котором убили Моксли. Мне нужны эти снимки. Какие-нибудь репортеры тебе наверняка помогут. Разбери все тонкости, проверь каждое направление. Кое-что мне представляется странным. Например, на дверной ручке не обнаружено отпечатков пальцев. Почему?.. Разве главное, что она была в перчатках? Это объясняет только отсутствие ее следов, но другие-то должны были сохраниться. На протяжении дня Моксли множество раз открывал и закрывал эту дверь. Да я сам заходил туда. День был жаркий, пальцы потные. Куда исчезли мои отпечатки?.. Да, начинай с Моксли. Выясни все о его прошлом. Поговори со свидетелями. Окружной прокурор, скорее всего, вызовет своих. Нам надо успеть опросить их раньше... Сейчас это не имеет значения. Увидимся позднее... Нет, не могу сказать. Начинай, не мешкай. Я жду новостей в ближайшие несколько минут.

Мейсон повесил трубку.

— А теперь, Рода, нам надо действовать быстро. Парни из «Кроникл» вот-вот приедут. Они гоняют на своих машинах как черти, не считаясь ни с какими правилами. Полиция сама не своя от желания начать вас допрашивать. Они пустят в ход все средства, лишь бы вы заговорили. Пообещают золотые горы за откровенность. Дайте мне слово, что станете молчать. Хорошо?

— Да.

— Настаивайте на том, чтобы вызвали меня, даже если вопросы будут невиннейшие. Ясно?

— Конечно.

В будку кто-то тихонько постучался.

Мейсон посмотрел через стекло. Молодой человек прижал к окошечку удостоверение сотрудника «Кроникл».

Перри Мейсон нажал на ручку.

— Так, Рода. Выходим.

Дверь открылась.

— Где она? — немедленно спросил журналист. Второй возник с противоположной стороны будки.

— Привет, Перри.

Опершись на сильную руку адвоката, Рода Монтейн поднялась. Оба газетчика смотрели на нее раскрыв рты.

— Так она все время сидела здесь?

— Да. Где ваша машина? Нужно как можно скорее увезти ее... — начал было адвокат.

Но второй репортер негромко выругался:

— Полиция, черт бы их подрал!

Из-за стеклянной перегородки, отделявшей заднюю половину вестибюля, выскочили двое дюжих молодых и бегом бросились в их сторону.

Перри Мейсон повысил голос:

— Это Рода Монтейн. Она отдает себя в ваши руки, джентльмены, как представителям «Кроникл», надеясь, что та отнесется к ней честно и гуманно. По газетной фотографии она опознала ключ от своего гаража. И...

Двое детективов налетели на их группу. Один схватил Роду Монтейн за рукав. Второй вплотную приблизил побагровевшую от ярости физиономию к лицу Перри Мейсона.

— Так вот ты каков на самом деле, мерзкий интриган! — заорал он.

Адвокат воинственно вздернул подбородок. Глаза его приобрели стальной оттенок.

— Поосторожней на поворотах, молокосос, или твою глотку заткнет мой кулак!

Второй детектив предостерегающе дернул своего напарника за пиджак.

— Спокойнее, Джо! Это же порох. Главное, мы взяли девчонку. Больше нам ничего не нужно.

— Черта лысого вы взяли! — возмутился репортер. — Рода Монтейн сдалась «Кроникл» еще до того, как была вами обнаружена.

— Идите к дьяволу! Ее задержали мы, проследив до аэропорта, и сейчас произведем арест. Приоритет наш!

Один из репортеров вошел в телефонную будку.

— Минут через пятнадцать вы, голубчики, сможете купить газету, и тогда посмотрим, чей приоритет!

Глава 8

Перри Мейсон шагал по своему кабинету с тревогой залетного в клетку тигра. Подготовительное время, когда он мог с философским терпением ожидать очередных известий, кончилось. Сейчас это был неутолимый борец, который ста-

рался таким вот образом израсходовать излишек физической энергии.

Усевшись в кожаном кресле, Пол Дрейк изредка делал в записной книжке пометки об информации, которая интересовала адвоката в первую очередь.

В противоположном углу пристроилась Делла Стрит с карандашом наготове. С нескрываемым восхищением она смотрела на шефа.

— Они таки упрятали ее, — проворчал Мейсон, хмуро поглядывая на молчащий телефон. — От них этого следовало ожидать.

Пол Дрейк взглянул на часы.

— Возможно, они...

— Говорю тебе, упрятали. Я условился, что меня предупредят, если она попадет в управление или к окружному прокурору. Ее не привозили ни туда, ни сюда. Значит, запихнули в какой-то дальний полицейский участок.

Повернувшись, он распорядился:

— Делла, поройся в справочниках. Найди-ка мне дело Бен-Йи. Я там ссылался на «Хабеас корпус». Чтобы не тратить понапрасну времени, перепечатай оттуда текст апелляции. Тут уж нам придется действовать в открытую до тех самых пор, пока не нанесут нам ощутимый вред.

Делла моментально исчезла из кабинета.

Перри Мейсон уже взялся за детектива:

— Вот что еще, Пол. Окружной прокурор намерен опекать и муженька.

— Как основного свидетеля?

— Возможно, как соучастника. Во всяком случае, позаботится, чтобы мы до него не добрались. Придется найти какой-то окольный путь. Мне необходимо его увидеть.

— Мы могли бы состряпать телеграмму, будто в Чикаго заболел его отец. Ему разрешат повидаться, если будут уверены, что об этом не знаешь ты. Без сомнения, он полетит самолетом. Я отправлю одного из моих ребят тем же рейсом. По дороге оперативник вытянет из него все возможное.

Перри Мейсон обдумал предложение и отверг его.

— Нет, не пойдет. Слишком рискованно. Нам пришлось бы подделывать подпись на телеграмме. Представляешь, что поднимется, если об этом узнают?

— А мне думается, все пройдет без сучка без задоринки...

— Отец принадлежит к таким типам, которые любят всюду диктовать свою волю. Уверен, он явится сюда без нашего приглашения, а если нет, тогда уж я кое-чем его выманю.

- С какой целью?
- Хочу получить от него деньги.
- Думаешь, он заплатит за то, что ты, Твое Величество, будешь защищать Роду? Так нет же.

— Заплатит как миленький.

Он возобновил свои хождения по кабинету, потом снова остановился.

— Вот еще что. Они должны использовать показания Карла Монтейна для возбуждения дела против Роды. Карл Монтейн ее муж. Как такового его не могут сделать свидетелем в уголовном разбирательстве, особенно против жены. Только если она даст согласие.

— Ну что ж, к этому можно придаться.

— К сожалению, нет. Ибо они начнут стараться аннулировать брак Роды и Карла Монтейна. На том основании, что он с самого начала был незаконным.

— И смогут это сделать?

— Безусловно. Если докажут, что первый муж Роды был жив, когда она выходила за Карла Монтейна, то ее второе замужество в глазах закона будет недействительно.

— Значит, муж сможет свидетельствовать против нее?

— Да. Так вот, я хочу, чтобы ты раскопал всю подноготную Грегори Моксли, все его прошлые художества. Несомненно, кое-что известно окружному прокурору. Мне надо знать гораздо больше. Нужно получить полный список его жертв.

— Ты имеешь в виду женщин?

— Да. Особенно тех, с которыми он регистрировал брак. Даст бог, Рода окажется не первой. Это был привычный для него способ. У каждого мошенника постепенно вырабатывается свой излюбленный стиль.

Пол Дрейк сделал пометку в записной книжке.

— Следующее. Телефонный звонок, который разбудил Моксли. Звонили раньше двух часов. На два у него была договоренность с Родой. В беседе он об этом упомянул, сказал, что она должна дать ему денег. Попробуй что-нибудь выяснить в этом направлении. Вдруг тебе посчастливится проследить говорившего.

— Значит, по-твоему, разговор состоялся до двух?

— Да, почти уверен. Понимаешь, Моксли прилеж на пару часиков до прихода Роды. Его разбудил телефон.

— Ну ладно. Что еще?

— Вопрос о «хвосте». Я имею в виду того человека, который следил за Родой, когда она приходила ко мне в контору. Пока мы о нем ничего не выяснили. Он мог быть и

профессиональным детективом. Но если это так, значит, его наняли. Вот тебе и предстоит узнать, кто не пожалел денег, чтобы быть в курсе дел Роды.

Дрейк кивнул.

В кабинет вошла Делла Стрит.

Адвокат сразу же повернулся к ней.

— Делла, я хочу подготовить почву для дискуссии. Если первая газетная информация сообщит, что эта женщина — бывшая медсестра, которая пыталась одурманить наркотиками собственного мужа, плохо будет наше дело. Нам надо выпятить на передний план то зло, которое муж причинил ей, а не она ему. Одна из утренних газет имеет специальный отдел писем читателей. Доставь-ка туда это письмо. Только смотри, не печатай его на машинке, по которой они смогут найти автора.

Делла кивнула и приготовилась стенографировать.

Перри Мейсон диктовал, не переставая ходить по кабинету:

«Я всего лишь супруг с устоявшимися взглядами. Возможно, они несколько устарели. Не знаю, куда движемся мы, если бережливого человека, сумевшего скопить путем строгой экономии маленькое состояние, чураются, как прокаженного, если в кино приобретает наибольшую популярность тот герой, который шелкает свою возлюбленную по носу, в то время как я когда-то поклялся любить, оберегать и почитать свою супругу до конца дней своих. И я стараюсь изо всех сил выполнять это обещание. Вот сейчас в газете печатают материалы о муже — почитателе закона, который вычитал в репортажах уголовной хроники нечто такое, что заставило его предположить, будто его супруга имела какое-то отношение к убитому мужчине. Вместо того, чтобы постараться защитить свою жену, отвести от нее подозрения, вместо того, чтобы по-хорошему объяснить с ней, этот «почитающий законы» муж бросается в полицию и заставляет арестовать несчастную женщину, обещая первой всяческую помощь, чтобы можно было сфабриковать дело против его собственной жены. Возможно, таково веяние времени. Возможно, я слишком долго живу на свете. Но лично я придерживаюсь другого мнения: современное общество вступило в новый период истории.

Не является ли грубейшей ошибкой стремление опрокинуть вековые традиции, привычные моральные нормы, уважение к семье, к женщине, жене, матери наших детей?

Мне кажется, что самого сурового наказания заслуживает тот муж, который из каких-то корыстных побуждений дает

согласие арестовать женщину, хранителем которой он должен быть до самой своей смерти.

Таково мое глубокое убеждение, но ведь я всего лишь муж с устаревшими взглядами».

Перри Мейсон умолк; Пол Дрейк поднял на него глаза и спросил своим немного тягучим голосом:

— Ну и что это даст, Перри?

— Очень многое. Начнется дискуссия.

— В отношении мужа?

— Конечно.

— А зачем упоминание о сбережениях?

— Чтобы разгорелись споры. Понимаешь, сразу же поднимется волна сетований на нынешнюю дороговизну, неправильную политику правительства, падение нравственности и так далее. Одной истории Роды и Карла маловато. Что касается лейтмотива «ну и времена», он дорог сердцу каждого обывателя. Ну а мы в свое время используем эту притчу о муже, предавшем интересы собственной жены.

Дрейк задумчиво-кивнул.

— Пожалуй, ты прав.

— Так, а что в отношении фотографии? Тебе не удалось раздобыть снимки комнаты, где произошло убийство?

Пол Дрейк лениво потянулся к папке, которая стояла на полу, прислоненная к ножке кресла, вытащил из нее порядочный конверт из толстой бумаги и извлек оттуда четыре глянцевых снимка.

Мейсон принялся рассматривать фотографии через увеличительное стекло.

Спустя несколько минут он сказал:

— Посмотри-ка сюда, Пол.

Детектив подошел к столу адвоката.

— Ну да, это будильник. Стоит на тумбочке возле кровати.

— И, как я понимаю, на последней спали. Но Моксли был найден полностью одетым.

— Да.

— В таком случае значение будильника удваивается.

— Почему?

— Возьми-ка лупу и взгляни на него.

Детектив кивнул.

— Стрелки стоят на 3.17. Надпись в углу показывает, что снимок сделан в 3.18. Таким образом, правильное время разнится от будильника всего на одну минуту.

- Это еще не все. Посмотри снова.
- Куда ты клонишь?
- В лупу виден верхний циферблат, на котором устанавливается время звонка.
- Ну и что?
- Стрелка была поставлена на без нескольких минут два.
- Естественно. Свидание назначалось на два часа. Он хотел быть на ногах, когда придет Рода.
- Но у него почти не оставалось времени, чтобы одеться. Будильник был заведен примерно на без пяти два. Самое большое — без десяти.
- Не забывай, он когда-то был ее мужем. Она его видывала и в пижаме, и даже без нее.
- Ты все еще не понимаешь меня. Моксли разбудил телефонный звонок. Значит, будильник ему не потребовался. К тому времени, как он зазвонил, Моксли уже был одет.
- Выпуклые глаза Дрейка внимательно рассмотрели на адвоката.
- Если бы я не понимал только это! Какого дьявола ты не говоришь о том, что это убийство в целях самообороны? Я вовсе не собираюсь требовать от тебя обмануть доверие клиента, но если она рассказала тебе правду, то наверняка призналась, что они боролись и ей пришлось ударить его топором, спасая собственную жизнь. Как я полагаю, присяжных будет совсем нетрудно убедить, что так оно и было. Особенно учитывая характер Моксли. Ей еще спасибо надо сказать за избавление мира от такого мерзавца!
- Перри Мейсон медленно покачал головой.
- До того, как станут известны все факты, очень опасно говорить об обороне.
- Почему?
- Ты забываешь о ее попытке опохмелить своего мужа. То, что она когда-то была медсестрой и хотела дать ему наркотик, вызывает к ней предубеждение всех присяжных. Ну а потом, коли самооборона, то, значит, она таки убила Моксли. Я же далеко не уверен, что обвинению удастся это доказать.
- Но если она не убивала, то в комнате во время убийства находилась!
- В том-то и дело. Я не убежден, что она не пытается кого-то выгородить.
- Что заставляет тебя так думать?
- Отсутствие всяких следов на дверной ручке.
- Рода была в перчатках.
- Да, но остальные-то хватали эту ручку, не имея таковых!

- Понятно. А полиция ее следов не обнаружила?
- Если она не снимала перчаток, ей вообще незачем было думать о каких-то следах... Для чего тогда обтирать дверную ручку и топор? Ты понимаешь?
- Дрейк медленно наклонил голову.
- Все ясно.
- Мейсон взглянул на Деллу Стрит.
- Приготовь для подписи апелляцию.
- Она кивнула и вышла из кабинета. А через несколько минут вернулась с листом бумаги в руках.
- Это последняя страница, — сказала она, — можете подписывать.
- Перри Мейсон размашисто расписался.
- Отошли ее. Заставь судью составить предписание. Проверь, чтобы все было в порядке. Я уезжаю.
- Надолго? — спросил Пол Дрейк.
- Ровно на столько, чтобы задать работы доктору Клоду Милсопу, — ответил он с улыбкой.

Глава 9

- ♦ Медсестра доктора Милсопа вспыхнула от возмущения.
- Вы не имеете права сюда заходить. Это частный кабинет врача. Он никого не принимает без предварительной договоренности. Сначала позвоните, и он назначит удобное для себя время.

- Перри Мейсон внимательно посмотрел на нее.
- ♦ — Я не люблю воевать с женщинами. Объясняю вам еще раз, что я адвокат и пришел сюда по делу, имеющему для него колоссальную важность. Пройдите-ка, голубушка, в его святыхище и скажите, что Перри Мейсон желает поговорить с ним по поводу пистолета 32-го калибра системы «Кольт», который был зарегистрирован на него. Предупредите, что я буду ждать ровно тридцать секунд, а потом уйду.

В глазах сестры мелькнуло паническое выражение. Она быстро юркнула в кабинет и шумно захлопнула дверь перед алым носом Перри Мейсона.

Ровно через тридцать секунд он сам вошел туда же.

Доктор Милсоп был облачен в белый халат, делавший его похожим на профессора. В кабинете пахло лекарствами. В стеклянных шкафчиках поблескивали хирургические инструменты. Сквозь приоткрытую дверь виднелись стеллажи с книгами.

Рука медсестры лежала на плече доктора Милсопа. Глаза были широко раскрыты. Она наклонилась к врачу. Звук открывающейся двери заставил ее обернуться в страхе. Лицо доктора Милсопа приобрело сероватый оттенок.

Перри Мейсон закрыл за собой дверь с молчаливой бесповоротностью.

— Иной раз бывает дорога каждая секунда, — заговорил он. — Я не буду начинать ни с каких преамбул и прошу вас тоже не отнимать драгоценных минут, придумывая всякие небылицы, потому что мне придется доказывать их неправомысленность, а на это тоже нужно время.

Доктор Милсоп расправил плечи.

— Я не знаю, кто вы такой, и не нахожу слов, чтобы выразить свое возмущение по поводу вашего нахального вторжения. Либо вы сами выйдете отсюда, либо я позову полицию и вас выведут.

Перри Мейсон стоял, широко расставив ноги, всем своим видом напоминая гранитную глыбу, холодную, неподвластную, доминирующую над всем окружающим.

— Когда будете звонить в полицию, доктор, не забудьте им объяснить, как могло случиться, что вы выдали фальшивое похоронное свидетельство Грегори Лортону в феврале 1929 года. А заодно и причину того, зачем отдали Роде Монтейн кольт 32-го калибра с указаниями застрелить Грегори Моксли.

Доктор Милсоп провел кончиком языка по пересохшим губам и с отчаянием посмотрел на медсестру.

— Выйдите, Мейбл.

Поколебавшись минуту, она с ненавистью взглянула на адвоката и покинула кабинет.

— Смотрите, чтобы нам не мешали, — предупредил Мейсон.

Доктор собственноручно запер двери. Потом повернулся к Перри Мейсону.

— Кто вы такой?

— Поверенный Роды Монтейн.

По-видимому, доктор сразу же почувствовал облегчение.

— Это она вас прислала?

— Нет.

— Где она?

— Арестована за убийство.

— Как же вы попали сюда?

— Мне необходимо узнать правду про свидетельство о смерти и пистолет.

— Садитесь, — слабым голосом проговорил Милсоп и сам буквально упал в кресло, как будто ноги его подогнулись. — Дайте подумать... Вы говорите, Грегори, Грегори Лортон? Конечно, пациентов масса, я не могу вот так сразу припомнить обстоятельства каждого дела. Мне надо посмотреть в истории болезни. Так это было в 1929 году? Если бы вы могли назвать мне какие-то детали...

Лицо Мейсона вспыхнуло от гнева.

— К черту всю эту ерундику! — гаркнул он. — Вы в дружеских отношениях с Родой Монтейн. Не станем уточнять, насколько дружеских. Вы знали, что она была замужем за Лортоном и что тот удрал. По каким-то соображениям она не хотела брать развод. Двадцатого февраля 1929 года в больницу «Саннисайд» был принят пациент с воспалением легких. Его зарегистрировали как Грегори Лортона. Вы были лечащим врачом. Двадцать третьего февраля больной скончался. Вы подписали свидетельство.

Милсоп снова облизал губы. В глазах у него был панический ужас.

Перри Мейсон посмотрел на наручные часы.

— Даю вам десять секунд на размышление, после этого начинайте рассказывать.

Милсоп глубоко вздохнул и заговорил сбивчиво, торопливо, захлебываясь словами:

— Вы не понимаете. Иначе бы отнеслись ко мне по-другому. Вы же адвокат Роды Монтейн. Я ее друг. И люблю ее. Больше, чем самого себя. Полюбил с той минуты, как мы познакомились.

— Почему вы подписали свидетельство о смерти?

— Чтобы она могла получить страховку.

— Для чего понадобился такой обман?

— Она не могла доказать, что Грегори Лортон умер. До нее дошли слухи, будто он погиб в авиакатастрофе. Аэрокомпания подтвердила приобретение им билета на этот самолет, но был ли он в числе погибших — никто не знал. Тогда нашли труп всего лишь одного пассажира. Страховая компания не считала бы это за доказательство. Кто-то посоветовал Роде подождать семь лет и потом начать дело о признании юридической смерти мужа. Ей не хотелось считаться его женой. Но если бы она стала хлопотать о разводе, то тем самым подтвердила бы, что он жив. Она не знала, как поступить, но считала себя вдовой, не сомневаясь в его смерти.

Тут мне пришла в голову одна мысль. В больнице всегда лежит масса бездомных пациентов, которых к нам направ-

ляют разные благотворительные организации. Многие из них не имеют даже настоящих документов, истории болезни заполняются с их слов. Однажды поступил именно такой бродяга, одинакового с Грегори Лортоном возраста и подходящей конституции. У него было двустороннее воспаление легких, запущенное, без всякой надежды на выздоровление. Я записал его как Грегори Лортона, объяснив, что этот человек у нас пользуется некоторыми привилегиями.

Честное слово, мы сделали все возможное, чтобы спасти его. Ведь в скором времени мне бы представилась другая возможность лечить «Грегори Лортона», поэтому я не был заинтересован в его кончине. Но все же он умер, чего и следовало ожидать. Я выдал свидетельство о смерти, а через несколько недель Рода обратилась в какую-то нотариальную контору с соответствующими документами. Все остальное было проделано по закону.

— Какова была сумма страховки?

— Не очень большая, иначе бы ее так просто не получить. Если не ошибаюсь, пятнадцать сотен долларов.

— Страховка оформлялась в пользу Роды?

— Да. Грегори уговорил Роду застраховать жизни друг друга. Уверил ее, что намеревается застраховаться на пятьдесят тысяч, но для этого нужно пройти детальное медицинское обследование, поэтому для начала — всего на полторы тысячи. Ну а она застраховалась в его пользу на десять. Наверняка он бы убил ее и получил эти деньги, если бы не удалось просто выманить сбережения и удрать с ними.

— Надо думать, он перестал выплачивать взносы, как только они расстались? — спросил Перри Мейсон.

— Ну да, сделал первый, и все. Рода сама платила остальные. Та авиакатастрофа произошла через несколько месяцев после уплаты первого взноса. Свидетельство о смерти было заполнено примерно через год. Тогда Рода и получила деньги.

— Вы уже порядочно знакомы с Родой?

— Да.

— Пытались уговорить ее выйти за вас?

Доктор Милсоп покраснел.

— Неужели все это нужно?

— Да.

— Раз нужно... Да, я просил ее стать моей женой.

— Почему она отказалась?

— Она клялась, что не намерена больше выходить замуж. Что утратила веру в мужчин. Что была неискушенной простушкой, когда Грегори Лортон уговорил ее выйти за него.

Его подлость убила в ней все эмоции. Теперь она посвятила жизнь уходу за больными. И про любовь забыла.

— И вдруг совершенно неожиданно вышла за сына миллионера?

— Мне не нравится, как вы это рисуете.

— Что и почему?

— Зачем вы называете его «сыном миллионера»?

— Но он действительно таков!

— Да, но Рода-то за него вышла совсем из других соображений.

— Откуда вы знаете?

— Просто знаком с ее психологией.

— Почему же она вышла за него?

— Все дело в том, что ее материнские чувства не получили естественной пищи. Ей надо было иметь существо, на которое она могла бы их излить. В этом слабовольном, изнеженном сыночке богатых родителей Рода нашла то, что искала. Не подумайте, будто во мне говорит ревность, но этот молодой человек — нравственный дегенерат. Он смотрел на Роду, как ученик смотрит на строгую учительницу, как ребенок на мать. Он воображал, что это любовь, а на самом деле это была потребность найти защиту... Она не задумывалась над такими вопросами, не помня себя от радости кого-то лелеять и пестовать.

— Понятно, вы возражали против этого брака.

Доктор Милсоп побледнел.

— Естественно...

— Почему?

— Потому что я люблю ее.

— Вы сомневаетесь, что она будет счастлива?

Доктор Милсоп покачал головой.

— Это просто невозможно. Сейчас она хитрит сама с собой, не желает разобраться в собственных чувствах. В действительности ей нужен муж, которого бы она любила и уважала. А материнские чувства тратила бы на настоящего ребенка. Природа требует своего, мужчина никогда не станет младенцем. Женщине нужен муж!

— Вы ей об этом говорили?

— Пытался.

— И она согласилась!

— Нет.

— Что же она сказала?

— Мол, я для нее всегда останусь только другом и говорю это все из ревности.

- Как вы поступили?
- Мне бы не хотелось распространяться на эту тему с незнакомым человеком...
- Мало ли чего вам не хочется... Не тратьте понапрасну времени, выкладывайте все.
- Наверное, это звучит напыщенно, но Рода мне дороже жизни. Я хочу сделать ее счастливой. Я люблю так сильно, что в моем чувстве нет эгоизма. Поэтому и не желаю омрачать ее, пусть призрачное, счастье своими сетованиями. Ее благополучие и покой — на первом месте...
- Итак, вы ушли с ее пути?
- Что же мне оставалось?
- А дальше?
- Она вышла за Карла Монтейна.
- Это помешало вашей дружбе?
- Ни капельки.
- Потом появился Лортон?
- Да, Лортон или Моксли, называйте, как больше нравится.
- Чего он хотел?
- Денег.
- Зачем?
- Кто-то грозил отправить его в тюрьму — за мошенничество.
- Вам известен характер этой аферы?
- Нет.
- А не догадываетесь, кто ему угрожал тюрьмой?
- Нет.
- Сколько денег он требовал?
- Две тысячи немедленно и десять позже.
- У Роды?
- Да.
- Как она поступила?
- Бедняжка не знала, что ей делать.
- Отчего?
- Она же была новобрачной. Искусственно подавляемые человеческие чувства начали давать себя знать. Ей казалось, что она любит своего мужа. Что они с ним — неразрывное целое. И тут на сцене появляется этот мерзкий мучитель. Требуется денег. Она вовсе не обязана была ему ничего отдавать. Но он грозил раскрыть обман со страховкой, со страховой компанией. Обвинял ее в двоемужестве. Понимала она и то, что он постарается обратиться непосредственно к Карлу Монтейну, чтобы из него выжать деньги. А Монтейн

больше всего опасался скандала, который мог бы опорочить их фамильную честь. Моксли был умным негодяем. Он прекрасно раскусил монтейновский комплекс аристократизма, которым заражена вся семья.

— Ну и что же произошло?

— Рода увиделась с Моксли и пригрозила, если тот не уедет, отдать его под арест за кражу ее денег.

— Это вы ей посоветовали такой план?

— Да.

— И пистолет, чтобы застрелить Моксли, если представится такая возможность, тоже вы дали?

Доктор Милсоп энергично затряс головой, полностью отвергая такое предположение.

— Я дал его только для защиты в случае необходимости. Мне же известно, что Лортон лишен всякой совести, способен на клевету, подлость, воровство и убийство ради достижения своей цели. А тут ясно было, что у него неприятности и большая нужда в деньгах. Я боялся отпускать к нему Роду одну на свидание, однако Моксли потребовал, чтобы с ней никого не было.

— И вы дали ей пистолет?

— Да.

— Вы знали, что она хочет встретиться с Моксли?

— Конечно.

— Вчерашней ночью?

Доктор заерзал на стуле.

— Знали или нет?

— Нет.

Мейсон фыркнул.

— Если на месте для свидетелей вы не сумеете лгать более правдоподобно, Роде нельзя ждать от вас помощи.

— На месте для свидетелей? — ужаснулся доктор.

Мейсон кивнул.

— Боже мой, я не могу быть свидетелем! Вы имеете в виду, выступать за Роду?

— Нет, окружной прокурор призовет вас свидетельствовать против нее. Он попытается вызвать к Роде максимум недоброжелательства. Будет стараться высветить мотив для убийства: скрыть подлог, на который она в свое время пошла со страхово-вой компанией. Сами понимаете, чем это вам грозит.

У доктора Милсопа отвисла нижняя челюсть.

Перри Мейсон смотрел на него в упор.

— Так вы знали, что Рода должна была отправиться на свидание с Моксли в два часа ночи?

Доктор Милсоп как-то увял.

— Знал, — сказал он еле слышно.

— Так-то лучше. А теперь расскажите все подробно. Где вы сами находились в это время?

— Спал, конечно.

— Вы можете это доказать?

— Точно так же, как любой человек, который ложится спать с вечера и спит до утра. Как правило, для этого не нужно доказательств. Я считаю, тут достаточно простого утверждения.

— Так оно и было бы, доктор, если бы окружной прокурор не стал расспрашивать вашего слугу-японца о телефонном звонке к вам в два часа ночи. Лакей ответил тогда, что...

Выражение лица Милсопа заставило Мейсона замолчать на полуслове.

— Так что же вы мне скажете, доктор?

— Великий Боже! Откуда окружной прокурор мог узнать об этом звонке? Я даже не подумал о такой возможности. Слуга сказал мне, что звонил какой-то полупьяный человек из автомата.

— Почему он назвал его полупьяным?

— Наверное, из-за голоса. Во всяком случае, так он заявил, когда я вернулся домой. То есть...

— Переходите к фактам, доктор!

— Да, я был там. Правда, не в два, а позднее. Сначала проснулся и не мог уснуть. Я знал, что Рода поедет к этому негодяю. Посмотрел на часы и с тревогой подумал: как-то дела у Роды? Все ли в порядке? Потом поднялся, оделся и поехал на Норвалк-авеню. Машина Роды стояла в переулке. Я посмотрел на окна квартиры Моксли. Света нигде не было. Тогда я нажал на звонок. Никто не ответил. Я продолжал звонить, сам не зная, чего дожидаясь. Я страшно беспокоился из-за того, что мне никто не открывает. Если бы не было ее машины, подумал бы, что Моксли спит. Тогда я решил обойти вокруг дома и проверить, нельзя ли попасть внутрь иным путем. Но мне не хотелось оставлять здесь свой автомобиль. Поэтому я объехал квартал, поставил его на параллельной улице, прошел по аллее и тут заметил, что в квартире Моксли появился свет. Я подумал, что мои звонки его разбудили, и ускорил шаги, собираясь позвонить еще раз, но, к счастью, заметил исчезновение машины Роды.

— Когда вы звонили во входную дверь, то ведь стояли на ступеньке недалеко от проезжей части?

— Да.

- Вы слышали свой звонок на верхнем этаже?
 - Нет.
 - Ну а шум драки?
 - Нет. Вообще ничего не слышал.
- Перри Мейсон нахмурился.
- Мне бы не хотелось, чтобы вы в дальнейшем упоминали о том, что я собираюсь сейчас сказать.
 - А именно?
 - Вы плохо выглядите.
 - Господи помилуй, разве это удивительно? На протяжении многих дней я постоянно думал об этой истории. Не мог совершенно спать. Лортон в городе, шантажирует Роду. Я не мог есть, не мог сосредоточиться на работе. Моя практика шла через пень-колоду. Я...
 - Повторяю, у вас неважный вид, — прервал его Мейсон.
 - Конечно, неважный. Я чувствую себя совершенно разбитым. Разве только с ума не схожу!
 - Что бы вы посоветовали пациенту, который бы имел такое вот состояние? Да еще и выглядел бы дурно?
 - Куда вы клоните?
 - Скорее всего, порекомендовали бы ему отправиться в длительное морское путешествие?
 - Разумеется, перемена обстановки...
- Милсон не договорил, в его глазах блеснули хитроватые огоньки.
- В самом начале, — Перри Мейсон поднялся с кресла, — я заметил, что не хочу упоминания моего имени в связи с данным вопросом. Прежде всего, я не врач. Но для убедительности вы можете проконсультироваться у какого-нибудь знакомого доктора. Причем совершенно не обязательно рассказывать ему, что именно вас беспокоит, надо просто охарактеризовать свое состояние и намекнуть на морскую прогулку.
 - Короче говоря, вы советуете мне уехать в такое место, где им до меня не добраться? Но не станет ли это ударом в спину по отношению к Роде?
 - Простите за откровенность, но ваше присутствие здесь способно причинить ей больше вреда, чем пользы. Лично я интересуюсь только состоянием вашего здоровья. Выглядите вы неважно. Под глазами синяки. Нервничаете, вздрагиваете. Вам необходимо посоветоваться с каким-нибудь авторитетом в этой области. Пусть поставит диагноз. Ну а тем временем вот вам на всякий случай моя визитная карточка. Если произойдут какие-то непредвиденные события, милости прошу, обращайтесь ко мне.

Мейсон положил визитку на письменный стол врача.

Милсоп вскочил, схватил руку адвоката и с жаром потряс ее.

— Огромное вам спасибо. Прямо скажу, я бы такого не сообразил. Великолепно, лучше и не придумаешь.

Мейсон собрался что-то сказать, но промолчал, так как из приемной слышались приглушенные голоса, неясные шаги, хлопнула дверь. Зазвенел негодующий голос секретарши доктора Милсопа.

Перри Мейсон выглянул из кабинета. На адвоката круглыми от удивления глазами смотрели те самые два детектива, которые арестовали Роду Монтейн в аэропорту.

— Ну и ну, — произнес один из них, — а вы и вправду проворный малый!

Перри Мейсон слегка поклонился доктору Милсопу.

— Большое спасибо за ваш совет, доктор. Если вам когда-нибудь понадобится адвокат, без колебаний обращайтесь ко мне. Вижу, эти два человека хотят с вами поговорить. Возможно, вы не знаете, что это детективы из отдела расследования насильственных преступлений. Не стану вас дольше задерживать. Между прочим, как юрист могу подсказать: если не желаете отвечать на их вопросы, это не обязательно делать. И...

— Хватит! — гаркнул один из детективов, с угрожающим видом делая шаг к Мейсону.

Но тот лишь смерил смельчака презрительным взглядом и продолжал ровным тоном:

— Также, если вам понадобится поверенный, на карточке записан номер моего телефона. Я не знаю, чего хотят эти люди, но на вашем месте не стал бы им говорить ничего.

Мейсон проследовал мимо детективов, даже не взглянув в их сторону. Они с минуту постояли на пороге, позабыв закрыть рты, потом одновременно шагнули в кабинет доктора.

В приемной горько рыдала медсестра, уронив голову на стол. Перри Мейсон на минуточку остановился возле, потом неслышно удалился через открытую дверь.

Глава 10

Утреннее солнце заливало кабинет Перри Мейсона. Зазвонил телефон. Сквозь матовое стекло двери, выходящей в коридор, проявилась чья-то темная фигура, ручка повернулась в тот самый момент, когда проворные пальчики Деллы

Стрит положили конец звонкоголосым призывам телефона, в комнату вошел Пол Дрейк.

Из внутреннего помещения появился Перри Мейсон.

— Это вас, шеф.

Адвокат неторопливо пошел к аппарату, одновременно дружески подмигивая Полу. Потом передумал.

— Узнай, Делла, что там еще.

Пол Дрейк вытащил из кармана газеты и устало махнул рукой.

— Кишка у нее тонка оказалась.

Перри Мейсон задумчиво улыбнулся.

Делла Стрит, не вытерпевшая чьих-то телефонных объяснений, сердито бросила трубку на рычаг.

— В чем дело, сестренка? — спросил адвокат.

— Это звонил какой-то нахал из отдела расследования насильственных преступлений. Надо было слышать, с каким триумфом он сообщил, что ваша клиентка уже подписала заявление в прокуратуре. Она обвиняется в совершении убийства первой степени, так что они будут рады предоставить вам свидание с ней в любое время. Ни о какой апелляции больше не может быть и речи.

На лице Перри Мейсона не дрогнул ни один мускул.

— Почему ты не дала мне с ним поговорить, Делла?

— Но он пытался посмеяться над вами!

— Э-э, дорогая, смеется тот, кто смеется последним. Во всяком случае, если кому-то еще придет в голову мысль вот так позабавиться, сразу же соединяй его со мной. Я не слабая нервная барышня, меня нечего щадить.

Он повернулся к Дрейку.

— Пошли, надо поговорить.

Они вошли в кабинет адвоката и прикрыли дверь. Пол снова вытащил газету.

— Подробности? — спросил Мейсон.

— Куча. Здесь еще не сказано о подписании заявления, но дается понять, что это будет сделано с минуты на минуту.

— Что она объясняет?

— Говорит, Моксли пытался ее шантажировать и настоял на свидании в два часа ночи. Она тайком от мужа улизнула из дому и поехала к Моксли. Там несколько минут звонила, но, поскольку никто не ответил, повернулась и отправилась домой.

— Она ничего не сообщает о том, как именно звонила?

— Как же, сообщает. Долго держала палец на кнопке звонка, думая, что Моксли спит.

— А потом они ошарашили ее фактом обнаружения в комнате ключей и потребовали дать объяснение, как они могли туда попасть, правильно?

— Абсолютно. На это она соизволила ответить, будто была там днем и, видимо, обронила их случайно.

Мейсон усмехнулся. Впрочем, усмешка его больше походила на гримасу человека, откусившего лимон.

— А тем временем Карл Монтейн настаивает, что, загнав машину, дверь гаража запер, поэтому попасть в него Рода могла, только воспользовавшись ключом. Мало того, она сама рассказывала ему, что забыла в машине сумочку, поэтому поздно вечером пришлось бежать в гараж за ней и отпираться дверь, — ровным голосом добавил Мейсон.

— Будем надеяться, хоть кто-то из присяжных ей поверит...

— Нет, Пол. После того как обвинитель ознакомит суд со всеми фактами, ей не поверит никто. Они заставили ее сделать самое опасное признание.

— Не понимаю.

— Не понимаешь? Проще всего бы ей было напирать на необходимость обороняться. Тут никто бы не мог возразить, потому что единственный свидетель — мертв. И обвинение бы эту историю не опровергло. Если бы она изложила ее в психологически правильный момент и в нужной форме, то завоевала бы симпатии не только всех присяжных, но и публики. Теперь возможности сослаться на необходимость самозащиты больше нет. Ей либо придется доказать, что в квартиру Моксли она не попала, либо ее поймут на всевозможных мелочах и обвинят в убийстве без смягчающих обстоятельств.

Дрейк кивнул.

— Да, с такой стороны я не думал над ее показаниями. Ты прав. Положение аховое.

В кабинет просочилась Делла Стрит и быстро прикрыла за собой дверь.

— Там дожидается отец.

— Кто?

— Филипп Монтейн, эсквайр, из Чикаго.

— Какой он из себя?

— Его с первого взгляда не раскусишь. Больше шестидесяти лет, но глаза зоркие и ясные. Чем-то напоминают птички. Стриженные «бобриком» седые волосы, маленькие усики, бесстрастное, ничего не выражающее лицо, тонкие губы. Прекрасно одет. Вид довольно представительный. Знает себе цену.

Мейсон перевел взгляд с Деллы Стрит на Пола Дрейка.

— К этому человеку надо подобрать ключик. Во многих отношениях в нем заключается разгадка сложившегося положения. Прежде всего, он контролирует финансы. Я хочу повернуть дело так, чтобы ему пришлось заплатить за защиту Роды. Между прочим, я представлял его совсем другим. Самодовольным эгоистом, привыкшим командовать людьми в силу своего богатства. Рассчитывал напугать его скандалом в прессе, где будут склонять имя Монтейнов.

Мейсон внимательно посмотрел на молчащую Деллу Стрит.

— Скажи хоть словечко, Делла!

Она покачала головой и улыбнулась.

— Давай, давай, выкладывай. Ты хорошо разбираешься в человеческих характерах. Мне очень интересно, какое он произвел на тебя впечатление.

— Таким методом вы с ним не справитесь, шеф.

— Почему же?

— Это человек умный и уравновешенный. Он уже запланировал нечто свое, собственную кампанию. Не знаю, что ему надо, но могу поспорить, он продумал, какой ему подобрать ключик к вам, точно так же, как вы это теперь делаете по отношению к нему.

Глаза Мейсона блеснули.

— Хорошо, я сумею его раскусить, Делла.

Он повернулся к Полу Дрейку.

— Знаешь, Пол, ступай-ка ты через главный вход и посмотри на этого мультимиллионера. Возможно, впоследствии нам придется следить за ним, так что тебе не мешает познакомиться с его внешностью.

Дрейк кивнул. Плутовато подмигнув Мейсону, он подошел к двери, отворил ее, задержался на пороге, громко сказал:

— Большое спасибо, уважаемый адвокат. Если у меня возникнут новые затруднения, я обязательно снова обращусь к вам, — и дверь закрыл.

Мейсон взглянул на Деллу.

— Послушай, Делла, кажется, этот человек сразу же попытается внушить мне, какая он важная персона, и...

Внезапно дверь из приемной с треском распахнулась, и в кабинет ворвался взволнованный Пол Дрейк, бормоча на ходу:

— Простите, адвокат, я совсем забыл об одной важной детали...

Он тщательно закрыл дверь за собой и четырьмя огромными шагами приблизился к столу Перри Мейсона.

— Скажи-ка мне, Перри, когда эта птичка прилетела в город?

— Ты говоришь о папочке Монтейне?

— Ну да.

— Очевидно, после того, как прочитал в газетах про убийство. Его сын рассказывал, что старик сейчас страшно занят и...

— Если человек, сидящий в твоей приемной, действительно Филипп Монтейн, эсквайр, то он приехал сюда до убийства Моксли.

Мейсон negroко присвистнул.

Дрейк торопливо продолжал:

— Помнишь, когда Рода Монтейн вышла из твоей конторы, я заметил за ней слежку и попытался разобраться что к чему.

— Неужели ты хочешь сказать, будто за ней следил этот человек?

— Нет, но он сидел в машине, которая стояла у самой обочины. У него такие глаза, от которых мало что может укрыться. Он видел и меня, и Роду, и преследователя. Уж не знаю, связал ли как-то нас троих...

— Ты не можешь ошибаться, Пол?

— Это исключено.

— Но его сын утверждал, что отец в силу занятости не может выехать из Чикаго.

— Значит, врал либо папочка, либо сыночек.

— Пожалуй, папочка. Если бы Карлу было известно, что отец в городе, он бы притащил его с собой ко мне для моральной поддержки. Он всю жизнь прятался за папочкину спину. Старик приехал сюда без предупреждения.

— Зачем ему это понадобилось?

— Не знаю, но собираюсь выяснить. Он тебя видел, Пол?

— Разумеется. Более того, я уверен, что он меня помнит. Надеюсь, мои громкие крики обманули его и заставили поверить, будто я всего лишь твой клиент. Пока смываюсь. Жалко, у тебя нет о нем никаких данных.

— А вдруг этот человек вовсе не Монтейн?

Детектив задумчиво кивнул.

— Но зачем подставному лицу заявляться сюда, шеф? — спросила Делла Стрит.

— Окружной прокурор может предполагать, что я попытаюсь нажать на старика. Вот он и отправил сюда этого джентльмена выведать мои намерения.

— Прошу вас, шеф, будьте осторожны!

— Но это бы означало, — заметил детектив, — что прокуратура следила за Родой еще до убийства Моксли. Знаешь, Перри, я бы посоветовал тебе сначала разузнать все про этого типа, а потом уж начинать серьезные разговоры.

Мейсон показал глазами на дверь.

— Ладно, Пол, продемонстрируй-ка артистический выход.

Детектив снова приоткрыл ее, произнося как бы продолжение ранее начатой фразы:

— ...рад, что подумал об этом сейчас. Именно такое осложнение меня все время волновало. Еще раз огромное спасибо.

Дверь затворилась.

Перри Мейсон вздохнул.

— Больше оттягивать нельзя, иначе у него появятся подозрения. Возможно, он запомнил Пола Дрейка. И естественно, подумает теперь, не вернулся ли тот предупредить меня. Так что давай, приглашай его.

Делла Стрит выглянула наружу.

— Мистер Мейсон ждет вас, мистер Монтейн.

Монтейн вошел в кабинет, поклонился, улыбнулся, не выказывая ни малейшего желания пожать руку хозяину.

— Доброе утро, адвокат, — сказал он.

Перри Мейсон жестом пригласил его садиться. Делла закрыла дверь в приемную.

— Несомненно, — начал Монтейн, — вы знаете, зачем я здесь.

Мейсон заговорил с подкупающей откровенностью.

— Я рад вашему приходу, мистер Монтейн. Мне очень хотелось с вами поговорить. Однако ваш сын сказал, что вы заняты крайне важной финансовой операцией. Наверное, пришлось все бросить, узнав об убийстве.

— Да, я прилетел вчера вечером на личном самолете.

— Так вы уже виделись с Карлом?

Глаза Монтейна холодно взглянули на адвоката.

— Думаю, будет правильнее сначала выслушать мое дело, а потом уж задавать вопросы.

— Пожалуйста, — спокойно сказал адвокат.

— Давайте будем вполне откровенны и искренни друг с другом. Я финансист. Те юристы, с которыми я имею дело, специализируются на вопросах финансового права. Вы — первый адвокат-криминалист, с которым мне довелось столкнуться. Мой сын с вами консультировался. Он страшно заинтересован в том, чтобы его жена была полностью оправдана от предъявленного ей обвинения. Однако, будучи Монтейном, он не желает лгать... И не скажет ни меньше ни больше, чем было

на самом деле, независимо от того, во что эта правда ему выльется.

— Пока я не услышал от вас ничего нового, — сказал Мейсон.

— Я подготавливаю почву.

— Это лишнее. Переходите к сути.

— Прекрасно. Мой сын нанял вас представлять его жену. И конечно, вы ожидаете платы за свои услуги. У сына в полном смысле слова ничего нет. Следовательно, вы рассчитываете получить эти деньги от меня. Я не дурак, и, как полагаю, вы тоже.

Я не сомневаюсь в выборе сына. Уверен, он нашел отличного адвоката. Но хотелось бы, чтобы и адвокат не ошибся во мне. Если будут выполнены известные условия, то за защиту Роды Монтейн я заплачу, и весьма щедро. Если же нет, вы не получите от меня ни единого цента.

— Продолжайте. Теперь вы говорите дело.

— К сожалению, есть такие вещи, о которых я не могу сказать. Прокуратура наметила ряд шагов, которые должны сохраняться от вас в тайне. Я связан словом. Но, с другой стороны, знаю, что вы человек проникательный, мистер Мейсон.

— Ну так что же?

— Если я не могу рассказать об этих шагах, может быть, вы сами обо всем догадаетесь. И тогда мы сумеем поговорить.

Перри Мейсон усмехнулся.

— Догадаться несложно. Вы, несомненно, имеете в виду то, что, пока Рода и ваш сын считаются мужем и женой, обвинение не сможет вызвать Карла в качестве свидетеля. Поэтому они попытаются аннулировать их брак.

На лице Монтейна появилась улыбка.

— Благодарю вас, адвокат. Я надеялся, что вы упомянете об этом факте. Думаю, здесь вам ясна и моя позиция?

— Вы уверены, что Рода вашему сыну — не пара?

— Безусловно.

— Почему?

— Она вышла за него только ради денег. Ее прошлая жизнь далеко не безупречна. Она продолжает назначать свидания среди ночи своему бывшему мужу, встречается с врачом, находящимся с ней в близких отношениях.

— Вы находите их непристойными?

— Я такого не говорил... И потом, это не имеет особого значения. Вы задали мне вопрос и получили откровенный ответ. Возможно, вы не согласны с моим мнением. Что ж, на вкус и цвет товарищей нет.

— Я спросил только, чтобы удостовериться в вашем отношении. Теперь мне ясно, что вы любыми способами жадете добиться признания этого брака незаконным и недействительным. Ну а я тем временем должен всячески защищать Роду Монтейн, хотя противодействовать аннулированию брака мне не рекомендуется. Далее, когда дойдет до перекрестного допроса вашего сына, нельзя будет выставлять его в смешном свете. И если я выполню эти условия, то получу, как вы выразились, «щедрое вознаграждение». Если же нет, то ни цента. Верно?

Монтейн испытал чувство неловкости.

— Вы несколько сгустили краски.

— Зато расставил точки над «i».

Монтейн посмотрел ему в глаза.

— Что ж, все изложено совершенно четко. Разумеется, вы не знаете, о каком вознаграждении идет речь. Оно будет значительно больше любого из тех, что вы до сих пор получали. Вы меня понимаете, адвокат?

— Да, теперь понимаю. Итог можно сформулировать так: вы стремитесь отделаться от Роды Монтейн. Если она разрешит окружному прокурору аннулировать их брак с Карлом, вы хотите ее оправдания в деле об убийстве. Если же будет настаивать на законности своего положения, попытаетесь избавиться от нее, потворствуя осуждению за убийство.

Карл — человек слабовольный. Вы знаете об этом не хуже меня. Если Роду и оправдают, и женой оставят, она может стать непокладистой. Но, согласившись отказаться от Карла, получит от вас деньги на свою защиту. А если будет цепляться за него, вы вместе с окружным прокурором сделаете все, чтобы ее осудить. Короче, вас интересует только одно: добиться любой ценой своей цели.

— По-моему, вы несправедливы ко мне!

— Отнюдь. Я вполне объективен.

— Неужели так необходимо рассуждать о моих планах, чтобы услышать ваш ответ?

— Несомненно.

— Не понимаю, почему?

— Потому что именно ваши мотивы могут иметь решающее значение.

— Вы все еще не ответили, принимаете ли мое предложение.

— Категорически нет. Я должен защищать Роду Монтейн. И считаю, что ей выгодно заткнуть вашему сыну рот, наста-

ивая на законности их брака. Поэтому я буду возражать против аннулирования его.

— Может так случиться, что вам это не удастся!

— Может.

— А окружной прокурор убежден в этом. Тут исключены всякие сомнения. Я приехал к вам только потому, что высоко ценю вашу изворотливость.

Мейсон разрешил себе усмехнуться.

— Вы имеете в виду мою сообразительность или хитрость? Ум или ловкачество?

— Хитрость.

Мейсон кивнул.

— Возможно, мне еще удастся убедить вас, что помимо ловкости Бог наделил меня и умом. Например, давайте снова вернемся к анализу ваших мотивов. Вы гордитесь своим родовым именем. И на него черным пятном ляжет, если Рода Монтейн, законная жена вашего сына, будет осуждена за убийство. В этом случае вы конечно же станете способствовать ее оправданию. Если же Рода не законная ваша невестка, то вам ее судьба совершенно безразлична.

И предложение ваше доказывает, что вы не остановитесь ни перед чем, лишь бы исключить Роду из семьи. Я почти уверен, что вы поняли, какое Рода имеет влияние на вашего сына. Такие вещи не случайно узнаются. Не из третьих рук. Отсюда приходится сделать следующий вывод: вы выехали из Чикаго вовсе не вчера вечером, как только что сказали, а находитесь в нашем городе уже несколько дней, скрывая это и от сына, и от невестки. Могу пойти и дальше, предположив, что вы наняли детективов проследить за Родой и узнать, какая она женщина, чем занимается и в чем сила ее влияния на Карла.

Далее я предполагаю, что у вас на уме другая женитьба для сына, выгодная вам в финансовом плане. Вот отчего вы так добиваетесь свободы для Карла.

Монтейн поднялся с кресла. Его лицо оставалось совершенно бесстрастным.

— И все это вы решили, просто анализируя мои мотивы?

— Разве я неверно рассуждаю?

— Рассуждаете вы превосходно. Значит, можно считать случайностью, что тот детектив, который вышел из вашего кабинета и увидел меня в приемной, посчитал необходимым вернуться и сказать еще что-то. Признаю, проделал он это весьма умно.

— В таком случае вы действительно были в нашем городе и шпионили за Родой Монтейн.

— Можете сказать даже, что я собирал определенные сведения.

— Ваш сын об этом знает?

— Нет.

— И вы все-таки нанимали детективов для слежки за Родой Монтейн?

— Думается, я ответил уже на достаточное количество вопросов, адвокат. Теперь мне остается вас предупредить, что вы сильно ошибаетесь, воображая, будто ничего не потеряете, отказавшись принять мои условия. Я могу оказаться опасным противником.

Мейсон широко распахнул двери в коридор.

— Мой окончательный ответ вы слышали. А коли вам захотелось начать войну, я не против.

Монтейн остановился на пороге, потом повернулся и хлопнул дверью.

Мейсон с минуту постоял в глубокой задумчивости, потом подошел к телефону и вызвал Пола Дрейка.

— Пол, нам необходимо действовать очень быстро. Здесь дело нечисто. Давай рассуждать. Моксли был мошенником. Специализировался на обмане женщин. Известно, что кто-то звонил Моксли незадолго до его убийства. Этот «кто-то» требовал денег. Весьма вероятно, это была женщина. Знаем мы и то, что по крайней мере однажды он ради денег согласился обвенчаться. Но был ли это единственный и самый первый раз?

Пол, необходимо проверить всю историю жизни Грегори Моксли. Нам известен целый ряд его вымышленных имен. Отправь своих людей по гостиницам, отелям, частным пансионатам. Пусть постараются найти женщину, сравнительно недавно приехавшую в город и носящую одну из его многочисленных фамилий. Понимаешь, нам жизненно необходимо раньше полиции выяснить, кто же шантажировал Моксли.

— Разумно. Ну а как старик Монтейн? За ним не стоит устанавливать слежку?

— Нет. От этого не будет никакого толку. Он не приходил ко мне в контору до той поры, пока к этому не подготовился. А теперь его жизнь будет проходить на виду у всех. Мы можем следить за ним до Судного дня и ничего не обнаружим. Потому что все задуманное уже организовано и осуществлено.

— Значит, я не ошибся, утверждая, что он прожил здесь несколько дней?

— Не ошибся.

— Он сознался?

— Только после того, как я его прижал. Он тебя заметил и детектива в тебе признал.

— А зачем сюда явился?

— Это можно только предполагать. Он не слишком откровенничал. Но я уверен, что мы многого не знаем, Пол.

— Он, должно быть, следил за Родой тогда. До твоей конторы.

— Очевидно.

— В таком случае Карл, когда обратился к тебе, уже должен был слышать от отца, что Рода тоже здесь побывала.

— Несомненно.

— Значит, папочка и сынок действуют заодно.

— Весьма вероятно. Поэтому нам, Пол, приходится пробираться наугад, помня, что мы боремся с организованной силой.

В голосе Дрейка послышались редкие для него возбужденные нотки.

— Послушай, Перри, но если Монтейн следил за Родой, он должен был наверняка знать о Моксли.

— Да, он знал.

— И про их встречу в два часа ночи.

— Он об этом не вспоминал.

— А ты его спрашивал?

Перри Мейсон расхохотался.

— Нет, но спрошу.

— Когда?

— В подходящий момент. Наверное, тебе лучше не забивать свою голову Монтейном. Он — мужик умный и безжалостный. С этой своей пресловутой семейной гордостью он не задумываясь пожертвует даже жизнью Роды ради удовлетворения собственных интересов.

— Короче, Перри, не спускай с него глаз и не дай ему возможности вылезти сухим из воды!

— Можешь быть спокоен. Не знаю, что меня сейчас больше интересует: утереть нос этому наглецу или научить умразуму его недоросля!

Посмеиваясь, он опустил трубку на рычаг.

Делла Стрит открыла дверь из приемной.

— Нарочный только что принес бумаги по делу Карла Монтейна против Роды Монтейн... Заявление об аннулировании брака. Кроме того, звонил доктор Милсоп предупредить, что его промурыжили в управлении всю ночь, но ничего не добились. Похоже, он очень горд собой.

Мейсон угрюмо сказал:

— С ним они еще не покончили.

Глава 11

Перри Мейсон шел осторожно, придерживаясь затемненной стороны в сгустившихся сумерках. В дверях апартаментов «Коллемонт» он задержался и прислушался.

Респектабельная Норвалк-авеню поражала своей тишиной. С главного бульвара изредка доносились автомобильные гудки да пронзительный визг тормозов останавливающихся машин.

Парадный вход апартаментов «Коллемонт» был погружен в полный мрак. Зато апартаменты «Беллер», находящиеся почти рядом, на той же улице, сверкали бесчисленными огнями, манили сиянием зеркальных стекол, через которые можно было видеть современный холл с телефонами, барами, смазливymi горничными, почтовыми ящиками. Частично этот блеск перепадал боковым улочкам и незаметно подбирался к странному в своем одиночестве зданию, где был убит Моксли.

Минут пять Перри Мейсон постоял в тени портика, проверяя, не доносится ли откуда-нибудь чеканный шаг полицейского патруля.

Днем Перри Мейсон обратился в агентство по продаже и сдаче в наем недвижимого имущества и арендовал весь этот особняк. Три квартиры из четырех пустовали вот уже несколько месяцев. Четвертую, с полной меблировкой, снимал помесечно Грегори Моксли. Беспощадное время обрело старинное здание на постепенное разрушение. Люди требовали более современных жилищ. Владельцы особняка с радостью согласились на предложение представителя адвоката, не задавая никаких вопросов.

Мейсон вытащил из кармана все четыре ключа, которые были ему торжественно вручены. Прикрыв полую пальто луч фонарика, выбрал один из них, вставил в замочную скважину и снова прислушался.

Мимо прошелестела шиной легковушка. Адвокат дождался, пока она достигнет следующего угла.

Ключ легко повернулся два раза, запор, шелкнув, отошел, и дверь отворилась. Перри Мейсон вошел в темный коридор и сразу же закрыл дверь.

Потом ощупью добрался до лестницы и стал подниматься вверх, держась за перила и ставя ноги на самый краешек ступенек, чтобы они не скрипели.

Квартира Моксли занимала всю южную половину верхнего этажа.

Свет, проникавший с улицы через окна, давал возможность разглядеть очертания мебели.

Квартира состояла из порядочной общей комнаты, гостиной рядом, а за нею — кухни и коридора. По коридору можно было попасть в спальню, расположенную по другую сторону от кухни. Вход в ванную был из спальни.

Перри Мейсон двигался по комнате, сверяя ее меблировку со снимком, который освещал фонариком. Его целью было окно, выходящее на апартаменты «Беллер».

Сейчас окно было заперто на все шпингалеты. Перри Мейсон даже не попытался его приподнять. Он стоял, разглядывая темную квартиру напротив, в которой, по его сведениям, жили Бенджамен Крендолл и его супруга.

Через несколько минут Перри Мейсон прошел на кухню. И над плитой обнаружил то, что искал.

Вернувшись в комнату, адвокат занавесил окно так, чтобы свет не пробивался наружу. Потом включил свой фонарик, достал из кармана отвертку, плоскогубцы, изоляционную ленту и какие-то проволоочки. Забравшись на стул, он осветил фонарем электрический звонок, вмонтированный в стену. Действуя с предельной осторожностью, вывинтил шурупы, разъединил контакты и снял звонок со стены. Рассмотрев его как следует, он прошел на верхнюю площадку лестницы, где оставил тяжелый сверток. В нем оказались четыре одинаковых зуммера, по внешнему виду не отличающиеся от только что снятого со стены над плитой. Разница была во внутреннем устройстве.

Один из этих зуммеров Мейсон установил вместо бывшего звонка, соединил контакты, поставил на место стул и поднял занавеси. Потом постоял, прислушиваясь к звукам на улице, и на цыпочках спустился вниз. С прежними предосторожностями он выскользнул на холодный ночной воздух.

Не заметив ничего подозрительного, таким же манером он вошел в квартиру нижнего этажа.

Здесь царил затхлый дух нежилого помещения.

И здесь обыкновенный звонок был заменен зуммером.

Следующей была верхняя квартира, расположенная против той, что занимал Моксли.

Произведя ту же операцию, адвокат уже собирался выйти, когда луч его фонарика осветил обгорелую спичку.

Такие спички изготавливаются в форме складной книжки, чтобы потом постепенно отламываться от нее.

Проверив весь пол в коридоре, Перри Мейсон обнаружил еще две спички.

Они привели его к электрощитку. По всей вероятности, сюда же доставлялись молоко и овощи. Это было нечто вроде крытого крыльца.

Точно такое же крыльцо — или портик — имелось и у южной половины дома, которую занимал Моксли. Ловкий человек мог без особого труда перебраться через промежуточное пространство и очутиться в задних комнатах квартиры Моксли, а оттуда по коридору попасть в спальню, где тот был убит.

Мейсон сам решил испытать этот путь. Перебраться на соседний портик оказалось крайне просто. Здесь тоже валялась обгорелая спичка от коробка, который нашелся через несколько метров. От него были отломаны все спички. На картонке, прикрывавшей их прежде, было изображено пятиэтажное здание, под которым тянулась надпись: «Привет из отеля «Палас», лучшего в Сентервилле».

Перри Мейсон взял эту картоночку носовым платком и опустил в карман.

Наконец наступила очередь последней, нижней квартиры.

Когда он выходил из дома, в нем не оставалось ни единого электрозвонка. Все были заменены зуммерами. Мейсон аккуратно завернул звонки в коричневую бумагу, послушал, не раздаются ли на улице чьи-нибудь шаги, и осторожно ступил на тротуар.

Глава 12

Перри Мейсон с удовольствием вдыхал свежий утренний воздух. Заглядывая в небольшую памятную книжку, он сверял номера домов на улице и остановился, когда взгляд его упал на небольшой магазинчик, украшенный сверху крупной вывеской: «Электрическая компания Отиса».

Мейсон открыл дверь.

В дальнем конце магазина раздался звонок. Он встал у прилавка, заваленного электролампами, выключателями, роликами и прочей арматурой. На потолке висели десятки люстр, бра, светильников, фонариков.

В глубине отворилась дверь. И ему приветливо улыбнулась молодая женщина.

— Я хотел бы видеть Сиднея Отиса, — сказал адвокат.

— Вы что-то продаете?

Улыбки теперь как не бывало.

— Передайте, что его хочет видеть Перри Мейсон, адвокат.

В задней комнате послышалась возня, что-то с грохотом полетело на пол, быстрые шаги направились к двери. Дородная фигура человека в халате оттолкнула в сторону девушку и замерла на пороге. На добродушной физиономии толстяка появилась радостная улыбка.

Вне всякого сомнения, этот человек был самым настоящим добряком, и хотя его роба, по всей вероятности, никогда не встречалась со стиральной машиной, а голые по локоть руки покрывал мазут, смотреть на него было просто приятно.

— Перри Мейсон! Какая честь! Вот уж не думал, что вы обо мне помните!

Мейсон засмеялся.

— Отис, я не забываю своих присяжных. Ну, какживаете?

Он протянул хозяину руку.

Тот страшно смутился, потом обтер ладонь о собственные штаны и обхватил пальцы адвоката сразу обеими руками.

— Просто до смерти рад, адвокат!

— У меня к вам просьба, — сказал Мейсон. При этом он бросил красноречивый взгляд на молодую особу.

— Испарись, Бетти. Мне нужно поговорить с мистером Мейсоном, — распорядился хозяин.

— Но, пап, я же не...

— Ты слышала? Испарись! — Его бас заполнил все помещение, но выражение лица осталось таким же мягким.

Девушка неохотно повиновалась.

Когда захлопнувшаяся за ней дверь известила, что она ничего не сможет услышать, Отис повернулся к адвокату.

— Где вы теперь живете, Отис?

— Раньше у нас была квартира наверху, но теперь жилье стало так дорого стоить, что мы освободили чулан и устроили там спальню для жены и дочки. А я сплю на раскладушке...

— Я арендовал на полгода целый дом, но получилось так, что сам в нем сейчас не могу жить. Мне бы хотелось, чтобы вы туда переехали.

— Да как же, адвокат! Это мне не по карману.

— Вы меня не поняли. Рента уплачена вперед. Там славные квартиры. Думаю, вы читали про этот дом. Апартаменты «Коллемонт» на Норвалк-авеню. Там убили человека по фамилии Карей. Это его настоящее имя. Последнее время он называл себя Моксли.

— Да, я об этом читал. Они взяли по подозрению какую-то женщину, так? Жену богача из Чикаго.

Мейсон кивнул. А через минуту продолжил, понизив голос:

— Конечно, Отис, вашей семье не обязательно знать, что там произошло убийство. Вероятно, позднее они могут узнать правду от соседей, но вы уже успеете переехать. Это очень удобная небольшая квартирка, в которой семья великолепно устроится. Окна выходят на юг, комнаты залиты солнцем.

— Это замечательно, — сказал Отис, — но почему вы такое делаете для меня?

— Потому что я тоже хочу кое-что от вас.

— А чего именно?

— Когда вы въедете в квартиру, неплохо, если бы это произошло завтра, замените, пожалуйста, дверной звонок своим собственным.

Толстяк нахмурился.

— Заменить дверной звонок?

— Да, я не знаю, что там сейчас — звонок или зуммер. В любом случае снимите его и поставьте другой. Причем новый должен быть только что куплен, иметь на себе торговую бирку. Устанавливая его, позовите двух свидетелей. Пусть это будут даже члены вашей семьи, но они должны видеть, как вы снимаете звонок и ставите другой. Однако никому не говорите, зачем вы это делаете. Скажите, например, будто вам не нравится его звук или еще что-нибудь.

— Так вы не хотите, чтобы это был зуммер?

— Нет. Поставьте обычный серийный звонок из магазина.

Электрик кивнул.

— Да, еще один важный момент. Снятый зуммер или звонок должен быть сохранен в целости и невредимости. Поставьте на нем какую-нибудь отметину, по которой его можно было бы узнать потом, если потребуются. Сделайте царапину, но пусть она выглядит случайной. Отколите кусочек эмали. Ясно?

Отис кивнул.

— Вполне. Только скажите, это законно?

— Абсолютно. Я арендовал дом на полгода, уплатив хозяевам вперед. Если вас спросят, как вам удалось снять эту квартиру, объясните, что когда узнали из газет о тамошнем убийстве, то сообразили, что площадь теперь будут сдавать по дешевке. Вот вам ключи и пятьдесят долларов на переезд. Квартира полностью обставлена, но там хватит места для всего, что вы пожелаете с собой захватить.

Толстяк сразу же оттолкнул деньги.

Адвокат настаивал:

— Отис, уверяю вас, это самая настоящая сделка. Вы — мне, я — вам. Никто из нас не будет внакладе.

Несколько минут Отис пребывал в нерешительности. Потом на лбу у него собрались морщинки.

— А не шла ли в этом деле речь о том, что соседи слышали, как во время убийства звонили в дверь?

Мейсон взглянул ему прямо в глаза.

— Да, Отис.

Тот усмехнулся, протянул руку к деньгам и сказал:

— Благодарю за доверие, адвокат. Мы сегодня же переедем.

Глава 13

Пол Дрейк сидел в приемной у Перри Мейсона и разговаривал с Деллой, когда адвокат толчком распахнул дверь, сорвал с головы шляпу и приветливо кивнул.

Детектив ткнул пальцем в газету, торчащую у того из-под мышки.

— Ты это читал?

Мейсон покачал головой.

— Нет, газеты я покупаю у мальчишки на углу и просматриваю их уже здесь, на месте. Там что-нибудь интересное?

Детектив молча наклонил голову. У Деллы Стрит было встревоженное лицо.

— Рассказывай, Пол.

— Похоже, окружной прокурор взял к себе в штат репортера-профессионала.

— Почему?

— Каждое утро он сообщает нечто драматическое о твоей клиентке.

— Ну, в ближайшие дни ему придется довольствоваться одной фантазией своего корреспондента. Так что же на этот раз?

— Он намерен эксгумировать труп человека, похороненного под именем Грегори Лортон. Намекает на возможность обнаружения яда. Продолжает цепляться за тот факт, что Рода Монтейн, будучи медсестрой, подсыпала ипрот в шоколад своему мужу, дабы он спал не просыпаясь. Вроде как, если бы ей хотелось превратить его сон в беспробудный, она бы это просто устроила.

Мейсон усмехнулся.

— Они боятся, что не смогут использовать показания мужа на суде, вот и стараются пошире разрекламировать в газетах историю с ипролом. Понимаешь, Пол, мне-то кажется, в данном случае цель газетной кампании не столько в том, чтобы восстановить общественное мнение против самой Роды Монтейн, сколько в ежедневном публичном битье меня по физиономии. Ничего, отольются еще кошки мышьи слезки!

— А что ты можешь предпринять?

— Многое. Если ее намереваются судить объективно и честно, это одно дело. Но коли заранее пытаются создать у публики предубеждение, тогда и я стану относиться к ним иначе.

— Будьте осторожны, шеф, — сказала Делла, — возможно, окружной прокурор как раз и рассчитывает толкнуть вас на необдуманный шаг.

Перри Мейсон подмигнул девушке.

— Дорогая, ты ведь знаешь, что мне частенько доводилось проходить сквозь огонь, воду и медные трубы, даже не пострадав в пути!

— Твои методы работы нам известны: когда выходишь из себя, ведешь дело гораздо лучше, чем в спокойном состоянии, — кивнул головой Дрейк. — Но сколько раз ты шагал по самой кромке пропасти!

— Послушайте, умники-разумники, я могу вам обоим пообещать...

— Что?

— Такую защиту, которой вы до сих пор еще не видывали.

— Иными словами, ты начал принимать контрмеры?

— Я буду действовать так быстро, что мои противники не успеют сообразить, нападение это или отступление. Вы еще не поняли, что борьба сейчас идет вовсе не с прокурором, а с человеком, который скрывается за его спиной... Пошли, Пол.

Они уселись в личном кабинете адвоката. Дрейк вытащил из кармана записную книжку.

— Ты что-нибудь разузнал, Пол?

— Думаю, да.

— А конкретнее?

— Ты мне велел проверить прошлое Моксли, насколько это возможно.

— Ну да.

— Это оказалось довольно сложно. Моксли действительно сидел в тюрьме, вышел из нее нищим. Ему страшно требовались деньги. Он был одиноким волком, поэтому трудно

сказать обо всех его занятиях и художествах. Но все же, думается, кое-что мне удалось разведать.

— Не тяни, дружище!

— Мы узнали, что Моксли заказывал междугородный разговор с Сентервиллем. На его чемодане имеется наклейка тамошнего отеля «Палас». Тогда мы проверили регистрационную книгу этого отеля, Моксли в ней не значился. Но есть одна замечательная особенность в поведении Моксли: ты заметил, что он всегда меняет только фамилию, оставаясь по-прежнему Грегори?

Возможно, это делается на тот случай, если его назовут просто по имени. Тогда ему не надо будет мучительно вспоминать все свои клички... Так или иначе, но мы еще раз просмотрели журнал «Паласа» и убедились, что в нем более двух месяцев проживал некто Грегори Фриман, женатый на некоей Дорис Пендер.

Эта Пендер работала стенографисткой и бухгалтером на сентервилльском маслозаводе. Она была опытным и хорошим специалистом и сумела скопить кое-какие средства, которые обратила в ценные, «неприкосновенные», так сказать, бумаги... Потом вышла замуж, бросила работу и уехала со своим мужем. Вроде бы в Сентервилле у нее не было никаких родственников, хотя сотрудники с маслозавода говорят, что где-то на севере живет ее брат.

Глаза Мейсона блестели, он несколько раз кивал головой.

— Ловкая работа, Пол!

— Тогда мы обратились в электрокомпанию за списком внеплановых абонентов на случай, если эта Пендер и Грегори Фриман живут здесь. Так вот, примерно две недели назад свет был сделан для Дорис Фриман из апартаментов «Бальбоа» по Вест-Ордвей, 721. Ее номер 609. Живет она одна. И о ней никому ничего не известно.

— А если узнать про телефонные разговоры через местный коммутатор...

Детектив ослабился.

— Как ты думаешь, мои ребята даром получают деньги? Мы сразу выяснили, что в холле установлен свой коммутатор, возле которого кто-то постоянно дежурит. Работы у операторов не слишком много. Поэтому ведется учет всех телефонных вызовов с указанием квартир, из которых они поступали. Нам не хотелось обращаться с расспросами прямо к связисту, поэтому его хитростью завлекли в буфет и потом сами заглянули в записи. К сожалению, время разговоров не отмечается, ставится только дата. Шестнадца-

того июня сего года из квартиры 609 звонили по номеру Юг 9-43-62. А поскольку этот вызов стоит первым в списке за шестнадцатое число, можно предположить, что звонили вскоре после полуночи.

— Где этот журнал?

— Остался на месте. Однако мы сфотографировали страницу, на которой записан вызов. Так что, если журнал и «пропадет» для суда, у нас останется вещественное доказательство.

Мейсон согласно кивнул.

— Молодцы, — сказал он. — Возможно, нам и понадобится представить его на процессе. Послушай, Пол, у тебя найдется толковый парень, которому можно поручить ответственное дело? Надежный во всех отношениях?

— Конечно. Дэнни Спар. Это он фотографировал.

— Ты за него ручаешься?

— Один из моих лучших работников. Ты же его должен помнить, Перри. Мы с ним работали, когда ты занимался делом об убийстве топором.

Мейсон кивнул.

— Пусть он придет ко мне. Впрочем, нет. Пошли его туда.

— В апартаменты «Бальбоа»?

— Да.

Дрейк нахлобучил шляпу.

— Я пошел, Перри.

Глава 14

Пол Дрейк притормозил и подъехал к самому тротуару. Дэнни Спар, неприметный малый в широкополой шляпе, нахлобученной на рыжевато-каштановые вихры, вопросительно взглянул на Перри Мейсона.

Спара никто не принял бы за детектива. У него была настолько простодушная физиономия с широко распахнутыми удивленными глазами, что так и представлялось, как он стоит с открытым ртом на деревенской ярмарке перед балаганом какого-нибудь фокусника. Это был типичный провинциальный простофиля, приехавший в город поглазеть на его диковины.

— Что я должен делать? — спросил он.

— Мы поднимемся к женщине и позвоним в дверь. Вам же надо так все рассчитать, чтобы в этот самый момент спуститься с независимым видом по лестнице и суметь разгля-

деть ее как следует, если она сама откроет. Главное, чтобы она не обратила на вас внимания.

Вы, повторяю, должны запомнить ее хорошенько. На всякий случай, если этот номер не пройдет, позднее постучитесь туда и под благовидным предлогом вызовите ее лично. Например, вы можете искать знакомую девушку, которая живет на этой лестнице. Потом вам придется следить за этой особой. На вас оставляем машину. Мы с Дрейком уедем на такси. А вы сидите в автомобиле. Все ясно?

Дэнни Спар кивнул.

— Вполне.

— Вернее всего, она проследит за нами, когда мы выйдем. Потому что встревожится. Именно для этого туда и отправляемся. Мне пока неясно, действовала она одна или с сообщником. А это важно.

— А вдруг она позвонит по телефону?

— Не позвонит. Мы постараемся ей внушить, что телефон прослушивается.

— Но если вы возбудите ее подозрения, она станет остерегаться преследования.

— Тут уж ничего не попишешь. Вам придется пустить в ход все свое искусство и ни в коем случае не приближаться к нам, когда мы выйдем из дома. Если же просто пройдете мимо по лестнице, в этом не будет ничего особенного.

— Хорошо. Но в таком случае объезжайте-ка лучше вокруг квартала и высадите меня на углу. А в здание мы войдем вместе. Случайно кто-нибудь из ее друзей может смотреть из окна. И если мы все втроем вылезем из одной машины, получится неудобно.

Дрейк кивнул.

Они без размышлений приняли предложение Спара.

Первыми вошли в вестибюль Мейсон и Пол Дрейк, всем своим видом показывая, что они не слишком спешат и явились сюда нанести кому-то обычный визит вежливости. Зато у идущего сзади Спара на физиономии было написано, что у него хлопот полон рот и каждая минута на учете.

В вестибюле в кресле сидел один-единственный толстяк. Он не слишком-то отреагировал на то, как Дэнни Спар довольно невежливо оттолкнул Мейсона и Дрейка, чтобы попасть в кабину лифта, которая была вызвана для них. Вполне естественный поступок для занятого человека.

Наверху Спар быстренько поднялся еще на один пролет лестницы, пока Дрейк и Мейсон разыскивали нужный номер квартиры.

Они позвонили.

Почти сразу внутри послышалось движение, щелкнул замок. Дверь отворилась. На них вопросительно смотрела весьма непривлекательная особа лет двадцати пяти, с карими серьезными глазами и твердой линией губ.

— Вы — Дорис Фриман? — довольно громко спросил Перри Мейсон.

— Да. В чем дело?

Мейсон слегка отошел в сторону, чтобы торопливо спускающийся сверху Дэнни Спар смог хорошенько разглядеть лицо женщины.

— Вряд ли коридор — подходящее место для моего вопроса, — ответил адвокат.

— Представитель книжного магазина?

— Нет.

— Страхование жизни?

— Нет.

— Что-то продаете?

— Нет.

— Так что же вы хотите?

— Задать вам несколько вопросов.

Тонкие губы сжались еще крепче, глаза расширились. В глубине их мелькнул испуг.

— Кто вы такие?

— Собираем некоторые данные для статистического бюро.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

Перри Мейсон бесцеремонно прошел мимо женщины в прихожую. Пол Дрейк не отставал от него ни на шаг.

Хозяйка осталась на пороге. На ней был аккуратный рабочий халатик, облегающий плотную фигуру с округлыми плечами, прямые волосы зачесаны назад, на лице ни следа косметики.

Теперь она уже с явным испугом переводила глаза с Мейсона на Дрейка и обратно.

— Так в чем же дело?

Мейсон, который все это время рассматривал ее самым открытым образом, чуть заметно кивнул головой детективу.

— Очень важно, — агрессивно заговорил он хрипловатым голосом, — чтобы вы правдиво ответили на все наши вопросы. Если станете лгать, неприятностей не оберетесь. Понятно?

— Чего вы хотите? — повторила она.

— Вы замужем?

— Вам-то что?

Мейсон повысил голос.

— Здесь спрашиваем мы, сестренка. Вы должны просто отвечать на вопросы, сохранив свои комментарии на потом. Так замужем или нет?

— Замужем.

— Где жили до приезда сюда?

— Этого говорить не собираюсь.

Мейсон красноречиво посмотрел на Дрейка и буркнул:

— Что ж, вот самое лучшее доказательство ее вины.

— Да нет, пожалуй, еще недостаточно, — задумчиво пробормотал Пол Дрейк.

Мейсон снова повернулся к Дорис Фриман.

— Вы жили в Сентервилле, не так ли? Не пробуйте отпираться. Рано или поздно вам придется это признать.

— Разве жить в Сентервилле — преступление?

— Чего тебе еще нужно? — сказал Мейсон Дрейку. — Если бы она не имела к этому отношения, то не запиралась бы!

Руки Дорис Фриман потянулись к горлу. Она подошла к стулу, на котором лежали какие-то вещи, и буквально свалилась на него так, будто у нее подкосились ноги.

— Чего... чего... вы...

— Имя вашего мужа?

— Фриман.

— Имя, я говорю.

— Сэм.

Перри Мейсон иронически расхохотался. Вытянув вперед руку, он направил на нее палец, который казался заряженным револьвером, так грозно смотрел ей в лицо.

— Зачем вы говорите ерунду, когда нам известно, что его зовут Грегори?

Она сразу сникла, как будто жизнь покинула ее тело.

— Если хотите знать, телефонная компания расследует жалобу на то, что ваш аппарат был использован для шантажа.

Она слегка выпрямилась и запротестовала:

— Вовсе не для шантажа. Это нельзя назвать шантажом.

— Но вы пытались получить деньги?

— Конечно, пыталась. Но только принадлежавшие мне.

— Кто вам помогал?

— Это вас не касается.

— Разве вы не знали, что не имеете права использовать телефон в таких целях?

— Не понимаю, почему?

— Скажите, какая наивность. Сидеть и требовать, чтобы человек заплатил вам, да еще угрожать ему бог знает чем!

— Мы этого не делали.

— Что не делали?
— Не звонили по поводу денег. Такого мы по телефону не произносили.

— Кто такие «мы»? — не выдержал Дрейк.

Мейсон бросил на него предостерегающий взгляд, но было уже поздно.

— Я говорю о себе, — сказала женщина.

Лицо Перри Мейсона выразило возмущение.

— И вы не знали, что вымогать деньги по телефону не разрешается законом?

— Повторяю, я денег не требовала.

— Наш связист уверяет, что разговаривал мужчина, — сказал Перри Мейсон, внимательно глядя ей в глаза.

Дорис Фриман молчала.

— Как вы на это ответите?

— Никак. То есть он мог ошибиться. Я была простужена, говорила хриплым голосом.

В несколько больших шагов Мейсон достиг телефона, незаметно нажал на рычаг, чтобы не произошло соединения, и громко потребовал:

— Дайте мне отдел расследований, номер шестьдесят два.

Подождав несколько минут, он заговорил:

— Говорит Тридцатый. Находимся в том месте, откуда ночью шестнадцатого июня звонили с угрозами. Квартиру снимает Дорис Фриман. Пытается выгородить своего сообщника — мужчину. Уверяет, будто не знала, что противозаконно использовать телефон в подобных целях.

Подождав еще пару секунд, он ядовито рассмеялся.

— Да, так и говорит. Хотите верьте, хотите нет. Она приехала из Сентервилля. Возможно, там нет такого постановления, не знаю. Трудно сказать... Что?!! Зачем она вам? Ка-ак вы сказали?! — воскликнул Перри Мейсон. — Неужели они звонили Моксли, тому самому, убитому?.. Ясно, шеф, но тогда дело приобретает совсем иную окраску. Оно выходит за наши полномочия. Наверное, лучше поставить в известность окружного прокурора. И проверять все разговоры, которые ведутся по этому номеру... Не мне вас учить. Хорошо. До свидания.

Мейсон повесил трубку и повернулся к Полу Дрейку. На его лице было такое правдоподобное изумление, что оставалось только позавидовать его артистическим талантам.

— Ты знаешь, кому адресовался этот звонок? — обратился он к Дрейку.

Пол как бы непроизвольно понизил голос:

— Я все слышал. Так это правда?

— Правда. Звонили недавно убитому Грегори Моксли, причем за полчаса до смерти.

— Как собирается поступить шеф?

— А как можно поступить? Только передать все окружному прокурору. Черт подери, это дельце вовсе не такое простое, как я предполагал. Коли тут замешано убийство...

Дорис Фриман заговорила с истеричной торопливостью:

— Послушайте, я не имела ни малейшего понятия, что закон запрещает использовать телефон для востребования собственных денег. Этот человек в свое время похитил их у меня. Бессовестным, недопустимым образом. Я рада, что он мертв! Но мой телефонный звонок не имеет никакого отношения к его убийству. Это сделала Рода Монтейн. Или вы не читаете газет?

Мейсон смотрел на нее с нескрываемой насмешкой.

— Женщина, находившаяся во время убийства в комнате, действительно могла быть Родой Монтейн, но удар-то ему нанесла вовсе не женщина. И окружная прокуратура знает об этом. Тут не обошлось без сильного молодого мужчины. А у вас с напарником был веский мотив для убийства. Безукоризненная уголовная схема. Вы позвонили Моксли меньше чем за полчаса до смерти и предупредили, чтобы он выкладывал деньги, иначе — конец!

Мейсон пожал плечами и погрузился в молчание. Теперь заговорил Пол:

— Я бы посоветовал вам откровенно рассказать обо всем и...

— Нам лучше позабыть об этом, Пол, — оборвал его Перри Мейсон. — Шеф собирается передать материалы в окружную прокуратуру. Им бы не понравилось, если бы в историю стал кто-то вмешиваться. Она совершенно нас не касается. Так что прекратим всякие разговоры.

Дрейк кивнул. Они одновременно направились к двери.

Дорис Фриман вскочила с кресла.

— Но дайте же мне объяснить. Вы думаете совсем не то, что было на самом деле. Мы не...

— Оставьте свои объяснения для окружного прокурора, — сказал ей Мейсон, открывая дверь и жестом предлагая Полу выйти в коридор первым.

— Вы ничего не понимаете! — закричала она в отчаянии. — Речь шла всего лишь о моих...

Мейсон буквально вытолкнул детектива из комнаты и сам выскочил следом.

Не успели они дойти до лестницы, как Дорис Фриман уже стояла на своем пороге.

— Позвольте мне все же объяснить...

— Мы в такие вещи не вмешиваемся, — закричал адвокат, — они не входят в нашу юрисдикцию. Шеф все передаст окружному прокурору. С ним и объясняйтесь.

Когда кабина лифта закрылась, детектив вопросительно посмотрел на Мейсона.

— Ведь она готова была все рассказать!

— Ничего подобного. Просто постаралась бы вызвать сочувствие, стала бы бесконечно долго жаловаться на то, как Моксли ее обманул. И не обмолвилась бы даже о своем общнике. А нам нужен он. Сейчас она к нему отправится.

— Тебе не кажется, что этот человек живет вместе с ней?

— Трудно сказать. Я почему-то склонен видеть его детективом или адвокатом.

Пол рассмеялся.

— Представляю, как бы обозлился этот адвокат, когда бы она ему поведала, в чем ее обвиняли относительно телефона. Кстати, не может она вызвать его к себе?

— Нет, ибо уверена, что все ее разговоры будут прослушиваться. Нет, она поедет лично, кем бы он ни был.

— Как ты считаешь, она не усекала обмана?

— Сомневаюсь. Не забывай, что это приезжая, а в каждом городе свои правила. Если она и заподозрит неладное, то лишь вообразив нас полицейскими агентами, которые хотят подстроить ей ловушку.

Они вышли из подъезда, даже не взглянув в сторону машины, где сидел Дэнни Спар, пересекли площадь и остановились на тротуаре так, чтобы их хорошо было видно от дома, поджидая, когда мимо проедет такси.

Глава 15

Расхаживая по своему кабинету, Перри громко диктовал Делле Стрит текст заявления от имени Роды Монтейн, в котором она требовала развода с Карлом Монтейном с выплатой ей пятидесяти тысяч долларов единовременно или по семь с половиной процентов от этой суммы ежемесячного содержания в год.

Когда все было оговорено и обусловлено, Перри Мейсон объяснил, как это нужно оформить и где следует оставить место для подписи Роды Монтейн.

— Вы думаете, она действительно согласится подать такое заявление?

— Да, после того как я с ней переговорю.

— Значит, вместо того, чтобы соглашаться на аннулирование брака, вы возбуждаете дело о разводе?

— Да. Если брак аннулируют, Рода не получит никакого пособия. Не сомневайся, Филипп Монтейн это учитывает. Он хочет спасти свои деньги, а окружной прокурор желает, чтобы Карл давал показания на процессе.

— Но если вам удастся предотвратить аннулирование брака, он не сможет свидетельствовать против нее?

— Совершенно верно.

— Ну а в случае развода?

— Тоже нет.

— Но как же можно воспрепятствовать этому аннулированию? В законе ясно говорится: «Новый брак, заключенный при жизни одного из супругов...» Что-то я запуталась в формулировке. Одним словом, он недействителен.

— Весьма удобный закон! — подмигнул ей адвокат.

— Когда Рода выходила за Карла Монтейна, ее бывший муж был еще жив.

Перри Мейсон возобновил свое хождение.

— Это я опровергну в пять минут. Меня волнует совсем другое... Дай-ка мне как следует подумать, Делла. Ты ведь знаешь, я люблю думать вслух. Сиди и слушай. Возможно, тебе придется кое-что записать. У телефона дежурят?

— Да.

— Я жду важного звонка от Дэнни Спара. Кажется, мы нашли людей, которые нажимали на Моксли по поводу денег.

— Вы хотите их привлечь, шеф?

— Мне совсем не нужно, чтобы окружной прокурор вручил им повестки в суд. Необходим их отъезд из страны.

— А это не опасно? Вас не обвинят в мошенничестве?

Перри Мейсон плутовато ей подмигнул.

— Скажите, шеф, а не лучше напираться на самозащиту?

— Конечно, лучше. Все бы прошло как по маслу. Даже если бы не удалось добиться полного оправдания, обвинение все равно не смогло бы ее засудить. Но она сразу же попала в ловушку окружного прокурора. Теперь ни о какой самозащите нельзя и заикаться. Она заявила, что в момент убийства стояла перед закрытой дверью и звонила.

— Иными словами, утаила правду от полиции?

— Разумеется. Они поманили ее ловко замаскированным крючком и заставили проглотить вместе с леской и удочкой. Она сама еще не догадывается о собственном промахе, потому что не в интересах окружного прокурора дергать за леску.

— Но почему же ей было не сказать правду?

— Она не могла. Это один из тех случаев, когда правда звучит менее убедительно, чем самая грубая ложь. В уголовных делах такое иной раз встречается. Бывает, ловкий адвокат сочинит для своего виновного клиента столь правдоподобную историю, что ее безоговорочно принимают все присяжные. А вот когда человек невиновен, его рассказ зачастую звучит не столь гладко и убедительно.

— Что же вы собираетесь делать?

— Нужно опровергнуть слова свидетелей обвинения, которые докажут, что свидание Роды Монтейн и Грегори Моксли состоялось.

Мейсон кивнул и хохотнул.

— Ну а смех почему?

— Я покрошил хлебца на воду. Посмотрим, что из этого получится.

В дверь постучали.

Это была одна из телефонисток. Захлебываясь словами, она затараторила:

— Только-только звонил Дэнни Спар. Сказал, что работает у Пола Дрейка и не может ждать, пока я позову вас к телефону. Он просил вас приехать на Мейпл-авеню, 462, как можно быстрее. Будет стоять перед входом. Говорил, что пытался разыскать Пола Дрейка, но того нет в конторе, поэтому нужно немедленно приехать вам.

Перри Мейсон достал и надел шляпу.

— Скажите, по голосу не было похоже, что у него неприятности?

Девушка кивнула.

— Отпечатай заявление на развод, Делла, — крикнул Перри Мейсон, выскакивая из конторы.

К счастью, такси ему удалось найти сразу.

Дэнни Спар стоял на тротуаре, рукой показывая адвоката свернуть на боковую улицу.

— Вот и вы, шеф.

У Спара был необычайно растерзанный и удрученный вид: рубашка расстегнута, пуговицы у воротничка оторваны так, что пришлось заколоть его булавкой, галстук смят. Под левым глазом чернел здоровенный синяк, губы распухли и кро-воточили.

— Что случилось, Дэнни?

— Да, попал как кур в ошип...

Спар натянул шляпу на самые уши, опустил поля, кое-как прикрыв подбитый глаз, набычился и повернулся в сторо-

ну отеля «Гринвуд», заведения, пользующегося сомнительной репутацией и находящегося с правой стороны по переулку.

— Войдем. Шагайте напрямик мимо конторки. Я знаю дорогу.

Они прошли через вращающуюся дверь. С полдесятка людей болтались в узком холле, по одному виду которого сразу можно было отнести эту гостиницу к третьеразрядным.

Появление Мейсона и Спара не осталось незамеченным.

Они прошли вдоль длинного ряда обшарпанных и поломанных стульев к узенькой темной лестнице. Налево от нее был маленький подъемник, не больше телефонной будки.

— Нам удобнее по лестнице.

В коридоре третьего этажа Спар без стука распахнул одну из дверей.

Комната оказалась темной и дурно пахнущей. У стены стояла крашеная, белая, с хромированными шарами койка, покрытая дырявым одеялом. На спинке висела пара носков, грязных и заношенных. Бюро украшала кисточка для бритвы, увенчанная сверху лезвием от безопасной бритвы. Сбоку на зеркале висел смятый галстук. На полу валялся большой лист оберточной бумаги, в какой приносят белье из прачечной. Подле нее был брошен талончик. На подоконнике лежали проржавленные бритвенные лезвия.

Слева от бюро находилась дверь в кладовую. Весь пол усеивали щепки: нижняя половина двери была искорежена и сломана.

Дэнни Спар закрыл дверь в коридор и обвел помещение красноречивым жестом.

— Ну разве это не свинство?

— Что произошло? — спросил Перри Мейсон.

— Вы с Полом, выйдя из апартаментов «Бальбоа», сели такси и уехали. Я догадался, что дамочка следит за вами и окошка, ибо как только ваша машина завернула за угол, она выскочила из подъезда и стала ловить такси. Ей пришлось постоять с пяток минут, она от нетерпения чуть не сломала себе пальцы.

Очевидно, ей и в голову не приходило, что за ней могут следить. Она даже не соизволила взглянуть в заднее окошечко, когда машина тронулась, поэтому я ехал абсолютно спокойно, не опасаясь потерять ее из виду.

Прибыв сюда, она расплатилась с водителем и отпустила его. Однако, когда потребовалось войти в этот притон, она

смутилась. Нет, не заподозрила ничего, но было такое впечатление, будто она делает нечто недозволенное: огляделась и незаметно нырнула в подъезд.

Я боялся наступать ей на пятки, поэтому, когда вошел в отель, она уже успела начать подниматься. Лифт находился на третьем этаже. Я сообразил, что это она была в кабине. Внизу болтались обычные любители всякого рода забегаловок, ничего особенного, и я тоже отправился себе на третий этаж, устроился под пожарной лестницей и стал наблюдать за коридором. Примерно минут через десять она вышла из этой самой комнаты, постояла на пороге, посмотрела в оба конца вестибюля и побежала вниз.

Я запомнил номер, дал дамочке время спуститься, а потом отправился следом. На этот раз она не брала такси, и моя задача еще больше упростилась. Она дошла до автобуса, идущего в направлении апартаментов «Бальбоа». Тогда я сообразил, что на такси ей просто жалко денег, и вернулся взглянуть на того соколика, к которому она слетала. На этом-то я и получил высший приз за головоугодничество!

— Почему? Он вас узнал?

— Да нет. Просто я вел себя так, будто у меня не слишком-то густо в смысле мозгов.

— Выкладывайте, — нетерпеливо сказал адвокат.

— Так вот, я вернулся в гостиницу и постучался в эту самую комнату. Вышел здоровенный детина в одной нижней рубашке. На кровати лежал чемодан. По-видимому, он укладывал вещи. Паршивенький обшарпанный чемодан, с которыми разъезжают провинциальные агенты. Малому на вид было лет тридцать, он имел такие плечи, будто всю свою жизнь работал грузчиком. Но я бы скорее принял его за механика из гаража. Вид у него был явно враждебный и чуточку подозрительный. Я подмигнул и сказал: «Передай своему дружку, что товар приготовлен в наилучшем виде. Это тебе не та сладенькая водичка, которую продают в аптеках. И цена подходящая». Он, конечно, захотел узнать, о чем это ему толкуют. Тут я завел разговорчики про парня, которому что-то доставал недели две назад. Он жил в этой комнате, рассчитывал остаться подольше. И теперь я-де подумал, что этот детина — его сотоварищ.

— Он клонул?

— Можете не сомневаться. Пока мы с ним объяснялись, я его как следует разглядел. Так вот — рот, глаза и нос у него были совсем такие, как у нашей дамочки.

— Иными словами, вы считаете, что это ее брат?

— Безусловно. Я решил, что тут медлить не приходится. Припомнил, что звали ее Пендер и что она из Сентервилля. А этот молодчик, по всем признакам, намеревался в скором времени захлопнуть дверь у меня перед носом. Значит, следовало как-то его обработать, чтобы он немного оттаял и перестал смотреть таким волком. Времени у меня было мало, поэтому я брякнул напрямик: «Послушай, парень, ты часом не из Сентервилля?» Рожа у него перекосилась, и он тут же спросил: «Кто ты такой?» Тогда я осклабился от уха до уха, протянул ему руку и сказал: «Теперь я тебя узнал. Твое имя Пендер, верно?»

— И что он сделал?

— Просто подловил меня. Купил, как говорится, по дешевке.

— Продолжайте.

— А я-то принял его за простофилю, болван! Причем смотрел ведь на него очень внимательно, чтобы понять, как действуют мои слова. На секунду он растерялся, как если бы я хватил его обухом по голове, потом вцепился в мою руку и давай ее трясти, как грушу. «Ну конечно же, парень, я тебя помню! Входи скорее». Я вошел. Не буду рассказывать всех подробностей, только в конце концов он меня скрутил, как кутенка, засунул в рот кляп и затолкал в чулан.

— Он вас ударил? Вы потеряли сознание?

— Да нет, этого нельзя сказать. Просто очумел я на пару минуток. Ведь нападения не ожидал. Да и справиться с ним у меня не было никакой надежды. Он работал своими кулаками быстрее, чем ваша телефонистка орудует кнопками на коммутаторе...

— Продолжайте.

— Короче, очнулся в чулане, весь мягкий, с ватными руками и ногами. Дверь была заложена болтом, настоящим толстым болтом, а не какой-нибудь железякой.

— Чем он занимался?

— Продолжал складывать чемодан. Торопился здорово. Ящики комода выдвигал с грохотом, по комнате мотался как пришпоренный. Через каждые две минуты вызывал по телефону Гарванз 3-94-81. Подержит трубку около уха, подождет, бросит в сердцах на рычаг и снова метнется к чемодану. К счастью, в двери была щелка, и я мог за ним наблюдать.

— Это номер коммутатора в апартаментах «Бальбоа», — сказал Мейсон.

— Знаю. Так вот, он упорно вызывал этот номер и просил соединить его с мисс Фриман.

— Ему отвечали?

— Ну да. Он и ждал-то каждый раз, пока ее позовут. Не могу поручиться, знал он, что я его слышу или нет. А может, ему на это было ровным счетом наплевать.

— Я все еще не понимаю, что вы хотите мне объяснить, — несколько нетерпеливо сказал Мейсон.

— Понимаете, я излагаю все эти подробности для того, чтобы вы имели ясное представление о случившемся. Он продолжал звонить мисс Фриман и укладываться. Наконец чемодан был заперт. Я слышал, как застонали пружины, когда он опустился на край кровати. Тут ему повезло: мисс Фриман подошла к телефону. И он заорал: «Алло, Дорис. Говорит Оскар».

Наверное, раньше она просила его ни о чем не говорить по телефону, ибо он заявил, что, поскольку они все равно погорели, теперь на все наплевать. К нему, мол, появился детектив и назвал его по имени. Устроил ей головомойку за то, что она по своей глупости приволокла за собой шпику на хвосте и наверняка наболтала лишнего тем двоим, которые побывали у нее утром. Вероятно, с ней случилась истерика, потому что вскоре он стал говорить с ней поласковее, стараясь успокоить.

Меня берет только одно сомнение: уж больно долго и откровенно они болтали, будто я и не сидел за тоненькой, потрескавшейся чуланной дверью. Не водил ли он меня за нос? Либо это нахал, которому и море по колено, либо мудрец, рассчитавший заранее все ходы.

— Так, и потом?

— Они наговорились всласть, и парень сказал, что им надо живенько мотать отсюда. Видно, ей не улыбалась совместная поездка, но тот объяснил, что вдвоем они оставят для полиции всего один след, а порознь — два. Потом предупредил, что сейчас заедет за ней на такси, поэтому ей следует поторопиться.

— Затем?

— Он вытащил свой багаж в коридор. А я стал вертеться и крутиться, пока не удалось ослабить веревки. Кстати, связал он меня полосами разорванной простыни. Конечно, я мог бы высадить дверь ногами, но не захотел поднимать шум, ведь вы не для того меня нанимали, чтобы я плакался у кого-нибудь на груди о своих горестях. Поэтому пришлось достать свой перочинный нож и расширить щель, а потом осторожно выбить подрезанные доски. Звонить из номера

через коммутатор я побоялся и добежал до автомата на углу. Пола Дрейка не было на месте, но я дал описание парочки одному из наших парней, который будет теперь действовать в направлении железнодорожных вокзалов и аэропортов. Этому его учить не надо.

— Может, они еще не покинули апартаменты «Бальбоа», когда вы звонили?

— Я на это и рассчитывал, ведь столько дров уже наломал за один день. Мне казалось, было бы вполне достаточно, если бы удалось выяснить, куда они направляются. Именно поэтому я и попросил вас лично приехать сюда. Думаю, вы не хотите, чтобы этих людей задержали. Правда?

Перри Мейсон медленно кивнул.

— Да, не хочу... Мне надо знать, где их найти в случае необходимости, но сейчас пусть себе удирают с богом!

Дэнни Спар посмотрел на часы.

— Очень сожалею, что так получилось. Но я рассказал все без утайки. Через полчаса можно позвонить в агентство, к этому времени ребята их уже подцепят. Уверен, что, выйдя из «Бальбоа», братец с сестрицей попытались сесть на дальний поезд. Вряд ли они подумали о самолете.

Перри Мейсон подмигнул детективу.

— Ладно, поехали в агентство. Наверное, Пол уже на месте. И не вешайте голову... Что ни делается, все к лучшему.

Глава 16

Судья Фрэнк Манро вышел из своего кабинета, влез на кафедру, поправил на носу очки и внимательно осмотрел переполненный зал заседаний. Шериф произнес стандартную формулу, которой начинаются все судебные процессы. В ту самую минуту, когда молоток судьи опустился на стол в противоположном конце зала отворилась дверь и через одну ее створку офицеры ввели Роду Монтейн, а через вторую — Карла Монтейна.

Оба находились в тюрьме: Карл в качестве основного свидетеля, Рода Монтейн как обвиняемая по делу об убийстве.

Они впервые увиделись после ареста.

— Дело Монтейна против Монтейн, — объявил судья Манро. — Джон Лукас, помощник окружного прокурора, представляет истца, Перри Мейсон — ответчика.

Рода Монтейн произвольно шагнула вперед.

— Карл!

Но ее тут же задержала охрана.

Карл Монтейн, на лице которого ясно отпечатались следы тревожных дней и бессонных ночей, плотно сжал губы, уставился прямо перед собой и прошагал на свое место подле обвинителя, так и не взглянув на жену, которая стояла с протянутой рукой, не в силах поверить в случившееся. У нее был такой жалкий и растерянный вид, что в зале заседаний поднялся ропот, прекратившийся только после окриков охраны.

Рода Монтейн прошла мимо своего стула. В глазах у нее стояли слезы. Сопровождающий офицер взял ее под руку и придвинул стул к ней.

Перри Мейсон, свидетель этой молчаливой драмы, ничего не сказал. Ему хотелось, чтобы присутствующие без внешнего нажима оценили ее.

Судья Манро нарушил напряженную тишину.

Короткими, ясными фразами он обрисовал положение сторон и объявил, что предварительно суд должен рассмотреть ходатайство обвинения об аннулировании брака Роды и Карла Монтейнов на том основании, что в момент вступления в брак первый муж Роды Монтейн был жив. В данной ситуации ни защите, ни обвинению не разрешается допрашивать свидетелей противоположной стороны для получения информации, которую в дальнейшем можно было бы использовать против Роды Монтейн.

Джон Лукас бросил торжествующий взгляд в сторону Перри Мейсона, которого слова судьи связали по рукам и ногам.

Первым был вызван Карл Монтейн.

После Карла сидел его отец. Вставая с места, Карл Монтейн оперся на плечо Монтейна-старшего, потом гордо вскинул голову и твердыми шагами проследовал на трибуну для свидетелей.

— Ваше имя Карл Монтейн?

— Да.

— Вы постоянно живете в этом городе?

— Да.

— Вы знакомы с обвиняемой, Родой Монтейн?

— Да.

— Когда вы впервые с ней встретились?

— В больнице «Саннисайд». Она была моей медсестрой.

— Позднее вы с ней зарегистрировали брак?

— Да.

— Когда именно?

— Восьмого июня.

— Этого года?

Лукас повернулся к Перри Мейсону.

— Теперь вы можете приступить.

Перри Мейсон вежливо улыбнулся.

— Вопросов не имею.

Свидетель, очевидно, внутренне сжался, приготовившись к напористому перекрестному допросу. Лукас был начеку, боясь пропустить те вопросы защитника, которые он должен будет опротестовать.

Отказ Мейсона их обоих поразил.

— Все, мистер Монтейн. Можете сесть.

Лукас вскочил, как на пружине.

— Ваша честь, согласно Кодексу гражданского процесса мы имеем право опросить обвиняемую даже до того, как это сделает защитник. Поэтому я хочу, чтобы Рода Монтейн поднялась на место для свидетелей.

— Что вы рассчитываете доказать с ее помощью? — спросил Перри Мейсон.

— Согласитесь ли вы, — воинственным голосом заговорил Лукас, — что до вступления в брак с Карлом Монтейном обвиняемая была обвенчана с другим мужчиной, по имени Грегори Лортон, он же Грегори Моксли, убитый шестнадцатого июня настоящего года?

— Соглашусь, — сказал Мейсон.

Лукас еще больше изумился. Судья Манро, не впервой встретившийся с Перри Мейсоном, нахмурился, заподозрив подвох. В зале зашевелились.

— Я также хочу, — повысил голос Лукас, поглядывая на зал заседаний, — спросить свидетельницу о личности человека, который был похоронен в феврале 1929 года под именем Грегори Лортон.

Улыбка Перри Мейсона приобрела издевательский оттенок.

— Ввиду уже сделанного вами заявления, — сказал он, о том, что Грегори Лортон, за которым была замужем обвиняемая, оказался жив в означенное время, суду совершенно безразлично, кем был его однофамилец, умерший в феврале. Очень печально, что обвинение постаралось заранее подготовить общественное мнение, высказывая в печати предположение, будто ответчица отравила этого человека.

Лукас вспыхнул.

Судья ударил молотком.

— Ваше возражение принято, адвокат. Что касается последнего замечания, оно было совершенно неуместным.

— Прошу прощения у высокого суда.

— И у обвинителя тоже, — добавил Лукас.

Перри Мейсон промолчал.

Манро посмотрел поочередно на обоих юристов и опустил голову, пряча улыбку.

— Продолжайте, — сказал он.

— У обвинения все, — изрек Лукас, опускаясь на место.

Перри Мейсон сказал:

— Вызовите миссис Бесси Холеман на место для свидетелей.

Молодая женщина лет тридцати трех, с усталыми глазами прошла на возвышение, подняла правую руку и приняла присягу.

— Вы проходили через дознание, — начал Перри Мейсон, — которое состоялось по поводу убийства шестнадцатого июня сего года Грегори Моксли, иначе Грегори Лортон?

— Да.

— И видели его останки?

— Да.

— Вы узнали этого человека?

— Да.

— Кто он?

— Тот, за которого я вышла замуж двадцатого января 1925 года.

Весь зал дружно ахнул. Лукас приподнялся с места, снова опустился и еще раз встал. После минутного колебания, он заговорил:

— Ваша честь, это заявление — полнейшая для меня неожиданность. Однако должен заметить, что суду безразлично, сколько раз до Роды Монтейн этот человек женился. Может быть, десять. Рода Монтейн могла бы подать в суд на аннулирование своего брака. Но поскольку не сделала этого, он остается в силе.

Перри Мейсон улыбнулся.

— Закон нашего штата гласит, что новый брак, в который вступило лицо при жизни его бывшего супруга или супруги, считается недействительным с самого начала. Совершенно очевидно, что Грегори Лортон не мог зарегистрироваться с Родой Монтейн законно, поскольку его прежняя жена была жива. Следовательно, первый брак обвиняемой — фикция, которая не препятствовала ей создать законный союз с Карлом Монтейном.

— Возражение обвинения отводится, — сказал судья Манро.

— Развелись ли вы с человеком, которого называют Грегори Лортоном, или Грегори Моксли?

— Да. Развелась.

Перри Мейсон развернул свидетельство о расторжении брака и с поклоном передал его Лукасу.

— Обращаю внимание прокурора, что развод был оформлен уже после того, как обвиняемая вступила в брак с Грегори Лортоном; прошу приобщить копию брачного свидетельства к делу.

— Предложение принято, — объявил судья.

— Приступайте к допросу, — сказал Мейсон.

Лукас вплотную подошел к свидетельнице, внимательно посмотрел на нее и грозно спросил:

— Вы уверены, что в морге видели тело своего бывшего мужа?

— Да.

— У меня все, — сказал Лукас, пожимая плечами.

Судья попросил клерка принести шестнадцатый том Калифорнийского свода законов, где рассматривались положения о браке.

Пока он искал соответствующую статью в толстенном справочнике, в зале царило оживление.

Наконец судья поднял голову.

— Ходатайство об аннулировании брака Карла Монтейна и Роды Монтейн отклоняется. Их брак остается в силе. Заседание откладывается.

Повернувшись, Перри Мейсон посмотрел на Монтейна-старшего. Лицо того оставалось совершенно бесстрастным, глаза смотрели холодно, враждебно. Лукас выглядел как человек, свалившийся с высокого постамент, Карл был растерян, только Монтейн-отец сохранял высокомерное спокойствие.

Трудно было заподозрить, что его удивил такой исход.

Зал заседания гудел. Корреспонденты названивали по телефонам. Присутствующие любители подобных развлечений собирались кучками, все одновременно разговаривая и сильно жестикулируя.

Перри Мейсон обратился к офицеру, который находился все время возле Роды:

— Прощу вас проводить миссис Монтейн в служебное помещение. Она мне нужна для консультации. Если желаете, оставайтесь возле двери.

Он отвел Роду в отдельную комнату, придвинул для нее удобное кресло, сам сел напротив и ободряюще улыбнулся.

— Что все это значит? — спросила она.

— Судья Манро признал ваш брак с Карлом Монтейном действительным.

— И теперь?

— Теперь, — Мейсон вытащил из кармана заявление о разводе, — вы потребуете развести вас на том основании, что он проявил к вам исключительную жестокость, несправедливо обвинив в убийстве, не говоря уже о неоднократном бесчеловечном обращении. В нашем заявлении я перечислил эти случаи. Остается только подписать бумагу.

Слезы навернулись на глаза Роды.

— Но я вовсе не хочу с ним разводиться. Как вы не понимаете, я делаю скидку на его характер и люблю таким, каков он есть.

Перри Мейсон наклонился к ней и поглядел в глаза.

— Рода, вы уже дали показания. У окружного прокурора имеется подписанное вами заявление. Теперь от него нельзя отступать ни на шаг. Придется придерживаться того, что там зафиксировано.

Пока окружному прокурору неизвестно, кто на самом деле стоял на крыльце дома и звонил в квартиру Моксли. Но я нашел его. И даже двоих. Один из них может лгать, хотя, возможно, оба говорят правду. Так или иначе, но заявление любого будет означать для вас смертный приговор.

Рода посмотрела на него круглыми от ужаса глазами.

— Первый, — продолжал Перри Мейсон, — это Оскар Пендер из Сентервиля, пытавшийся выудить у Моксли деньги для своей сестры. В свое время Моксли поступил с ней так же, как с вами, оставив без сбережений.

— Мне о нем ничего не известно. Ну а кто второй?

Мейсон произнес, чеканя слова:

— Доктор Клод Милсоп. Ему не спалось. Он знал о вашем свидании. Оделся и поехал к дому Моксли. Вы были там. Света в окнах он не увидел и позвонил. Ваша машина стояла за углом в переулке.

Даже губы побелели у Роды Монтейн.

— Клод Милсоп! — прошептала она.

— Вы влипли в такую кашу из-за того, что не послушались меня. Теперь извольте точно следовать инструкциям. Мы выиграли дело об аннулировании брака. И ваш муж не может свидетельствовать против вас. Однако окружной прокурор сообщил газетам его показания. По существу — он основной свидетель. Но содержали его в таком месте, куда я не мог добраться. Мне с ним даже поговорить не разре-

шили, а корреспондент самой захудалой городской газетенки имел право прийти к нему в любое время. Так вот, нам надо развенчать их пропаганду. За этим и потребуется развод, поводом для которого станет бесчеловечная жестокость мужа, обвинившего в убийстве неповинного человека.

— Ну а потом?

— Потом я, во-первых, передам копию вашего заявления в газеты. Во-вторых же, и в главных, вручу повестку Карлу Монтейну и заставлю его выступить свидетелем защиты. В-третьих, если Карл будет упорствовать в своем обвинении, вы получите очень большое пособие. Ну а если откажется от своих показаний, то я не знаю, как будет выглядеть окружной прокурор.

— Но я не хочу развода. Во всем его слабоволие виновато. Я люблю его, несмотря ни на что. Хочу сделать из него человека. Он слишком долго жил чужим умом, привык во всем надеяться на своего отца и знаменитых предков. Нельзя за неделю перековать человека. Это равносильно тому, как если бы я выбила у него из-под ног подпорки и стала ждать, чтобы он тут же зашагал на собственных ногах. Нельзя...

— Послушайте, — прервал ее адвокат, — меня не интересуют ваши чувства к Карлу. Сейчас вас обвиняют в убийстве. И окружной прокурор постарается добиться смертного приговора. А за спиной его стоит человек, обладающий умом, огромной силой воли и абсолютно незнакомый с чувством жалости. Он готов потратить любые деньги, лишь бы вас осудили и приговорили к смерти.

— Кого вы имеете в виду? — спросила она.

— Филиппа Монтейна.

— Боже мой... Он, конечно, не одобряет выбор сына, но сделать такое...

Офицер возле двери осторожно кашлянул.

— Время истекло, — сказал он.

Перри Мейсон положил перед Родой заявление на развод и протянул авторучку.

— Подпишите вот в этом месте.

Она умоляюще посмотрела на него.

— Но это же отец Карла. Он не стал бы...

— Подпишите, — повторил Мейсон.

Офицер шагнул вперед.

Рода Монтейн нехотя взяла ручку, расписалась и повернула к охраннику заплаканное лицо.

— Я готова.

Глава 17

Пальцы Перри Мейсона выстукивали бравурный марш на крышке стола. Холодные, внимательные глаза в упор смотрели на Пола Дрейка.

— Твои люди настигли их на железнодорожном вокзале, Пол?

— Да. За десять минут до отхода поезда. Мой парень поехал вместе с ними и дал телеграмму с какой-то пригородной станции. А я сел на телефон и организовал дело таким образом, чтобы на каждой большой остановке в поезд входил другой агент. Таким манером мы не спускали глаз с парочки.

— Я хочу, чтобы они не возвращались.

— Именно так мне и сказала Делла Стрит. Только я не был вполне уверен, что правильно разобрался в твоих желаниях.

— Они должны страшиться, бояться, скрываться, чувствовать слежку за собой. Мне нужны все их вымышленные имена, под которыми они регистрируются каждый раз, приезжая в новое место. Мало того, у меня должны быть фотокопии регистрационных журналов.

— Ты хочешь внушить им, что детективы идут за ними по пятам.

— Да, но пусть это делается умно: то есть они не должны вообразить, будто преследователи слишком близко. Пускай им кажется, что сыщики ходят где-то рядом, проверяют по описаниям их внешности гостиницы и так далее.

Теперь уже детектив внимательно разглядывал адвоката. Потом он сказал:

— По-моему, ты сумасшедший, Перри!

— Почему?

— Конечно, дело не мое, но этот Пендер должен был находиться на месте преступления во время убийства. По телефону он сознался сестре, что трезвонил в дверь Моксли около двух часов ночи. У него был мотив убить Моксли. Несомненно, он ему угрожал. И если вместо изоляции парня ты бы подстроил так, чтобы его можно было задержать и натравить на него свору газетчиков, то он бы порассказал им много таких вещей, которые способствовали бы созданию благоприятного мнения о Роде Монтейн.

— А дальше?

— Дальше его арестовывают и вызывают в суд в качестве свидетеля.

— Дальше?

— Ты разделяешь молодчика под орех. Доказываешь присяжным, что он явился к Моксли требовать денег, грозил ему и так далее.

— Все верно. А потом Пендер покажет под присягой, что Моксли действительно велел ему прийти за деньгами, которые сам должен был получить от Роды Монтейн, но когда он туда явился, то безрезультатно простоял на ступеньках, нажимая на звонок, так и не попав внутрь. Это совпадет с показаниями соседей. Прокурору останется с величайшим удовлетворением требовать смертной казни для Роды Монтейн за преднамеренное убийство.

Дрейк кивнул.

— Но, — спросил он, — какой смысл держать их в изгнании, если можно так выразиться?

— Рано или поздно прокурор поймет важность того, что кто-то звонил в дверь в то самое время, когда убили Моксли. Этот человек, естественно, будет признан невиновным, ведь нельзя одновременно стоять внизу на крыльце, трезвоня так, что просыпаются соседи, и бить топором по голове мужчине на третьем этаже.

С другой стороны, у этого человека нет ни малейшего желания признаться в том, что он находился поблизости от места преступления. Однако, когда окружной прокурор прижмет его как следует, он тут же все выложит без утайки.

Рода Монтейн первой заявила, что не сумела попасть к Моксли. К сожалению, ее показания сильно подпортили ключи от гаража, найденные в комнате убитого. Однако присяжные все равно могут этому поверить. Вот если прокурору удастся найти другого претендента, тогда дело Роды плохо.

Дрейк снова кивнул.

— Поэтому я и не хочу, чтобы Пендер был арестован. Понимаешь, сейчас мне можно объявлять убийцей его. Даже если в конечном счете он и предстанет перед судом, то, поскольку так долго находился в бегах, жил в десятках гостиниц под вымышленными именами, мне будет легче уличить его во лжи. Тебе ясен мой план?

— В итоге окружной прокурор все же обнаружит Оскара Пендера?

— В нужный момент... Причем если это мне будет выгодно.

— Только учти, Перри, кто-то интересуется Пендером не меньше тебя.

— Откуда ты знаешь?

— Мы установили наблюдение за номерами, которые занимают Пендер и его сестра. Вчера вечером отель наводни-ла куча шпиков. Слетелись, как осы на варенье. Они готовы были все перевернуть, лишь бы найти Пендеров.

Мейсон сильно заинтересовался.

— Полицейские детективы?

— Нет, из частного сыскного бюро. И по каким-то со-ображениям они не хотели привлекать к себе внимание по-лиции.

— Их было много, Пол?

— Я бы сказал... кто-то бросает деньги, не считаясь с зат-ратами.

Перри Мейсон прищурил глаза.

— Филипп Монтейн — серьезный противник. Думаю, он догадывается о моих намерениях. Только как ему выйти на Пендера? Конечно, это не так уж и сложно...

— По-твоему, старик Монтейн работает независимо от прокуратуры?

— Просто уверен.

— Зачем?

— Элементарно не хочет, чтобы Рода Монтейн была оп-равдана.

— Почему?

— Ну, прежде всего, если ее оправдают, она останется законной женой его сына, а мне кажется, у Филиппа Мон-тейна совсем другие планы в отношении невестки.

— Но этого еще недостаточно, чтобы добиваться смерт-ной казни для человека!

— Эх, Пол, я тоже так думал, когда Филипп Монтейн пришел ко мне с предложением уплатить «приличную сум-му» за некоторые вещи, сильно бы подорвавшие позиции Роды.

Пол Дрейк тихонько присвистнул.

— Перри, как ты думаешь, где все-таки находился Оскар Пендер во время убийства Моксли?

— Понимаешь, у меня нет полной уверенности в том, что он и правда не стоял на пороге дома. Это одна из причин встретить его во всеоружии на перекрестном допросе.

— Я вижу, ты не слишком-то убежден в невинности твоей клиентки.

Мейсон подмигнул, ничего не ответив.

В кабинет проскользнула Делла Стрит и сказала, что при-ехала Мейбл Стрикленд, медсестра доктора Милсопа. Будто бы по срочному делу. Вся в слезах.

- Плачет? — удивился Мейсон.
Делла Стрит кивнула.
— Да так сильно, что даже плохо видит.
Перри Мейсон шагнул к дверям. Пол торопливо вылез из кресла, в котором сидел, по привычке перекинув ноги через подлокотник, и сказал:
— Увидимся позже, Перри.
Когда он вышел, адвокат кивнул Делле Стрит:
— Пригласи-ка ее.
Делла Стрит открыла дверь и позвала:
— Мисс Стрикленд, проходите, пожалуйста.
Она помогла плачущей девушке дойти до кресла, усадила ее и встала рядом.
— Ну, в чем дело? — спросил адвокат.
Медсестра хотела заговорить, но, задохнувшись в рыданиях, снова прижала платок к покрасневшему носу.
Перри Мейсон взглянул на Деллу Стрит, та неслышно испарилась из кабинета.
— Так что же случилось? Можете говорить совершенно откровенно. Мы одни.
— Вы погубили доктора Милсопа, — прорыдала она.
— Что, я спрашиваю, случилось?
— Его похитили.
— Похитили?
— Да.
— Расскажите подробно.
— Вчера вечером мы работали в кабинете допоздна. Чуть не до полуночи. Он пообещал отвезти меня домой на машине. И мы поехали. Неожиданно другой автомобиль прижал нас к тротуару. В нем сидели двое мужчин. Я их раньше не видела. У обоих было оружие. Они направили пистолеты на доктора Милсопа, приказали пересесть к ним и уехали.
— Какой марки была машина?
— «Бьюик», седан.
— Вы заметили номер?
— Нет.
— Какого она была цвета?
— Темная.
— Вам что-нибудь говорили?
— Нет.
— Может быть, требовали?
— Тоже нет.
— Вы сообщили в полицию?
— Да.

— Что было дальше?

— Приехали полицейские, порасспрашивали меня, потом отправились к тому месту, где была оставлена наша машина. Осмотрели все кругом, но ничего не нашли. Потом связались с управлением. Как я поняла, окружной прокурор считает, что это вы сделали.

— Что я сделал?

— Спрятали доктора Милсопа, дабы он не смог давать показания против вашей клиентки.

— А он намеревался показывать против?

— Этого я не знаю. Передаю только то, что думает окружной прокурор.

— Откуда вам это известно?

— Из тех вопросов, которые мне задавали.

— Вы перепугались?

— Конечно.

— Какое оружие было у похитителей?

— Пистолеты. Большие черные пистолеты.

Перри Мейсон подошел к двери, убедился, что она закрыта, и принялся расхаживать по кабинету.

— Послушайте, — медленно сказал он, — ведь доктор Милсоп не хотел давать показаний.

— Нет?

— Вы сами отлично знаете.

— Но ведь это никак не связано с его похищением.

— Не уверен. Я рекомендовал ему отправиться в морское путешествие для укрепления здоровья.

— Он не смог. Окружной прокурор прислал для него какие-то бумаги.

Мейсон кивнул. Он ходил взад и вперед, не спуская глаз с дрожащих плеч девушки. Потом подошел неожиданно и вырвал у нее носовой платок. Приблизил его к носу и принюхался.

Девушка вскочила со стула как ужаленная, схватила адвоката за руку и попыталась платок отнять. В результате ткань не выдержала, большая часть осталась у Перри Мейсона и только клочок снова вернулся к хозяйке.

Адвокат провел тыльной стороной ладони по глазам и рассмеялся. По щекам у него катились обильные слезы.

— Так вот оно что! До прихода ко мне вы смочили свой платок какой-то слезоточивой дрянью?

Она промолчала.

— А разговаривая с полицией, вы тоже проделывали такой трюк?

— Тогда мне это было не нужно, — сказала она, удерживаясь от всхлипываний, — они меня та-ак напугали, что со мной приключилась истерика.

— Полиция поверила вашим сказкам?

— По-моему, да. Ведь они предполагали, что эти двое — из тех детективов, которые работают на вас.

Мейсон пристально смотрел на нее.

— Черт бы подрал это снадобье! Оно попало мне в глаза!

— Я вымочила половину платка.

— А была на самом деле какая-то машина?

— Что вы имеете в виду?

— Меня интересует, правда ли вся эта история про двух бандитов?

— Нет. Просто доктор Милсоп уехал. Он хотел известить вас, что не будет выступать свидетелем на процессе.

— Если произойдет нечто важное, вы ему сумеете сообщить?

— В этом случае можете позвонить мне по телефону, но говорите отчетливо, я должна узнать голос, иначе не поверю, что это вы.

Перри Мейсон рассмеялся и надавил на кнопку звонка у себя на столе.

Появилась Делла Стрит.

— Делла, проводи Мейбл Стрикленд до остановки такси.

Делла ахнула:

— Великий Боже! Шеф, вы плачете?

Перри Мейсон рассмеялся еще громче.

— Из солидарности, — сказал он.

Глава 18

Судья Меркем, опытный ветеран фронта борьбы с уголовными преступлениями, важно восседал над скамьей присяжных, оглядывая наметанным глазом собравшихся.

— Дело по обвинению Роды Монтейн, — начал он.

— Я готов! — заявил Лукас.

Рода Монтейн сидела около помощника шерифа. Она была одета в темно-коричневый костюм. Лишь у горла и у обшлагов виднелась белая отделка. По ее быстрым взглядам на публику было заметно, как она нервничает. И однако же нечто в ней заставляло предполагать, что она сохранит самообладание даже в том случае, если суд признает ее виновной в совершении убийства первой степени.

Лукас поднялся, коротко изложил суть и вопросительно посмотрел на судью Меркема.

После этого по всем правилам были утверждены присяжные, намеченные в состав комиссии. Каждый из них по очереди заявил, что будет судить честно и объективно.

Наконец к судье обратился Перри Мейсон:

— Думаю, лучшего состава присяжных мы не могли бы и пожелать. Переходите к слушанию дела.

Джон Лукас вскочил на ноги и недоверчиво спросил:

— Неужели вы не будете лично расспрашивать каждого из них?

Судья Меркем ударил молотком.

— Адвокат совершенно ясно изложил свои намерения.

Но даже бывалого судью поразила его необычайная покладистость. Он достаточно навидался выступлений Перри Мейсона на самых разных процессах и понимал, что тот готовит какой-то ход конем.

Джон Лукас глубоко вздохнул и пробормотал: «Очень хорошо».

— Теперь можете приступать к проверке присяжных вы, — распорядился судья.

Джон Лукас проделал это с невероятной дотошностью, очевидно воображая, будто Перри Мейсону удалось всунуть туда своих людей.

Он не чувствовал, как в публике росла неприязнь к нему, основанная на том, что Перри Мейсон на слово поверил в объективность и честность присяжных, а помощник прокурора всячески придирался к ним, стараясь без видимых оснований уличить во лжи и пристрастии.

По мере продолжения проверки Джон Лукас становился все более агрессивным.

Постепенно на лице судьи Меркема появилось благодушное выражение. Блестящими глазами он посматривал на Перри Мейсона, разгадав его маневр.

Он давно уже знал: если Мейсон выглядит особенно невинным и беспристрастным, значит, жди жарких боев и неожиданных выпадов.

Наконец заседание началось.

Джон Лукас был напряжен и издерган. Перри Мейсон казался изысканно вежливым и уверенным в том, что невиновность подзащитной будет доказана без особого труда.

Первым вызвали офицера Гарри Экстера. Этот свидетель выступал с присущей полиции подозрительностью к защитнику, опасаясь с его стороны какого-нибудь подвоха. Он со

скрупулезной дотошностью рассказал, как пришел в апартаменты «Коллемонт», обнаружил там человека в бессознательном состоянии и что именно предпринял после этого.

Лукас предъявил для обозрения кожаный футлярчик с ключами.

— Вы желаете его осмотреть, адвокат? — спросил он у Перри Мейсона.

Мейсон с безразличным видом покачал головой.

Экстер опознал ключи, найденные им в квартире убитого. Те были приобщены к делу в качестве вещественного доказательства стороны обвинения. Далее свидетель опознал фотографии комнаты, в которой был обнаружен труп, и сообщил интересные подробности, касающиеся взаимного расположения тела и мебели.

После этого к допросу приступил Перри Мейсон. Он не только не повышал голоса, но даже не стал поднимать головы. Сидел в прежней свободной позе человека, непринужденно беседующего на занимательную тему.

— Был ли в комнате будильник?

— Да.

— Где он теперь?

— Его забрали как вещественное доказательство.

— Кто именно?

— Один из работников отдела насильственных смертей.

— Вы бы узнали будильник, если бы увидели?

— Да.

— Часы у вас? — спросил Мейсон у Лукаса.

— Да, — ответил ничего не понимающий Лукас.

— Будьте добры, покажите их нам.

— Как только сможем, — ответил помощник прокурора.

Мейсон пожал плечами и снова обратился к свидетелю:

— Вы запомнили что-нибудь, связанное с этим будильником?

— Запомнил.

— А именно?

— Он был поставлен на два ночи. Или около того.

— Часы ходили?

— Да.

— Посмотрите на фотографию, скажите, на ней изображен тот самый будильник?

— Да.

— Будьте добры, покажите его присяжным.

Офицер обошел всех их, поочередно тыкая перед каждым в будильник на фотографии.

— Могу я снова попросить представить сюда будильник? — вкрадчиво поинтересовался Перри Мейсон.

— Его предъявят в ту же минуту, когда только мы будем в состоянии это сделать, — взорвался Джон Лукас.

Перри Мейсон посмотрел на судью.

— Я бы хотел допросить этого свидетеля именно по поводу будильника.

— Пока сторона обвинения не привезла его на процесс, — пояснил судья, — наверное, мы не станем прерывать нашей работы. Когда он будет здесь, я дам вам возможность допросить свидетеля еще раз.

— Очень хорошо, ваша честь. Больше вопросов не имею.

После этого выступили представители отдела расследования насильственных преступлений и бригада санитарной машины. Врач охарактеризовал увечья, нанесенные топором, которые стали причиной смерти Моксли. Наконец обвинение предъявило само орудие, на котором по-прежнему были видны пятна крови и волосы, прилипшие к обуху.

Перри Мейсон сидел совершенно неподвижно, как огромный медведь, уютно устроившийся в берлоге на зиму и не чующий все более сужающегося круга охотников. Он не задавал никаких вопросов.

На место свидетелей вызвали Фрэнка Лейна. Это был веселый энергичный малый, механик с бензозаправочной станции, который обслуживал Роду Монтейн в ночь на шестнадцатое июня.

— Когда точно? — спросил Лукас.

— Без четверти два.

— Чем она занималась?

— Сидела за рулем «шевроле».

— Какая случилась неполадка?

— Задняя правая шина была спущена.

— Как поступила обвиняемая?

— Завела машину на территорию станции и попросила меня сменить покрывку.

— Что сделали вы?

— Заменял это колесо запаской. А потом заметил, что и эта камера тоже спущена. Если прислушаться, можно было различить, как воздух выходил через прокол.

— Ну и что же вы предприняли?

— Пришлось снова снимать колесо, вытаскивать негодную камеру и менять ее на новую.

— Вы разговаривали с обвиняемой по поводу сроков?

— Да.

— В каком плане?
— Спросил, не хочет ли она, чтобы я завулканизировал камеру в ее присутствии. Она ответила, что опаздывает на свидание и не сможет подождать. Поэтому камеру пришлось заменить, за починенной она должна была заехать на следующий день.

— Квитанцию вы ей дали?

— Да, сэр.

Джон Лукас достал замасленный клочок толстой бумаги с сомнительными пятнами.

— Вот эту?

— Совершенно верно.

— Во сколько обвиняемая уехала с вашей станции?

— Ровно в десять минут третьего.

— Вы проверяли время?

— Да, сэр. Мы обязаны проставлять его в регистрационной книге, по которой проверяют нашу работу.

— Значит, обвиняемая говорила вам, что спешит на свидание?

— Да.

— А не упоминала, когда оно было назначено?

— На два часа ночи.

— Где, она не говорила?

— Нет.

Джон Лукас повернулся к Перри Мейсону с саркастической усмешкой.

— Может, у вас есть какие-нибудь вопросы к свидетелю?

Перри Мейсон почти не шелохнулся, но его зычный голос сразу заполнил весь зал:

— Обвиняемая прибыла к вам на станцию в час сорок пять?

— Да.

— Точно в час сорок пять?

— Почти до минуты. Плюс минус пара секунд. Я посмотрел на часы, когда она приехала.

— А уехала в два десять?

— Тютелька в тютельку.

— За двадцать пять минут она не покидала станции?

— Нет.

— Смотрела, как вы работаете?

— Да.

— Вы ее все время видели?

— Да, она постоянно была в поле моего зрения.

— Есть ли вероятность, что вы могли принять ее за другую?

- Никакой.
- Вы уверены?
- Абсолютно.
- У меня все, — сказал Перри Мейсон.
- Джон Лукас вызвал Бена Крендолла.
- Ваше имя?
- Бенджамен Крендолл.
- Где вы живете, мистер Крендолл?
- В апартаментах «Беллер», по Норвалк-авеню, 308.
- Находились ли вы в своей квартире в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое июня?
- Да.
- Известна ли вам квартира В в апартаментах «Колле-монт» по Норвалк-авеню, 316?
- Да.
- Сейчас я покажу схему, на которой вы увидите расположение своей квартиры и квартиры В в «Коллемонте». А позднее специально оговорю точность ее выполнения.
- У меня нет возражений по этой карте, — небрежно бросил Перри Мейсон.
- Продолжайте, — сказал судья Меркем.
- Свидетель показал обе квартиры.
- На помощь ему тут же поспешил Джон Лукас, который достал из кармана масштабную линейку.
- По ней было установлено, что расстояние между квартирами не превышает двадцати футов.
- Перри Мейсон немедленно указал на то, что в схеме не учтена разница по высоте между окнами обоих зданий.
- Судья Меркем посмотрел на Лукаса.
- Может, у вас есть другая карта, изображающая боковой разрез зданий?
- От досады Лукас кусал себе губы.
- К сожалению, нет.
- Возражение принято, — объявил судья.
- Не скажете ли вы нам на основании личных наблюдений, каково это расстояние? — спросил Джон Лукас у свидетеля.
- В футах и дюймах не могу.
- После минутной паузы Джон Лукас спросил:
- Примерно футов двадцать?
- Возражаю против наводящих и подсказывающих вопросов, — заявил Перри Мейсон.
- Поддерживаю, — рявкнул судья.
- Джон Лукас задумался.

— Ваша честь, я снимаю этот вопрос и предлагаю членам комиссии побывать на месте действия и посмотреть на все это собственными глазами.

— Защита не возражает, — сказал Мейсон.

— Прекрасно. В половине четвертого присяжных отвезут к апартаментам «Коллемонт», — решил судья.

Джон Лукас торжествующе улыбнулся.

— Мистер Крендолл, — спросил он, — вы могли слышать происходившее в «Коллемонте» утром шестнадцатого июня сего года?

— Да.

— И что это было?

— Телефонный звонок.

— А еще?

— Разговор. Кто-то беседовал по телефону.

— Вы узнали его?

— Нет. Говорил мужчина. Голос доносился из квартиры В апартаментов «Коллемонт».

— И что он сказал?

— Упомянул женское имя Рода. В этом я твердо уверен. Назвал и фамилию, но очень неразборчиво. У нее было иностранное окончание «ейн». Сказал, что эта особа должна зайти к нему в два часа ночи и принести деньги.

— Что вы слышали потом?

— Я задремал, но до меня доносился странный шум.

— Какой же?

— Звуки борьбы, будто упало что-то, удар и поскрипывание. Потом все стихло. Затем, если не ошибаюсь, я слышал шепот.

— Ну, а еще?

— Настойчивый звонок в дверь.

— Он повторялся?

— Да.

— Сколько раз?

— Несколько...

— Звонили до этой драки или уже после?

— В самый ее разгар, когда удар нанесли.

Джон Лукас повернулся к Перри Мейсону.

— Приступайте к допросу.

Перри Мейсон немного выпрямился в кресле.

— Давайте все уточним. Сначала вы услышали телефонный звонок?

— Да.

— Откуда вам известно, что это был именно телефон?

- Из характера звука.
- Какого же?
- Механического... Все знают, как он звонит. Подребезжит пару секунд, помолчит, потом снова дребезжит...
- Это вас и разбудило?
- Наверное. Ночь была теплая. Окна распахнуты. Я вообще сплю чутко. Сначала мне показалось, что это наш телефон...
- Описывайте не свои предположения, а то, что видели, слышали и делали. Остальное нас не интересует.
- Я услышал телефонный звонок. — Голос свидетеля звучал враждебно. — Поднялся и понял, что доносится он из соседних апартаментов, к северу от нашего дома. После этого уже по телефону заговорил мужчина.
- А через некоторое время до вас донесся шум борьбы?
- Правильно.
- На фоне дребезжания дверного звонка?
- Правильно.
- А может, это снова был телефон?
- Нет, сэр. Исключается.
- Откуда такая уверенность?
- Звук был совсем другим. Прежде всего, более вибрирующим. А потом, его интервалы были длиннее, чем у телефона.
- Казалось, что ответ сильно разочаровал Перри Мейсона.
- Могли бы вы присягнуть, что звонил не телефон?
- Полностью ручаюсь за это.
- Вы в своем ответе уверены не меньше, чем во всех остальных показаниях?
- Абсолютно.
- Знали вы, который был час?
- Что-то около двух. Точнее не скажу. Через некоторое время, полностью очнувшись, я известил полицию. Тогда было два двадцать семь. Значит, прошло минут пятнадцать — двадцать. Повторяю, за точность не ручаюсь. Я дремал...
- Перри Мейсон медленно поднялся со стула.
- Разве вам не известно, — спросил он, — что человеку, находящемуся в квартире беллерских апартаментов физически невозможно услышать дверной звонок квартиры В апартаментов «Коллемонт»?
- Почему невозможно? Я же слышал, — возмутился свидетель.
- Вы имете в виду дребезжание звонка. Но почему думаете, что звонок был дверной?

— Знаю, и все.
— Откуда вы это знаете?
— Я не глухой, к дверным звонкам привык.
— Разве вам до этого доводилось слышать, как он звонит в квартире В?

— Нет. Понимаете, ночь стояла жаркая, душная, но в то же время очень тихая, ни ветерка, ни дуновения. Все окна были распахнуты.

— Отвечайте на вопрос: до этого вы ни разу не слышали дверной звонок в квартире у соседа?

— Не помню такого случая.

— А потом вы не стали проверять его звук, чтобы узнать, он ли это был ночью?

— Нет. С какой стати я бы принялся делать то, что мне не положено? И потом, я сразу признал звонок от входной двери.

Перри Мейсон дружески улыбнулся присяжным и сказал:

— У меня все.

Джон Лукас пожелал задать свидетелю дополнительные вопросы.

— Независимо от расстояния между вашими домами в футах могли бы вы сказать, что оно достаточно мало для распознавания дверного звонка?

Перри Мейсон был уже на ногах.

— Возражаю, ваша честь, ибо вопрос, заданный в такой форме, подсказывает ответ. Свидетель уже показал, что никогда до этого не слышал дверного звонка у соседа. Поэтому неправильно спрашивать, можно ли его различить на таком расстоянии. Сделать подобное заключение должны члены комиссии. Поскольку мистер Крендолл не знает этого звонка, он может лишь предполагать, расслышал бы его или нет.

Судья Меркем согласно наклонил голову.

— Возражение принято.

Лукас нахмурился. И через минуту спросил:

— Телефонный звонок до вас донесся?

— Да.

— Он был отчетливым?

— Совершенно. Настолько, что я подумал сначала на свой телефон.

— По вашему мнению, телефонный звонок сильно отличается от дверного?

— Возражаю против наводящих вопросов, — сказал Перри Мейсон.

Судья поддержал протест.

Немного подумав, Лукас нагнулся к одному из охранников и отдал ему на ухо какое-то распоряжение. На лице у него появилась хитрая усмешка.

Офицер кивнул.

Лукас выпрямился на стуле и спросил:

— У меня все, а у защиты?

Перри Мейсон покачал головой.

Судья объявил, что присяжных должны будут отвезти для осмотра места событий. И запретил им за это время обмениваться мнениями и пытаться воздействовать друг на друга.

Глава 19

Присяжных отвезли на место происшествия. Сначала им показали оба дома и окна обеих квартир, потом провели к квартире Моксли. По указанию Лукаса помощник шерифа предварительно договорился с Сиднеем Отисом, чтобы тот открыл свое жилье для обозрения. Джон Лукас подошел к судье Меркему, отвел его в сторону и поманил пальцем Перри Мейсона.

— Можно ли проверить звучание дверного звонка?

— Не возражаю, — сказал Перри Мейсон.

Помощник шерифа нажал на кнопку. Наверху раздался слабый писк.

— Поскольку со звонком продлевается эксперимент, его следует снять, надлежащим образом идентифицировать и представить как вещественное доказательство, — заявил Перри Мейсон.

После минутного колебания Лукас сказал:

— Как зовут нынешнего жильца этой квартиры?

— Сидней Отис.

— Выпишите для него повестку, — распорядился Джон Лукас с величием короля, привыкшего повелевать судьбами своих подчиненных. — Потом доставьте в суд. Отсоедините звонок и тоже привезите... Тем временем мы покажем присяжным место преступления, чтобы они там все как следует рассмотрели.

При этом он повернулся к помощнику шерифа и бросил на него многозначительный взгляд.

Сначала присяжным продемонстрировали квартиру Крендолла. Когда те столпились у открытых окон, снизу раздался настойчивый звон.

Перри Мейсон возмущенно схватил судью Меркема за руку.

— Это же равносильно проведению следственного эксперимента! Такие вещи не делают без согласия защиты! Так вот о чем вы шептались перед окончанием заседания и о чем теперь напомнили помощнику шерифа!

— Вы меня смеете обвинять? — вспыхнул Лукас.

— Достаточно, джентльмены. Вы привлекаете внимание присяжных.

— Что ж, мне придется дать членам комиссии указание не обращать внимания на этот звонок, — с возмущением продолжал Мейсон.

Лукас захохотал.

— Конечно, в протоколе такую вещь можно вычеркнуть, но в головах — никогда. Поэтому не советую вам больше упоминать о физической невозможности услышать такой звонок.

Судья Меркем с явным сочувствием посмотрел на Перри Мейсона, потом спросил:

— Нужно ли еще что-нибудь проверить?

— Нет, — отрезал адвокат.

Лукас покачал головой.

— В таком случае мы возвращаемся в суд.

— Продолжайте, — распорядился судья.

— Вызовите Элин Крендолл, — распорядился Лукас.

По случаю такого знаменательного события миссис Крендолл оделась с необыкновенной тщательностью, а на лице принесла выражение сознания важности миссии, возложенной на нее капризной судьбой.

Ее показания в точности повторяли сказанное мужем, с той лишь разницей, что она была менее сонной во время драки.

Джон Лукас успел закончить прямой допрос свидетельницы к вечернему перерыву в заседании.

Перри Мейсон поднялся.

— После того как ваша честь отпустит на отдых присяжных, я бы хотел обсудить другую стадию или сторону дела потому что без членов комиссии это будет лучше.

Судья согласился и повернулся к присяжным сообщить переносе заседания на десять часов утра и дать соответствующие указания в отношении поведения.

После их ухода Перри Мейсон обратился к судье:

— Ваша честь, Рода Монтейн написала заявление на развод с Карлом Монтейном. Чтобы оформить его для разбирательства мне нужно получить показания ее нынешнего супруга.

Для ускорения события я могу взять их под присягой сегодня же вечером, на что испрашиваю разрешение высокого суда.

Джон Лукас, к которому вернулась вдруг былая самоуверенность, сделал нетерпеливый жест.

— И дурачку понятно, что вся эта затея с показаниями под присягой замысливается для свидания со свидетелем до того, как он предстанет перед судом.

Перри Мейсон насмешливо поклонился.

— Что это за свидетель, которого приходится держать под семью замками из опасения, что он передумает и скажет на суде не то, чего от него ждут?

— Достаточно, джентльмены! — прикрикнул на них судья. — Защитник имеет право получить от свидетеля показания под присягой, если они ему нужны. Это вполне законно.

— Предлагаю застенографировать их с помощью моей секретарши, мисс Деллы Стрит, человека известного и надежного; во избежание неприятностей и кривотолков при этом будет присутствовать адвокат, представляющий интересы мистера Карла Монтейна. Это диспозиция исключительно гражданская. Но если мистер Лукас считает необходимым тоже проследить...

— Я имею право там находиться, если пожелаю! — загремел Лукас.

— Нет, такого права вы не имеете. Повторяю, дело это чисто гражданское, а у нас слушается уголовное. Поэтому Карлу Монтейну пришлось нанять другого защитника.

Судья Меркем стукнул молотком по столу.

— Суд уходит на перерыв. Ваше заявление о диспозиции, мистер Мейсон, будет рассмотрено завтра.

Джон Лукас, упиваясь своими успехами в построении обвинения против Роды Монтейн, не удержался от того, чтобы не сказать с насмешливой улыбкой Мейсону:

— Сегодня вы что-то выступали без обычного запала. Вам даже не удалось как следует допросить Крендоллов по поводу дверного звонка.

— Вы забываете, что я еще не закончил перекрестный допрос, — очень вежливо ответил Перри Мейсон.

Надо было слышать, как рассмеялся Лукас.

Перри Мейсон вошел в телефонную будку и позвонил в тель, где остановился Филипп Монтейн, эсквайр.

— Мистер Монтейн у себя? — спросил он.

Оказывается, тот еще не возвращался.

— Прошу передать от имени Перри Мейсона, что, если завтра в половине восьмого вечера он будет у меня в конто-

ре, мы сумеем обсудить с ним вопрос о разделе имущества, связанного с разводом его сына. Не забудете?

— Обязательно передам, — заверил его сотрудник отеля.

Следующий звонок адресовался Делле Стрит.

— Делла, я просил сказать старику Монтейну, чтобы завтра в половине восьмого он пришел ко мне для обсуждения условий раздела имущества между Карлом и Родой. Но почему-то сомневаюсь, что его оповестят. Нужно позвонить туда попозже и проверить.

— Хорошо, шеф. Вы не едете в контору?

— Нет.

— Послушайте, шеф. Ведь Карл Монтейн не сможет к вам прибыть. Окружной прокурор держит его в тюрьме.

Мейсон усмехнулся.

— Правильно, девочка.

— Но Филипп Монтейн должен у вас появиться?

— Непременно.

— Договорились. Я позабочусь о том, чтобы ему все было передано.

Этим вечером редактор городской «Хроники», знакомый с методами работы Перри Мейсона, кажушаяся безучастность которого всегда предшествовала взрыву бомбы замедленного действия, неожиданному и точно рассчитанному по времени, был поражен своеобразными вопросами того о дверном звонке. Он даже направил двух своих самых проницательных репортеров к окружному прокурору, чтобы добиться от последнего разъяснения важности этого звонка. Но тут же переменял свое распоряжение: они должны были прижать самого Перри Мейсона. Увы, тот как сквозь землю провалился и обнаружился лишь утром, свежесбрившийся, элегантный, шеголеватый, уверенный и веселый. Он вошел в здание суда ровно за пять секунд до начала заседания.

Первой на место для свидетелей опять поднялась миссис Крендолл.

Перри Мейсон встал и обратился к суду с просьбой позволить электрику установить сухие батареи для прослушивания звонка, снятого с двери квартиры Моксли.

Джон Лукас милостиво согласился на проведение эксперимента.

— Мы хотим, чтобы у защитника была возможность для самого тщательного перекрестного допроса.

— Прекрасно, — сказал судья грозным голосом, чтобы пресечь всякие попытки со стороны Лукаса изобразить из себя милостивого победителя, — приступим к проверке.

— Вызовите Сиднея Отиса, — распорядился Лукас.

Толстяк электрик поднялся на возвышение, взглянул на Перри Мейсона и потом вопросительно уставился на Лукаса.

— Ваше имя?

— Сидней Отис.

— Где проживаете?

— Квартира В апартаментов «Коллемонт» по Норвалк-авеню, 316.

— Род занятий?

— Электрик.

— Возраст.

— Сорок восемь лет.

— Когда вы въехали в эту квартиру?

— Если не ошибаюсь, двадцатого июня.

— Вы знакомы с устройством звонка от вашей входной двери?

— Конечно.

— Как электрик, вы должны разбираться в таких вещах?

— Знамо дело.

— Скажите, после вселения звонок не заменялся и не исправлялся?

— Заменялся.

— Что вы сказали?

— Заменялся, говорю.

— Что?!

— Другой там сейчас звонок.

— Как это понять? — Физиономия Лукаса постепенно становилась все более злой.

— Я же электрик, — просто сказал Сидней Отис. — Переехав в эту квартиру, поставил другой звонок из собственных запасов.

На лице заместителя окружного прокурора отразилось облегчение.

— Понятно. Вы хотели использовать один из своих звонков, так ведь?

— Знамо дело. Мои-то получше покупных.

— Понятно, — сказал Лукас, теперь уже улыбаясь, — а снятый у вас сохранился?

— А как же. Только это был не звонок, а зуммер.

В зале заседания наступила напряженная, драматическая тишина. Взоры всех присутствующих были направлены на простодушную, открытую физиономию Сиднея Отиса.

Джон Лукас поднялся с места, теперь краска залила даже его шею, а косточки пальцев, вцепившихся в край стола, побелели от напряжения.

— Когда вы переехали в квартиру? — переспросил он грозным голосом.

— Не то двадцатого, не то двадцать первого июня.

— И сразу же заменили зуммер на звонок?

— Точно. Звонок-то лучше слышно.

— Послушайте, ведь вы электрик?

— Да, сэр.

— Вам не пришлось побывать в других квартирах этого дома?

— Нет, сэр.

— Так вы, получается, не знаете, что в трех остальных квартирах на дверях стоят звонки, и это единственное весьма примечательное исключение, обнаруженное вами.

— Я не совсем понял, о чем вы толкуете, но если думаете, будто там действительно звонки повсюду, то ошибаетесь. Везде зуммеры стоят. Во всяком случае, у верхней квартиры напротив нас — зуммер.

— Откуда вы знаете, если не бывали там никогда? Кто вам об этом сказал?

— Понимаете, сэр, при замене звонка я боялся перепутать проводку. И, понятное дело, нажал на кнопку. Наверху точно оказался зуммер. В нижних квартирах я, конечно, не уверен. Но уж если наверху зуммеры, то и внизу, видать, тоже они.

— Ну что ж, посмотрим! — рявкнул Лукас и тут же повернулся к помощнику шерифа. — Немедленно поезжайте и проверьте все квартиры.

Судья Меркем стукнул молотком.

— До тех пор, адвокат, пока вы находитесь в стенах суда, вы должны относиться с уважением к показаниям свидетелей и уважать членов комиссии.

От негодования почтенный судья дважды повторил в одной фразе слово «уважение», что случилось с ним крайне редко.

Лукас буквально дрожал от ярости, но ему пришлось покорно склонить голову, соглашаясь с этой нотацией. Повернувшись к Перри Мейсону, он сказал нетвердым голосом:

— Начинайте перекрестный допрос.

Тот махнул рукой.

— У меня, собственно говоря, нет ничего. Признаться, я сам немного растерялся, поскольку хотел провести след-

ственный эксперимент, а звонок оказался не тем, который стоял у Моксли.

Джон Лукас повернулся к Отису.

— Это все. Можете идти, мистер Отис. Если суд разрешит, я вызову моего следующего свидетеля...

— Вы забыли, — улыбнулся Мейсон, — что уже приглашена миссис Крендолл. Мне пришлось прервать допрос в самом начале, ибо вы занялись своим свидетелем, Сиднеем Отисом.

— Прекрасно, — распорядился судья Меркем, — продолжайте допрос. Поднимитесь на возвышение, миссис Крендолл.

Элин Крендолл снова села на скамью для свидетелей. Вид у нее был ошеломленный.

— Обращаю ваше внимание на тот звук, который донесся из раскрытого окна Моксли во время драки, — начал Перри Мейсон, — готовы ли вы присягнуть, что это не был телефонный звонок?

— Да, я так думаю.

— Чем вы это обосновываете?

— Понимаете, телефон звонит иначе. Коротко, с ровными, одинаковыми перерывами, потом снова зазвучит, как-то механически, да и треск более пронзительный. А тут звук был вибрирующий.

— Так вот, миссис Крендолл, если выяснится, что в квартире у соседа стоял не звонок, а зуммер, получится, вы не могли его слышать.

Джон Лукас поднялся с места.

— Возражаю, вопрос аргументативный.

— Вопрос может быть аргументативным, — сказал судья Меркем, — и я его разрешу. Это совершенно честный метод ведения допроса, даже если формулировка кажется неудачной. Возражение отведено.

— Я думала, это был дверной звонок, — ответила миссис Крендолл.

— Теперь я должен обратить ваше внимание на фотографию будильника. Не считаете ли вы, что тот звонок, который был слышен вместе со звуками борьбы и ссоры, произвел именно он?

Лицо миссис Крендолл просветлело.

— Ну да, очень возможно. Теперь мне кажется, так оно и было. Наверняка.

Перри Мейсон обратился к суду:

— Поскольку, ваша честь, обвинение сейчас не располагает звонком, я хочу заняться будильником и попросить свидетельницу послушать, как он звучит.

Судья Меркем посмотрел на Джона Лукаса.

— Есть возражения?

— Можете не сомневаться, возражений сколько угодно! Мы будем вести расследование так, как нам кажется правильным. И не разрешим, чтобы нас запугивали...

Молоток судьи дважды опустился на стол.

— Сядьте, адвокат. Ваши комментарии неуместны ни как аргументы, ни как утверждения. Я считаю, что требование защиты провести подобный эксперимент заслуживает одобрения, поскольку свидетельница сконцентрирует свое внимание на всех звонках, которые можно было услышать в квартире. Поэтому я приказываю немедленно доставить вышеозначенный будильник, дабы не задерживать работу суда.

Джон Лукас сидел неподвижно.

— У вас имеется будильник? — спросил у него судья.

— Да, у шерифа... Как же ваша честь не понимает, ведь защитник построил дело таким образом, что...

— Достаточно, адвокат.

Удар молотка восстановил порядок в забурлившем зале.

Но отдельные шепотки все равно прорезали напряженную тишину, слышались какие-то непонятные, неопределенные звуки, которые усиливали ощущение приближающейся грозы.

Наконец помощник доставил в суд злополучный будильник.

Перри Мейсон посмотрел на него, повертел в руках.

— На задней стенке часов наклейка, — сказал он, — на которой черным по белому написано, что они изъяты из квартиры Грегори Моксли утром шестнадцатого июня сего года.

Судья Меркем кивнул.

— Как я понимаю, мне разрешается использовать их при перекрестном допросе свидетеля?

— Да. Если обвинитель хочет что-то возразить, пусть делает это сейчас.

Джон Лукас сидел очень прямо и неподвижно за столом, специально отведенным для него. Он не пошевелился и ничего не произнес.

— Продолжайте, — распорядился судья.

Перри Мейсон с будильником в руках подошел к мест для свидетелей.

— Видите, — сказал он, — звонок установлен на два. Теперь часы стоят. Я их заведу, предоставив свидетельнице возможность познакомиться со звуком и сказать, его она слышала или нет.

— Хорошо, — сказал судья Меркем, — проделаете это все на глазах у присяжных. Мистер Лукас, если хотите подняться на кафедру, чтобы лучше видеть, прошу вас.

Джон Лукас не пошевелился.

— Я отказываюсь принимать в этом участие! Это против правил, какой-то трюк!

Судья Меркем нахмурился.

— Ваши замечания, адвокат, очень смахивают на оскорбление суда. — Он повернулся к Перри Мейсону. — Заводите будильник, адвокат.

Перри Мейсон превратился в центральную фигуру в зале. Куда подевались его безразличие и флегматичность? Сейчас это был фокусник, готовый продемонстрировать свой коронный номер. Вот он поклонился судье, простодушно улыбнулся присяжным и поднялся на возвышение. Заводил он будильник медленно, так что всем были видны движения его красивых рук. Когда стрелки часов приблизились к цифре «2», механизм пришел в действие.

Перри Мейсон поставил их перед судьей и отошел, явно довольный плодами своих трудов.

Будильник звонил пронзительно, замолкал и начинал снова. Так повторялось несколько раз.

Нажав сверху на ограничитель, Перри Мейсон прекратил этот концерт.

Потом с улыбкой повернулся к миссис Крендолл.

— Ну, миссис Крендолл, поскольку тот звонок не мог быть ни дверным, ни, по вашему убеждению, телефонным, не думаете ли вы, что были разбужены этим самым будильником? Не он ли дребезжал, когда в комнате соседа началась борьба?

— Да, — сказала женщина, — по-моему, да!

— Вы уверены?

— Да, должно быть, так и произошло.

— Готовы ли вы присягнуть?

— Да.

— Скажите, хорошенько обдумав, вы уверены в том, что слышали звон будильника, так же, как во всех своих остальных показаниях?

— Да.

Судья Меркем взял часы в руки и принялся их рассматривать, хмурая кустистые брови. Несколько раз повертел ключик для завода, потом отставил вещь и кончиками пальцев забарабанил по столу, поглядывая на Перри Мейсона.

Тот поклонился в сторону Джона Лукаса:

— Перекрестный допрос закончен, — и опустился на стул.
— Продолжайте дознание, — сказал судья, перенося внимание на Лукаса.

Джон Лукас поднялся.

— Вы присягаете, — неожиданно заорал он на оторопевшую женщину, — что слышали не дверной звонок, а этот будильник, вразрез со своими прежними показаниями?

Миссис Крендолл, которая, по всем признакам, не принадлежала к кротким и покладистым особам, моментально насторожилась.

— Конечно, присягаю.

Раздался добродушный, покровительственный и потому особенно оскорбительный смех Перри Мейсона.

— Ваша честь, уважаемый обвинитель забыл все на свете. Он, кажется, собирается подвергнуть перекрестному допросу свою собственную свидетельницу. Миссис Крендолл была вызвана не защитой, а обвинением.

— Возражение принято, — сказал судья.

Джон Лукас глубоко вздохнул, с огромным трудом сохраняя самообладание.

— Значит, вы слышали будильник? — переспросил он тоном ниже.

— Да! — воинственно ответила свидетельница. По ее вздернутому подбородку и сердитому блеску глаз было видно, что теперь никто и ничто на свете не сможет ее переубедить.

Джон Лукас сразу же опустился на место.

— У меня все!

— Ваша честь, — Перри Мейсон обратился к судье Меркему, — могу я вызвать мистера Крендолла для дальнейшего допроса?

Судья кивнул.

— При сложившихся обстоятельствах суд не возражает.

Напряженная, драматическая тишина зала заседаний была настолько впечатляющей, что у несчастного Бенджамена Крендолла в полном смысле слова подкашивались ноги, пока он поднимался на помост, а скрип досок под его грузным телом казался биением пульса огромного животного, которое, затаив дыхание, ждало дальнейших событий.

Крендолл снова сел на скамью свидетелей.

— Вы слышали показания вашей супруги? — спросил Перри Мейсон.

— Да, сэр.

— А звучание этого будильника?

— Да, сэр.
— Хотите ли вы опровергнуть заявление жены о том, что в ту ночь звонил именно будильник?

Джон Лукас вскочил с места.

— Возражаю. Вопрос некорректен, и адвокат это знает.

Судья Меркем кивнул, соглашаясь.

— Возражение поддерживаю. Адвокат, ограничивайтесь вопросами в рамках закона. Подобная формулировка совершенно недопустима.

Перри Мейсон выслушал нотацию с покорным видом, но не убирая с лица добродушной улыбки.

— Хорошо, ваша честь.

Он снова обратился к свидетелю:

— В таком случае, мистер Крендолл, я спрошу следующее: как сейчас выяснилось из фактических данных, вы не могли услышать дверного звонка, а поскольку до этого совершенно определенно заявляли, что звонил не телефон, не думаете ли вы, что это был будильник?

Свидетель глубоко вздохнул. Его глаза по многолетней привычке первым делом обратились за советом к супруге. Она ответила ему таким твердым взглядом, что каждому стало ясно, кто в этой семье глава.

Джон Лукас снова возразил, но таким дрожащим голосом, что тот почти прерывался:

— Ваша честь, эта формулировка спорная, она допускает двоякое толкование. Адвокат так задает свои вопросы, что они частично подсказывают ответ свидетелю. Он упорно ставит на первое место заявление миссис Крендолл, и ответ мужа как бы зависит от него. Так нельзя. Почему он просто и ясно не спросит, без всяких преамбул, был этот звонок в дверь или будильник?

— А я, ваша честь, считаю мою манеру вести перекрестный допрос вполне законной, — настаивал Перри Мейсон.

Прежде чем судья Меркем смог вынести решение по данной проблеме, свидетель заявил на весь зал:

— Если господа воображают, что я стану противоречить своей жене, то они ненормальные!

Зал заседаний разразился громоподобным хохотом, который не могли прекратить даже требовательные окрики охраны и стук молотка судьи. После напряженности предыдущих минут зрители рады были использовать любой повод и стряхнуть с себя эмоциональную нагрузку.

Когда с помощью угрозы судьи Меркема немедленно очистить помещение было восстановлено некоторое подобие по-

рядка, Джон Лукас заговорил голосом обиженного ребенка, который жалуется матери:

— Вы сами видите, как искусно Мейсон вбил этому свидетелю в голову мысль о том, что тот подведет свою жену, если не станет давать показания, угодные защитнику.

Кажется, самое большое впечатление эти слова произвели на почтенного мистера Крендолла, который упрямо сжал кулаки и бросил на помощника прокурора сердитый взгляд, по всей вероятности причислив его сразу же к своим личным врагам.

Судья Меркем, прекрасно разбиравшийся в человеческой психологии, против воли слегка улыбнулся.

— Независимо от того, входило это в планы защитника или нет, но до свидетеля такая мысль действительно дошла. Тем не менее я поддерживаю возражение обвинения. Адвокат, задавайте четкие и прямые вопросы, без всяких сомнительных добавлений.

Перри Мейсон поклонился.

— Вы слышали звонок в дверь или звон будильника?

— Будильник, — без раздумий ответил мистер Крендолл. Перри Мейсон сел.

— У меня все.

Лукас подошел к свидетелю, потрясая часами в левой руке так яростно, что всем присутствующим было слышно, как внутри их звякали металлические детали.

— Значит, вы собираетесь сказать присяжным, что слышали именно этот будильник?

— Если в той комнате стоял он, — с олимпийским спокойствием ответил Крендолл, — значит, его.

— А вовсе не дверной звонок?

— Он бы до меня не донесся.

Лукас посмотрел на своего свидетеля с таким негодованием, будто тот совершил сейчас какой-то постыдный поступок.

— Это все, — сказал он.

Крендолл спустился с помоста.

Лукас, по-прежнему с будильником в руке, двинулся было к столу защитника, на полпути задержался, посмотрел на часы, как если бы ему в голову пришла внезапная мысль, и разразился возмущенной речью:

— Ваша честь, цель этого эксперимента совершенно очевидна. Поскольку будильник был поставлен примерно на два часа и звонил как раз в ту минуту, когда убили Грегори Моксли, обвиняемая Рода Монтейн не могла совершить преступ-

ления, так как собственные свидетели обвинения показали, что в промежуток времени от без четверти два до десяти минут третьего она находилась на территории авторемонтной станции.

Таким образом, ваша честь, наиболее важным в данном деле с точки зрения решения проблемы оказался вопрос: был ли будильник заведен и, следовательно, в два позвонил или же находился на ограничителе. Защитник сказал, что ему пришлось закрутить пружину боя на полные обороты, но это не подтверждается ничем, кроме его слов. Если завод находился на ограничителе, то одного поворота ключа было достаточно, чтобы его головка выскочила наверх и будильник зазвонил в положенное время. Поэтому я требую исключить данное вещественное доказательство и не принимать его во внимание.

Судья жестом приказал Перри Мейсону не отвечать, поднялся сам и в упор посмотрел на Джона Лукаса.

— С подобным свидетельством нельзя не считаться, — заговорил он громко и напористо, — оба супруга Крендолл ответили совершенно определенно, что слышали звон будильника. Независимо от средств, с помощью которых были получены такие показания, они остаются законными и должны быть учтены при разбирательстве. Свидетели дали их под присягой, и этим все сказано. Суд считает своим долгом напомнить, что обвинению были предоставлены все возможности пресечь любые махинации защиты. Суд специально приглашал обвинителя подняться на кафедру и проследить за тем, как мистер Мейсон заводит часы. Насколько я в курсе, вы предпочли разыгрывать из себя обиженного мальчика, уселись за столом с надутой физиономией, отказавшись от всякого участия в эксперименте. И таким образом сами себя наказали. Суд выносит вам порицание за попытку дискредитировать представителя защиты и за небрежное отношение к своим прямым обязанностям. Кроме того, все действия защитника контролировались судом. Что касается оценки заявлений свидетелей, ее сделают присяжные.

Побледневший Джон Лукас стоял, вцепившись в край стола.

— Ваша честь, — сказал он еле слышным голосом, — дело приняло неожиданный оборот. По всей вероятности, я действительно заслуживаю порицания суда. Однако очень прошу отсрочить окончание слушания до завтрашнего утра.

Судья Меркем с сомнением посмотрел на Перри Мейсона и спросил, нет ли возражений со стороны защиты.

Перри Мейсон улыбнулся.

— У защиты никаких возражений не имеется. Как накануне заметил обвинитель, необходимо обеим сторонам дать возможность изложить свои мысли. Поэтому защита с удовольствием предоставляет обвинению время для того, чтобы построить сокрушительные выводы, если это удастся.

Судья Меркем прижал ладонь ко рту, чтобы, не дай бог, никто не заметил, как предательски задрожали уголки его губ.

— Очень хорошо, — сказал он, — слушание дела откладывается до десяти часов завтрашнего утра.

Далее последовали обычные напоминания и назидания присяжным.

С этим он и вышел из зала заседаний.

Черная мантия развевалась за его плечами, как крылья какой-то гигантской мощной птицы.

Однако кое-кому из первых рядов удалось заметить на каменном лице верного стража закона самую обычную человеческую ухмылку, растянувшую его рот от уха до уха.

Глава 20

Яркая лампа в кабинете Перри Мейсона освещала похожее на неподвижную маску лицо Филиппа Монтейна и как бы высеченные из гранита черты адвоката.

Делла Стрит, страшно возбужденная, сидела в уголке с раскрытой тетрадью.

— Вы виделись сегодня со своим сыном, мистер Монтейн? — спросил Перри Мейсон.

В хорошо поставленном голосе Монтейна-старшего промелькнули насмешливые нотки:

— Нет. Вы же знаете, что не виделись. Окружной прокурор по-прежнему держит его в тюрьме как основного свидетеля, чтобы с ним никто не мог встретиться.

Мейсон сказал безразличным тоном:

— Кстати, не вы ли посоветовали принять такие меры предосторожности?

— Разумеется, нет!

— А вам не кажется странным, что, несмотря на закон, который запрещает мужу выступать свидетелем против жены, Карла до сих пор не освободили из-под ареста и все еще называют «основным свидетелем»?

— Я как-то не задумывался на эту тему... И уж во всяком случае, не имею к этому никакого отношения...

— Понимаете, мистер Монтейн, я давно уже пытался уяснить, что может скрываться за этой историей. И постепенно пришел к такому выводу: кто-то стремится помешать моему тщательному перекрестному допросу Карла.

Монтейн промолчал.

— Известно ли вам, что я виделся с ним сегодня днем? — продолжал адвокат.

— Я знал, что вы хотите получить от него показания под присягой для оформления дела о разводе.

Перри Мейсон медленно и многозначительно произнес:

— Мистер Монтейн, я намереваюсь попросить мисс Деллу Стрит прочесть вам протокол всего там происшедшего.

Монтейн собрался что-то возразить, но Перри Мейсон повернулся к секретарше.

— Начинай.

— Вы хотите услышать то, что застенографировано у меня в тетради?

— Да.

— И вопросы и ответы?

— Да, все целиком.

Вопрос. Ваше имя Карл Монтейн?

Ответ. Да.

Вопрос. Вы супруг Роды Монтейн?

Ответ. Да.

Вопрос. Известно ли вам, что Рода Монтейн подала заявление о разводе, обвиняя вас в жестокости?

Ответ. Да.

Вопрос. Вы понимаете, что в понятие «жестокость» входит прежде всего ваше ложное обвинение ее в убийстве?

Ответ. Да.

Вопрос. Так обвинение было ложным?

Ответ. Нет.

Вопрос. Значит, вы можете повторить его?

Ответ. Да.

Вопрос. У вас имеются для этого основания?

Ответ. Очень много. Она пыталась подсыпать мне в шоколад наркотик, чтобы я спал, пока она поедет на свидание к Моксли. Она тайком вывела из гаража машину, совершила преступление, вернулась домой и забралась в постель, будто ничего не случилось.

Вопрос. Разве неверно, что вы знали о Моксли еще до того, как жена тайком поехала к нему в два часа ночи?

Ответ. Неверно.

Вопрос. Обождите минуту. Вы же наняли так называемый «хвост» для слежки за ней. Он вел ее до моей конторы накануне убийства. Он же — и до квартиры Грегори Моксли?

Ответ. Неправда.

Предупреждение. Отвечая на вопросы, не забывайте, что вы даете показания под присягой.

Ответ. Да, я действительно нанял такого человека.

Вопрос. Была ли одна из камер на машине вашей жены спущена, когда она выехала из гаража приблизительно в половине второго ночи?

Ответ. Да, насколько я знаю.

Вопрос. А в запасной камере торчал гвоздь, верно?

Ответ. Как будто бы.

Вопрос. Но воздух не успел полностью из нее выйти?

Ответ. Как я понял, нет.

Вопрос. Будьте добры, мистер Монтейн, объясните мне, как гвоздь мог оказаться в запасном колесе, отстоящем от земли на два или три фута, если только его туда не воткнули нарочно?

Ответ. Не знаю.

Вопрос. Дальше. Правда ли, что, когда жена загнала машину в гараж, она не смогла его закрыть?

Ответ. Да.

Вопрос. Однако, выезжая из гаража, она двери сначала открывала, а потом закрывала?

Ответ. По всей вероятности, да. Так мне кажется.

Предупреждение. Вам не должно казаться. Ведь вы это отлично знаете. Потому что все прекрасно слышали.

Ответ. Да.

Вопрос. Когда она выезжала, ведь дверь закрывалась свободно?

Ответ. Да.

Вопрос. Правда ли, причиной заедания двери и того, что жена не сумела ее закрыть, стал буфер вашей машины, за который дверь зацепилась?

Ответ. Не думаю.

Вопрос. Можно ли считать фактом вашу заблаговременную осведомленность о том, что жена собирается в два часа уехать из дома?

Ответ. Нет.

Вопрос. Вы признаете, что нашли в сумочке жены телеграмму, подписанную «Грегори»?

Ответ. Да, но это было позднее.

Вопрос. И на телеграмме стоял адрес Грегори Моксли?

Ответ. Да.

Вопрос. Значит, вам не было известно, что жена собиралась на свидание с Моксли? И вы не решали попасть в его дом тогда же и увидеть собственными глазами все там происходящее? Не для этого ли вы придумали задержать приезд жены, проколов камеры в ее машине? Таким образом, у вас оказался известный запас времени, чтобы первым прибыть на место встречи. Вы сделали небольшой прокол в правой задней крышке и загнали гвоздь в запаску. Последнее не сразу бросалось в глаза, а становилось очевидным лишь после того, как ее устанавливали на место негодного колеса. Разве после того, как жена оделась, вышла, села в машину и скрылась за воротами, вы не помчались на квартиру к Моксли, рассчитывая, что миссис Монтейн непременно заедет на авторемонтную станцию устранить, вернее сказать, сменить колесо с проколом в камере? Разве не перелезли через перила, разделяющие задние портики, не проникли на кухню в квартиру Моксли и не услышали, как тот требовал от вашей жены денег, даже если для этого потребовалось бы отравить вас и получить страховку? Разве не слышали, как жена заявила, что хочет мне позвонить? Разве вы в ужасе от того, что ваше имя будет втянуто в такую некрасивую историю и это помешает финансовым комбинациям отца, не разъединили контакты в распределительном электрощитке, погрузив таким образом всю квартиру в темноту? А после этого не ворвались ли в комнату Моксли, услышав звук удара и шаги жены, выскочившей из помещения? И вы не зажигали там спичек, желая выяснить, что же произошло? Разве тогда Моксли как раз не поднимался с пола, слегка оглушенный ударом, который Рода нанесла ему по голове топором? И разве вы, действуя по наитию, не схватили последний и не рассекли им череп Моксли? А после этого разве не двинулись по коридору, чиркая спичками, которые взяли в комнате возле пепельницы? И разве там вы не встретились с другим человеком? С тем самым, который звонил в дверь, не получил ответа, бежал вокруг дома и проник в квартиру тем же путем, что и вы? Этого человека зовут Оскар Пендер, сам он из Сентервилля. Он пытался заставить Моксли вернуть деньги, которые тот когда-то обманом выманил у его сестры. Разве у вас не состоялся с ним тихий разговор, в ходе которого вы объяснили ему, что оба попали в весьма сложное положение? Разве вы не заявили, будто нашли Моксли уже мертвым на полу, но полиция никогда этому не поверит? Не постарались ли вы после этого замести следы, не взялись ли за тряпку и не принялись ли обтирать ею дверную ручку, топор и все, к чему прикаса-

лись? А перед уходом домой вам разве не пришло в голову, что жена могла выскочить через черный ход и спрятаться в коридоре соседней квартиры? И не ради ли этого вы стали его проверять, освещая спичками, после чего вернулись в квартиру Моксли и выбрались на портик? Так как спички кончились, вы бросили коробок, врубили электричество и вместе с Оскаром Пендером поспешно удрали из дома. Потом погнали что было сил свой автомобиль, опередив жену лишь на пару секунд. Но в спешке не загнали его в гараж как следует, и дверь заело. Вот почему вашей жене не удалось свести вместе две раздвижные половинки!

Ответ. Великий Боже, да! Сколько же времени я возился с этими проклятыми дверями, чуть с ума не сошел. Только в отношении убийства вы ошибаетесь. Я выключил электричество, чтобы Рода могла убежать, а потом испугался, как бы он ее не поборол. Вначале я услышал глухой удар в темноте и чье-то падение. Зажег спичку и пробрался в комнату. Моксли лежал на полу. У него был пустяковый ушиб, но он себя не помнил от ярости. Он набросился на меня. Топор лежал на столе. Я его схватил и в темноте стал им размахивать, как пращей. Потом окликнул Роду. Она не ответила. У меня больше не оставалось спичек. Я начал ошупью пробираться к выходу. Тогда-то и уронил ключи от гаража. Но в ту минуту я не спохватился. Вдруг кто-то еще зажег спичку. Это был Пендер. Остальное соответствует вашему рассказу. Тогда я не собирался обвинять Роду. Дал Пендеру денег, чтобы тот немедленно уехал. Уже почти вернувшись домой, я заметил, что потерял ключи от гаража, и сразу же представил себе все происшедшее.

Вопрос. Потом поднялись к себе в спальню, взяли запасные ключи и загнали машину, а как только жена вернулась и легла спать, выкрали у нее из сумочки те самые ключи, которые позднее показали мне в конторе? Правильно?

Ответ. Да, сэр, правильно. Я был убежден, что Рода станет ссылаться на самозащиту и что присяжные ей поверят. Поэтому и обратился к вам, прежде чем заявить в полицию. Я не сомневался, что вы сумеете ее вызволить.

Вопрос. Итак, насколько я понимаю...

Перри Мейсон поднял руку.

— Этого вполне достаточно, Делла, остальное не важно. Можешь идти.

Секретарша захлопнула тетрадь и неслышно покинула кабинет.

Мейсон внимательно смотрел на Филиппа Монтейна.

Лицо старика стало белее мела, руки вцепились в подлокотники. Он молчал.

— Не сомневаюсь, — снова заговорил Мейсон, — что вы читали утренние газеты. С вашей стороны было умно не присутствовать на заседаниях, но вы, конечно, в курсе всех дел. Свидетели обвинения подтвердили алиби Роды. Теперь присяжные ее не осудят.

Я верю рассказу вашего сына. Но вот суд не поверит. Учитывая все его поведение, включая бессовестные попытки переложить собственную вину на плечи жены.

Мне кое-что известно о характере Карла. Из разговоров с Родой. Он порывист и слабоволен, чему немало способствовало длительное злоупотребление наркотиками. Знаю, он боится вашего неодобрения больше всего на свете. Знаю, что ценит родовое имя, ведь вы его к этому приучили.

Конечно, Моксли вполне заслужил смерть. Понимаю я и то, что вашему сыну ни разу в жизни не доводилось одному попадать в критическое положение. Он всегда мог опереться на вас. И к Моксли отправился, вообразив, будто у того роман с его женой. Разобравшись в истинном положении дел, он поступил уже импульсивно, а когда в панике вернулся домой, обнаружил, что в довершение всех бед оставил на месте преступления ключи. Тогда, не испытывая ни малейших угрызений совести, он не только украл их у Роды, навлекая на нее этим подозрение, но сам же поспешил донести на жену в полицию. Короче, когда дошло до настоящей проверки, у вашего сына не оказалось ни благородства, ни настоящей честности, ни мужества... Он вел себя как последний подлец. А в самую тяжелую минуту вообще отвернулся от Роды. Если бы на суде он без утайки все это выложил, то получил бы минимальное наказание, потому что любой адвокат прекрасно бы доказал случай самозащиты. Да и Моксли не тот человек, который мог бы вызвать сочувствие. При нынешнем положении вещей вашему сыну нечего надеяться на снисхождение. Ему никто не поверит. Лично я не осуждаю Карла за убийство. Но осуждаю за подлое стремление свалить свои грехи на не причастного человека. И в этом виноваты вы один. Уверен, вы либо знали правду, либо догадывались о ней. Поэтому и обратились ко мне с предложением ослабить защиту Роды. Честно признаться, именно это и заставило меня впервые задуматься о том, кто же настоящий убийца. Непонятно было, отчего человек вашего ума и силы воли может дойти до столь подлого подкупа. Все рас-

суждения о фамильной чести и о том, что Рода — не пара вашему сыну, не давали достаточно веских причин. Ну а потом я сообразил, что единственно верным здесь может быть только стремление спасти собственного сына.

Монтейн глубоко вздохнул.

— Теперь я понимаю, что допустил роковую ошибку в воспитании Карла. Да, это натура слабая... Когда он сообщил мне телеграммой о женитьбе на медсестре, я захотел узнать, что это за женщина. Нужно было раздобыть о ней такие факты, которые, с одной стороны, убедили бы сына в его ошибке, а с другой — дали бы мне возможность приказывать ей. Для этого я и приехал сюда тайком. По моему распоряжению за ней следили днем и ночью. Мне был известен каждый ее шаг. Это не наемные детективы, а доверенные лица, которые у меня на постоянной службе.

Мейсон задумчиво нахмурил брови.

— Но тот человек, который вел Роду до моей конторы, был вовсе не профессионалом, а обычным любителем.

— Понимаете, адвокат, это было тем досадным совпадением, которое и нарушило тщательно продуманные планы. Когда Рода Монтейн вышла из вашей конторы, за ней действительно последовал мой человек, но столь искусно, что даже Пол Дрейк его ни в чем не заподозрил. Однако Карл, к сожалению, еще раньше стал о чем-то задумываться. Он по собственному почину нанял так называемого «частного детектива», который оказался немногим лучше любителя, для слежки за Родой. С его помощью он узнал о существовании доктора... как его там?... доктора Милсопа.

Мейсон медленно кивнул.

— Да, — сказал он, — как только Карл упомянул его имя, я понял, что он раздобыл эти сведения, прибегнув к услугам сыщика.

— Один из моих детективов, — продолжил с усмешкой Монтейн-старший, — как раз был на посту, когда Рода вышла из дому на свидание с Моксли. Он попытался последовать за ней, но упустил. Учтите темень и практически пустые улицы. Просто побоялся приближаться. Вернулся назад и спрятался во дворе, когда она скрылась. Карл приехал на его глазах, загнал свою машину в гараж и вошел в дом.

— Разумеется, вам известна важность этих сведений?

— Как только мой человек доложил о ночных событиях, я понял убийственность его информации. К этому времени было уже поздно что-либо предпринимать. На улицах продавали газеты, а Карл сходил в полицию. Понимаете, в это

утро я не велел будить меня, так как поздно лег спать накануне, и мои детективы не осмелились тревожить хозяина, чтобы сообщить ему новости. По сути дела, это был первый серьезный промах, допущенный ими, хотя я не имею права быть за него в претензии. Они подчинялись моим же указаниям. Ну и, конечно, не понимали грозного значения собственных открытий. Пока не прочитали в газетах описание трагедии в квартире Моксли.

Монтейн пожал плечами.

— Однако, адвокат, все это пустые и никому не нужные разговоры. Я полностью в ваших руках. Как понимаю, вам нужны деньги. Ну а что еще? Вы настаиваете на изложении этих фактов окружному прокурору?

Перри Мейсон задумчиво покачал головой.

— Нет, я не намерен ничего ему докладывать. Эти показания были получены частным образом. Мы с Деллой болтать не станем. Адвокат, представляющий вашего сына, не может проговориться, потому что должен всячески оберегать Карла в силу взятых на себя обязательств. Однако я бы посоветовал на всякий случай дать ему щедрый аванс, имея в виду защиту Карла в будущем. Что касается денег, дело обстоит следующим образом: мне нужно заплатить за защиту Роды Монтейн. Но это не самое главное. Куда большую сумму я хочу для самой Роды.

— Сколько?

— Очень много. Ваш сын нанес ей непоправимый урон. Его можно простить, сделав скидку на слабование. Но то, что вы сотворили, куда более страшно. С вас, как с человека сильного, умного и дальновидного, спрос куда больше. И потому именно вы должны платить.

Глаза Перри Мейсона неотрывно смотрели в холодные глаза мультимиллионера.

Филипп Монтейн вытащил свою чековую книжку. Его лицо по-прежнему ничего не выражало. Плотные сжатые губы превратились в узкую полоску.

— Я начинаю думать, — неожиданно сказал он, — что и я, и мой сын отвели предкам слишком большое место в жизни. Похоже, кто-то посторонний должен был развенчать нашу семью.

Он достал из кармана авторучку, отвинтил колпачок, старательно выписал и протянул Перри Мейсону два чека.

— Вы, адвокат, оказались на высоте, — добавил он твердым голосом, хотя губы его дрогнули. — Примите заверения в моем бесконечном восхищении.

Глава 21

Золотое утреннее солнце, льющееся через раскрытые окна, оставило светлые блики на огромном письменном столе Перри Мейсона.

Сам адвокат на пороге кабинета приглашал Роду Монтейн войти внутрь.

По лицу женщины было видно, в каком напряжении она жила последнее время. Однако щеки горели румянцем, глаза сверкали.

Она подошла к столу и осмотрелась.

Внезапно на ее глазах появились слезы.

— Я вспомнила, — пояснила она, — о своем первом визите и всем том, что с тех пор произошло. Если бы не вы, мистер Мейсон, меня бы засудили как убийцу.

Она задрожала.

Перри Мейсон жестом предложил ей сесть и, когда она опустилась в большое кожаное кресло, тоже уселся на свой вращающийся стул.

— Я не найду слов, — продолжала Рода, — чтобы выразить, как мне стыдно за саму себя. Насколько вам было бы легче, если бы я с самого начала следовала вашим указаниям. Ведь я понимала, что попала в ужасную кашу. И все же вы смогли бы меня вызволить с меньшей затратой энергии, если бы мне хватило здравого смысла вам довериться и рассказать всю правду.

Понимаете, окружной прокурор через каждые пять минут объяснял, как кто-то стоял на крыльце в самое время убийства Моксли. Прокуратуре, без сомнения, удалось бы доказать мое присутствие тогда поблизости от места преступления, поэтому самым умным я вообразила утверждать, будто сама и звонила в дверь.

— Вся трудность заключалась в том, что остальные рассуждали точно так же, — улыбнулся адвокат.

Он отпер ящик своего стола, достал оттуда чек и протянул ей.

Она посмотрела на него, не веря глазам.

— Господи, что это значит?

— Это значит, что Филипп Монтейн хочет хотя бы отчасти загладить свою вину... Юридически это называется «разделом имущества» между вами и Карлом Монтейном. На самом же деле это возмездие, которое должен понести богатый человек за свое моральное падение.

— Но я не понимаю...

— А это и не требуется... более того, мистер Монтейн заплатил мне, и, откровенно говоря, не поскупился. Так что все эти деньги принадлежат вам, только за небольшим исключением. Вы должны сделать одну выплату.

— Какую?

— Речь идет о мисс Пендер, которая вышла замуж за Грегори Моксли, когда тот носил фамилию Фриман. Грегори забрал у нее все сбережения и скрылся. Она приехала получить их обратно. Ей взялся помогать ее братец. К нему у меня нет ни малейшей симпатии, но она достойна сожаления. Для укрепления ваших позиций было необходимо организовать дело так, чтобы Пендеры срочно скрылись. Теперь я хочу, чтобы вы вернули мисс Пендер причитающуюся ей сумму. То, что у нее выманил в свое время Грегори. Все это учтено в чеке.

— Нет, не понимаю. Почему Монтейн-отец должен мне его выписывать да еще на такую колоссальную сумму?

— Наверное, вы лучше разберетесь, если прочитаете показания мужа, которые я взял у него вчера.

Он нажал на звонок, вызывая Деллу Стрит из приемной. Та моментально появилась в дверях, на секунду замерла при виде Роды Монтейн, потом шагнула к ней и протянула для пожатия руку.

— Примите мои поздравления.

Рода Монтейн ответила тем же жестом.

— Меня нечего поздравлять. Здесь заслуга одного мистера Мейсона.

— Его тоже поздравляю, — с улыбкой сказала Делла Стрит. Она протянула адвокату обе руки и с нежностью посмотрела ему в глаза.

— Я горжусь вами, шеф.

Он высвободил одну руку, притянул к себе девушку и похлопал по плечу.

— Спасибо, Делла.

— Окружной прокурор дело закрыл? — спросила та.

— Да, они дали маху. Пришлось поднять лапки кверху... Ты перепечатала показания?

— Да.

— Я хочу, чтобы миссис Монтейн прочитала их потом, можешь копию уничтожить, но стенографический отчет все же сохрани... Чем черт не шутит!

— Секундочку, — сказала Делла.

И через минуту принесла несколько листов машинописного текста.

— Прочитайте это, — обратился к Рода Монтейн Перри Мейсон. — Первую часть можете пропустить, сосредоточьтесь на второй, там, где вопросы и ответы подлиннее.

Рода Монтейн с интересом принялась просматривать протокол. Глаза быстро бегали по строчкам.

Стоявшая подле Перри Мейсона Делла тронула адвоката за руку и шепотом спросила:

— Шеф, а та история с дверным звонком была вполне законной?

Он посмотрел в ее встревоженные глаза.

— А что?

— Я всегда боюсь, как бы в один прекрасный день вы не зашли слишком далеко и не заработали неприятностей.

Он засмеялся.

— Мои методы не совсем стандартны. Но до сего дня в них еще не было криминала. Возможно, они хитроумны, но только в рамках закона. При перекрестном допросе я имею право использовать любые эксперименты, какие только смогу выдумать, любые построения, лишь бы добиться правды.

— Все это понятно, но окружной прокурор — человек мстительный. Если он когда-нибудь пронюхает, что вы приходили в дом без разрешения его владельцев...

Перри Мейсон вытащил из кармана сложенный лист бумаги.

— Вот, кстати, подшей к делу Рода Монтейн.

Она прочитала документ.

— Арендный лист, — объяснил адвокат, — на здание по Норвалк-авеню, 316. Понимаешь, я решил вложить деньги в недвижимость.

Делла тихонько рассмеялась и покачала головой.

— Мне бы следовало это знать, — чуть слышно сказала она.

Рода Монтейн вскочила с кресла и в негодовании бросила бумаги на стол.

— Так вот каковы они, отец и сын!

Перри Мейсон кивнул.

— Я излечилась. Мне хотелось стать матерью для слабого мужчины. И иметь не спутника жизни, а ребенка. Мужчина не может быть ребенком. Такой человек только безвольный эгоист. У Карла не хватило сил бороться с опасностью. Он попытался свалить вину на меня. Украл мои ключи, донес в полицию, а его отец всеми силами старался устроить мне смертный приговор... Какие подлецы!

Перри Мейсон молчал.

— Я ни за что на свете не возьму ни единого цента из монтейновских денег. Проживу и без них. Я...

— Не горячитесь. Пусть чек пока постоит у меня, — остановил ее Перри Мейсон.

Грудь молодой женщины поднималась, ноздри раздувались. Вдруг она взглянула на Деллу.

— Не могли бы вы соединить меня кое с кем по телефону?

— Конечно, миссис Монтейн.

Выражение лица Роды смягчилось, уголки губ чуть раздвинулись в улыбке.

— Пожалуйста, разыщите мне доктора Клода Милсопа.

Содержание

ДЕЛО О НАЖИВКЕ. Роман	
<i>Перевод с английского П.В. Рубцова</i>	<i>7</i>
ДЕЛО О БЕЗЗАБОТНОМ КОТЕНКЕ. Роман	
<i>Перевод с английского П.В. Рубцова</i>	<i>147</i>
ДЕЛО ЛЮБОПЫТНОЙ НОВОБРАЧНОЙ. Роман	
<i>Перевод с английского П.В. Рубцова</i>	<i>337</i>

Литературно-художественное издание

Эрл Стенли Гарднер

«Весь Перри Мейсон»

ДЕЛО ЛЮБОПЫТНОЙ НОВОБРАЧНОЙ

Романы

132-82

Ответственный редактор *З.В. Полякова*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Л.И. Витушкина*

Ответственный корректор *В.А. Андриянова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 17.10.2002.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,04. Уч.-изд. л. 28,91.

Тираж 8 000 экз. Заказ № 2859

ЗАО «Центполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

Отпечатано в ФГУП «Курск»
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109

ВЕСЬ ПЕРРИ МЕЙСОН

ЭРЛ СТЕНЛИ ГАРДНЕР

ДЕЛО
О НАЖИВКЕ

•

ДЕЛО
О БЕЗЗАБОТНОМ
КОТЕНКЕ

•

ДЕЛО
ЛЮБОпытной
ПОВОЗРАЩЮИ

ISBN 5-9524-0150-3

9 785952 401501

ЦЕНТРОЛИГРАФ®

Содержание

ДЕЛО О НАЖИВКЕ. Роман	
<i>Перевод с английского П.В. Рубцова</i>	<i>7</i>
ДЕЛО О БЕЗЗАБОТНОМ КОТЕНКЕ. Роман	
<i>Перевод с английского П.В. Рубцова</i>	<i>147</i>
ДЕЛО ЛЮБОПЫТНОЙ НОВОБРАЧНОЙ. Роман	
<i>Перевод с английского П.В. Рубцова</i>	<i>337</i>

Литературно-художественное издание

Эрл Стенли Гарднер

«Весь Перри Мейсон»

ДЕЛО ЛЮБОПЫТНОЙ НОВОБРАЧНОЙ

Романы

132-82

Ответственный редактор *З.В. Полякова*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Л.И. Витушкина*

Ответственный корректор *В.А. Андриянова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 17.10.2002.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,04. Уч.-изд. л. 28,91.

Тираж 8 000 экз. Заказ № 2859

ЗАО «Центполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

Отпечатано в ФГУП «Курск»
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109

ВЕСЬ ПЕРРИ МЕЙСОН

ЭРЛ СТЕНЛИ ГАРДНЕР

ДЕЛО
О НАЖИВКЕ

•

ДЕЛО
О БЕЗЗАБОТНОМ
КОТЕНКЕ

•

ДЕЛО
ЛЮБОпытной
ПОВОЗРАЩЮИ

ISBN 5-9524-0150-3

9 785952 401501

ЦЕНТРОЛИГРАФ®